

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 18

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-79473-532-3

УДК: 1751

Budapest 2019

Итоги конкурса

1 место: Алексей Тверитинов

Дополнительная информация от первого лица:

Член Союза писателей России, архитектор. Родился в Рязани, среднюю школу окончил в Ульяновске. Срочную службу проходил в морской пехоте Черноморского флота. Затем окончил архитектурный факультет Московского института инженеров землеустройства. Работал по распределению архитектором в сфере реставрации памятников архитектуры Подмосковья. В том числе возглавлял Государственное предприятие «Усадьбы Подмосковья», учрежденное Администрацией Московской области. Помимо основных обязанностей занимался изобретательством и рационализаторством. За внедрённые в народное хозяйство разработки удостоен нагрудного знака «Изобретатель СССР». Автор рассказов, новелл, публицистических статей, исторических очерков и нескольких книг. Есть литературные награды, в том числе медали М. Ю. Лермонтова и И. А. Бунина МГО СП России.

2 место: Наталья Тарасова

Дополнительная информация от первого лица:

"Приветствую тебя, мой дорогой читатель! Спешу представиться, меня зовут Наталья! Мне 28 лет и родом я из маленького городка, который носит уникальное название Йошкар-Ола, переводится как красный город. Проживаю 5 лет в республике Татарстан в городе Казань, много путешествую по России и ищу свою любовь. Пишу стихи и рассказы, с тех пор как научилась писать. Моя мечта с 16 лет, стать членом союза писателей. Не могу сказать о себе, что я творческий человек, скорее я нашла способ общения с людьми. Моя любимая фраза: "Пишу, как чувствую". Надеюсь, что вы тоже меня почувствуете..."

3 место: Андрей Пучков

Дополнительная информация от первого лица:

Пучков Андрей Викторович, родился 24 июля 1963г. в посёлке Хандальск, Абанского района, Красноярского края. В 1980 году закончил Абанскую среднюю школу №4. Служил в МВД на различных должностях. В 2006 г. вышел в отставку. В настоящее время проживает в г.Сосновоборске, Красноярского края.

Стихи и рассказы публиковались на страницах журналов Красноярского края, Кемеровской области, Москвы и Московской области.

Рассказы печатались в журналах: «Российская литература», «Современная литература России», «Новый Енисейский литератор», вошли в сборник издательства Серебро слов – «Мелодия жизни». Неоднократно печатались в журналах Союза писателей, в том числе в журнале "Страна Озарение". На конкурсной основе вошли в альманахи издательства Перископ-Волга: «ARONAXX I», «Происхождение мрака», «Алиса», «Новеллист», «Книжным детям», «Литературный фестиваль, и в сборник Литературного агентства - «Новые писатели 2019». Стихи печатались в сборниках Союза писателей: «Про100 поэзия», «В контакте с юмором», «Военкор», «Чи100поржать», и в журнале «Енисейка».

Содержание

Тверитинов Алексей	6
Наталья Тарасова	21
Пучков Андрей	26
Анна Логинова Трушкова	37
Виктор Астанин	42
Анна Саникидзе	71
Светлана Назарова	84
Сергей Васильев	90
Нагима Садулова	95
Ежэн Ангелина	111
Ким Барссерг	119
Контактная информация авторов	124

Тверитинов Алексей

Крестный путь на Родину

I. Любовь на всю жизнь

*Есть земля мертвых и земля живых, и мост между ними –
любовь, - единственный смысл, единственное спасение.*

Торнтон Уайлдер.

«Мост короля Людовика Святого»

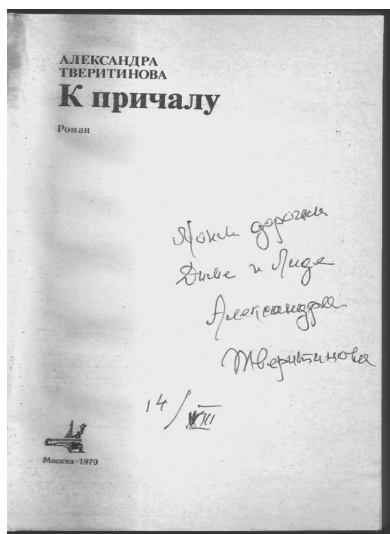
Она встретила с Александром Александровичем в Париже, куда приехала учиться в Сорбонне из Аккермана, входящего с 1918 года в состав Румынии. Поженились они в 1929 году. Александра была на 10 лет моложе мужа. Хотя Александра Марковна и считала себя русской, но, родившись и живя у моря, к настоящей России имела косвенное отношение, являясь к тому же Румынской подданной. И только встреча с Александром Тверитиновым по-настоящему открыла для нее Россию. И эта встреча в корне перевернула направление всей ее последующей жизни, придав ей неповторимую исключительность благодаря возникшему огромному чувству потрясающей силы, пожалуй, редкому для сегодняшнего времени.

В 1939 году Александр Александрович Тверитинов был депортирован из Парижа за свою антифашистскую деятельность. Александра Марковна высылке не подверглась и была вынуждена остаться в Париже. Она трепетно дожидалась визы, которую в Москве ей должен был выхлопотать ее муж. Но процесс затянулся, шли месяцы, затем молчание, потом война и немецкий концлагерь смерти в крепости Роменвиль, где она пробыла до августа 1944 года.

Приехав после окончания войны из Парижа в Москву к мужу, и, не найдя его, Александра в тоске и отчаянии продолжала в метаниях искать его долгие-долгие годы, преодолевая все обрушившиеся на нее мытарства, отказываясь понять то, что с ним произошло в действительности, и осталась в России до конца жизни. Отклоняя все предложения поклонников и в том числе влюбленных парижан, отказывая настойчивым требованиям молодости, прогоняя от себя все

возможности проходящего мимо нее человеческого счастья, Александра сохраняла верность и преданность Александру, и до конца жизни отчаянно не могла смириться с его отсутствием, всей душой и существом своим “готовая к нему идти и по морю, яко по суку”¹. Повсюду ей мерещился его образ. Вся ее последующая жизнь теперь преломлялась в постоянном виртуальном общении с ним. Переполнявшие воспоминания и чувства разрывали ей душу и настойчиво требовали исповеди.

Поначалу в муках слова сопротивлялись, не желая сочетаться друг с другом. Так рождалась писательница — Александра Марковна Тверитинова, посвятившая своему мужу Александру Александровичу Тверитинову сначала повесть «Париж — Негорелое...»², а потом и роман «К причалу». Особенной пронзительностью чувств наполнена заключительная часть романа, вмещающая в себя сочетание категорий «вечности» и «никогда». Ради такой любви можно и простить приплетенные к повествованию прокоммунистические конъюнктурные вымыслы, свойственные духу того времени. Да она и сама сознавалась в надуманности этого вынужденного антуража, покручивая горстью пальцев у виска.

¹ Александра Тверитинова. К причалу. — М. 1979. - С. 390.

² А. Тверитинова. Париж — Негорелое... — Л. 1970.

Не трогая сокровенную часть романа, а только ради общего представления о внешнем и психологическом портретах Александра Александровича Тверитинова, составленного любящей женщиной, позволим извлечь из его текста слегка отредактированные штрихи.

Александра таяла пред улыбкой его зеленоватых глаз, вовсе не как у всех людей, а как ни у кого на свете, как ей казалось. Ее восхищал его особый мужской шарм – лицо продолговатое, чуть горбоносое, в глазах грусть, даже когда смеется. Она чувствовала эту грусть за каждой его шуткой, за каждой улыбкой. Все в нем казалось ей полным обаяния, даже то, как с трубкой не растает; то в кулаке ее зажмет, то в зубах, даже манера сидеть, откинувшись всем телом на спинку стула. Его волосы, зачесанные на косой пробор, были легки и золотисты.

«Я буду помнить этот поцелуй. Я буду помнить этот поцелуй, пока жива, и если смогу, то и после того как умру. В могиле». – Так впечатлил ее их первый поцелуй.

Она слушала с каким-то внутренним оцепенением горькую повесть его скитаний, и бесприютного одиночества, и его болезненно острой любви к своей стране, и все в его речи: интонация, и непривычные ей слова, и каждое движение его лица – дышало какой-то особой, русской искренностью. Всегда сдержанный, Александр великолепно владел собой в любых ситуациях. И только когда речь заходила о России, случалось, срывался.

Александр всегда ореолом сопровождал ее личный мир, и душа ее восклицала: «Александр со мной. Он живет в моей памяти, и когда меня не станет, его не станет – вместе со мной. Мы умрем в один и тот же миг, будто убитые одной молнией»¹.

Великое чувство между этими людьми в условиях жестокого и сложного времени было обречено на бесчисленные испытания и тяжкие страдания. Но многие обладатели самых благополучных судеб в глубине души позавидовали бы им.

II. Панькино – Париж

Александр Александрович Тверитинов родился 9 июля 1897 года в усадьбе Панькино, которое выделилось как таковое в период подъема усадебного строительства из деревни и позднее вновь водворилось советской властью в состав одноименной деревни Панькино, в то время Рязанского, а после Московского уездов. Панькино принадлежало по наследству матери Александра Александровича Зиновии Алексеевне,

¹ Александра Тверитинова. К причалу. – М. 1979. – С. 430.

урожденной Ступиной и состояло за родом Ступиных, по крайней мере, с 16 века¹.

Александр Александрович был вторым после старшей дочери Зинаиды ребенком в большой семье, не давшей, к сожалению, по ряду социальных причин прямого потомства. К 1904 году семья состояла из восьми человек: отца – Александра Ивановича Тверитинова, служившего до революции заседателем Дворянской опеки, а затем – в Землеустроительной комиссии и страховом агентстве Зарайского уезда; матери – Зинаиды Алексеевны, бабушки – Екатерины Павловны Ступиной и пятерых детей – Зинаиды, Александра, о котором идет речь, Алексея, Екатерины и Петра².

В 1907 году Александр пошел учиться в Рязанскую гимназию, которую окончил в 1916 году. В том же году поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. Но учиться ему не пришлось. Александр был мобилизован в царскую армию и послан на учебу во 2-ю Московскую студенческую школу прапорщиков, из которой вышел поначалу в 217 запасной Ковровский полк, а затем был направлен на Юго-Западный фронт в 205 Шемахинский полк 3-го Кавказского корпуса в должности младшего офицера. Позже получил чин поручика и командовал ротой³.

После революции в декабре 1917 года Александр был отпущен в Зарайск и проживал теперь уже в деревне Панькино у родителей до осени 1918 года, когда был призван в Красную армию. Но заболевание брюшным тифом отодвинуло эту службу на начало 1919 года, которая до октября проходила в 5-м Рязанском запасном батальоне. Затем в составе 1-го Рязанского территориального полка, впоследствии переименованного в 490-й, Александр был отправлен на финский фронт, где пробыл до февраля 1920 года. С тем же полком Александр был на латышском и польском фронтах. В феврале 1920 года 490-й полк в составе 164 бригады был переброшен на латышский фронт, а в конце марта – на польский.

Таким образом, Александр принял участие в «советско-польской войне», в частности в первом и втором наступлении на Варшаву.

¹ Писцовые книги Рязанского края под ред. В. Н. Сторожева. – Рязань, 1898. – Т. 1. – Вып. 1. – 1594 – 94 гг.

То же, А. И. Цепков. Писцовые книги Рязанского края XVI в. – Рязань, 1996. – Т. 1 – Вып. 1. – С. 204.

² ГАРО. Ф. 98. Оп. 40. Д. 28. Св. 243. Л. 11-141об. 1829 и 1843 гг. – Дело о дворянстве Тверитиновых.

³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922; С. В. Волков. Участники Белого движения в России

< <http://forum.vgd.ru/post/395/70313/p2003488.htm> >

Во время прорыва поляками фронта под Варшавой в августе 1920 года, часть, где служил Александр, была брошена на задержку прорвавшегося неприятеля. Затем она была окружена и со многими другими частями 15-й и 8-й армий оказалась в плену¹. Но правительство большевиков не очень-то заботила судьба попавших в плен сограждан, многие из которых потом закономерно и перешли на сторону Белой армии.

Находясь в лагере военнопленных, Александр с напряженным вниманием следил за сообщениями белогвардейских эмиссаров о восстании против советской власти тамбовских крестьян и других народных возмущениях против новых порядков. Разделяя монархические убеждения генерала Петра Николаевича Врангеля, он без колебания вступил в его 3-ю армию (1-й стрелковый полк)², которая тогда формировалась на территории Польши Борисом Савинковым, школьным товарищем главы Польского государства Юзефа Пилсудского.

Александр возможно и раньше вступил бы в Белую армию. Но как можно было подвести под беду беззащитных немолодых уже родителей и еще неокрепших братьев и сестер!

По условиям Рижского мира, заключенного после проигрышной для России польской кампании, белые части Врангеля, еще толком несформированные, вынуждены были покинуть территорию Польши, перейдя советскую границу в районе станции Здолбуново. Белое формирование продвигалось на юг вдоль польской границы. После 3-х дней перехода, преследуемое конницей Котовского, оно придвинулась к южным границам Польши, и в районе станции Жмеринка произошел бой, откуда остатки Белой армии покатались в направлении под Волочиск, где, перейдя границу, вновь оказались в Польше и по условию действующего Рижского мира были вновь интернированы.

В бою под Жмеринкой Александр Александрович Тверитинов был послан в заслон для прикрытия от конницы Котовского отхода Белой армии. Как показано в следственном деле, при натиске конницы белые вынуждены были начать быстрое отступление, но Александр этого себе позволить не смог. Продолжая выполнять задание, он остался лежать в овраге, когда красная конница пронеслась над его головой, чудом

¹ В этой своей неудаче М. Н. Тухачевский обвинял командование Юго-Западного фронта, который своевременно не оказал помощи растянутому флангу Западного фронта. Эти события породили в советском военном руководстве длительный конфликт, сохранявшийся и в 30-е годы.

² С. В. Волков. Участники Белого движения в России: «Тверитинов Александр. Студент. Поручик. Во ВСЮР и Русской Армии; фев. - мар. 1921 в составе 1-го стрелкового полка 3-й армии в Польше. В эмиграции в Польше, к 15 окт. 1922 в лаг. Тухоль (на работах в Августове). /587; 594-21/». < <http://forum.vgd.ru/post/395/70313/p2003488.htm> >

оставив его невредимым¹. Через несколько дней с остатками белой пехоты Александр присоединился к своим в Польше. Как же это звучит горько и нелепо – к своим – в Польшу!

Судьба вновь привела Александра к Савинкову. Вполне разделяя установку генерала Врангеля – «против большевиков хоть с чертом», да еще в сочетании со свойственным молодости принципиальностью и радикализмом, Александр вступает в созданный Савинковым «Народный союз защиты родины и свободы» и в числе пяти человек проходит специальную подготовку для переброски на территорию Советской России с целью проведения контрреволюционной деятельности. Поскольку в Польше Савинков находился под покровительством Пилсудского – подготовка группы осуществлялась при помощи 2-го отдела Польского генштаба – отдела военной разведки при Польском Военном Министерстве.

Александр был назначен старшим пятерки. Он тогда еще не знал, что кроме антисоветской пропаганды и агитации среди населения на территории Советской России перед ними могли быть поставлены задачи совершения террористических и диверсионных актов и организации боевых антисоветских отрядов. Конкретные задания для них тогда еще уточнены не были. Не решено еще было – как они должны были действовать – все ли вместе или в одиночку. Но уже были взяты фотографии и подготавливались документы.

Однако в октябре 1921 года по требованию советского правительства в свете Рижского договора Савинков выехал из Польши во Францию. Потом он был вовлечен в систему операции «Трест», потом был захвачен при переходе российской границы в 1924 году и покончил самоубийством во внутренней тюрьме ОГПУ.

Между тем в 1923 году чекисты получили сведения о готовившейся переброске Александра Александровича Тверитинова на территорию Советской России, и 28 июля 1924 года органами ОГПУ при СНК СССР он был объявлен во Всероссийский розыск. Но судьба Александра дала другой поворот. После отъезда Бориса Савинкова в конце 1921 года, Александр Александрович бежал из лагеря интернированных в бывшую Ломжинскую губернию Польши под город Остров (Острув), где скрывался у крестьян, копая для них пруды. Через полтора месяца после побега он снова был водворен полицией в лагерь. Весной 1922 года, фактически порвав всякую связь с Савинковской организацией, Александр, с группой интернированных выехал на работу в Августовские леса, где до начала

¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 25-26.

1924 года работал пильщиком, а впоследствии бракером на лесопильном заводе.

В феврале 1924 года ввиду безработицы Александр подписал контракт на земляные работы во Франции, куда и эмигрировал в г. Гранвиль. Не боясь никакого труда, в Гранвиле Александр работал землекопом у подрядчиков по углублению Гранвильского порта. С мая и до конца 1924 года Александр работал на лесопильном заводе в городке Менескевиль в должности рабочего на машинах.

В начале 1925 года Александр переехал в Париж, где целый год проработал чернорабочим и грузчиком в Большой столярной мастерской. Но мятушаяся активная натура внешне всегда сдержанного Александра, презируя нужду, настойчиво рвалась к социальным действиям. И в том же году, поддавшись идеологическим заблуждениям, Александр вступает в Париже в «Республиканско-Демократическое объединение» – РДО, возглавляемое бывшим министром иностранных дел Временного Правительства П. Н. Милюковым, с которым, однако, потом, разойдясь взглядами, порвал в апреле 1932 года.

В 1926 году нужда на некоторое время привела Александра в г. Лион, где он работал грузчиком на вокзале. В конце года он снова вернулся в Париж и поступил на автомобильный завод «Ситроен» рабочим по окраске автомобилей, где проработал до конца 1927 года, после чего ушел ремонтным рабочим на железную дорогу. Параллельно с трудовой деятельностью Александр Александрович учился и активно работал в РДО против советской власти теперь уже на интеллектуальном уровне. В 1928 году работал полировщиком по дереву, но, заболев профессиональной экземой, вынужден был эту работу оставить. В 1929 году Александр сдал экзамен на право быть Парижским таксистом и работал в этом качестве в разных компаниях до 1934 года. Одновременно подрабатывал переводами. Поправив, наконец, свое материальное положение, он приобрел машину и продолжил работать таксистом уже на собственном транспорте. Прекратил эту работу в апреле 1937 года, когда стал в Париже руководителем «Союза возвращения на родину».

III. Общественная и политическая деятельность в Париже

«Республиканско-Демократическое объединение», в которое в 1925 году вступил Александр Александрович, в своей политической платформе делало ставку на НЭП и реставрацию капитализма в России. Посещая курсы ораторов, Александр публиковал в то же время статьи в «Бюллетени РДО» антисоветского содержания, с обоснованием

Милюковской программы, о промышленности, сельском хозяйстве, крестьянском вопросе, троцкизме. В «Хронику РДО» писал статьи по вопросам реставрации капитализма в СССР, где освещал советскую действительность, преломляя ее в свете программы Милюкова.

В РДО он также окончил 3-х годичные курсы, организованные Милюковым по подготовке квалифицированных антисоветских кадров, предназначенных для антисоветской работы за границей и последующей переброски с этой же целью на территорию Советского Союза.

Без отрыва от своей деятельности Александр в 1926 году поступил и в 1931 году окончил Франко-русский институт «Социальных и Политических наук», организованный группой французских и русских белоэмигрантских профессоров в 1926 году. Этот институт был вечерним, имел целью дать возможность получить высшее образование русским эмигрантам, занятым в дневные часы на производстве. Администрирование и руководство институтом осуществлялось французами. Преподавали же в основном русские профессора: Милюков – курс русской истории, Шацкий – международное право, Тронский – государственное право, Кулишер – конституционное право, Гурвич¹ – историю философии, Марков – политическую экономию, Шефтель – римское и гражданское право, Одинец – историю русского права, преподаватель Лазарев – философию. Были лекции и французских профессоров. Естественно, что политическое направление преподавания воспринимало советскую идеологию крайне отрицательно.

С 1929 года Александр Александрович занимал одно из видных положений в РДО, став членом Центрального правления, членом Президиума и казначеем денежных средств организации; работал в непосредственном контакте с П. Н. Милюковым, продолжая писать статьи и читать доклады на антисоветские темы².

Изучая опыт 1-й пятилетки и происходящие в России процессы, победоносно кричащие со страниц советской прессы о росте промышленности, выполнении планов и тому подобное, в сознании Александра Александровича, остро любившего свою Родину, стали возникать сомнения в правильности выбранного им политического пути. Эти сомнения усилились после встречи в 1929 году с давним другом – скульптором Сергеем Васильевичем Кольцовым, приехавшим из России в Париж с женой художницей Александрой Григорьевной Кольцовой-

¹ Георгий Давыдович Гурвич (1894 – 1965) Преподавал в Томском и Петроградском университетах. В 1921 г. эмигрировал из России; с 1924 г. во Франции; в 1940–45 гг. в США – американский социолог российского происхождения; с 1948 г. профессор Сорбонны. Сформулировал идею «диалектического гиперэмпиризма».

² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 183.

Бычковой в творческую командировку, данную им Луначарским для усовершенствования их творческих профессий. С Кольцовым Александр вместе служил с 1917 года в 217 запасном полку в Зарайске, затем вместе были на Юго-Западном фронте в 205 Шемахинском полку.

Кольцов узнал из газет об избрании Александра Александровича Тверитинова членом правления РДО и о предстоящем докладе, который тот должен был сделать в Историческом обществе в Париже. Там они и встретились. Кольцов хорошо отзывался о Советском Союзе, считая имеющиеся трудности и недостатки явлением временного характера. Рассказ о Родине оказал сильное воздействие на сознание Александра.

И вот группа членов РДО во главе с Александром Александровичем Тверитиновым, Александром Константиновичем Палеологом ¹ и Георгием Михайловичем Арнольди начала внутри РДО дискуссию, стремясь приблизить платформу организации к советским позициям, принять все то, что произошло в результате революции на Родине и содействовать ее успешному развитию.

Тверитинов и Палеолог занимали твердую позицию в изменении программы. Арнольди занимал половинчатую позицию и по окончании дискуссии от одних отстал и к другим не пристал. Большинство же членов РДО во главе с Милюковым продолжали ставить на реставрацию капиталистических отношений в городе и деревне, на роспуск колхозов и привлечение иностранного капитала. После окончания дискуссии в апреле 1932 года оппозиционная группа из 6-ти человек с А. А. Тверитиновым вышла из состава РДО, о чем было официально сообщено в печати. Вслед за ними вышли еще 15 человек.

После выхода из РДО Александр Тверитинов начал активную работу в русской секции Всемирной конфедерации труда (ВКТ)², где по данным следствия «играл видную роль»³ и был сотрудником газеты «Русский шофер».

Одновременно в 1932-33 годах Александр был членом Клуба «по изучению социальных и политических проблем современности», представлявшим собой свободную трибуну, где выступали эсеры, меньшевики и левые республиканцы. Он собирался в каком-либо кафе для заслушивания какого-нибудь доклада. В 1933 году, клуб распался.

¹ А. К. Палеолог – возможно потомок Византийских императоров, бывший лейтенант Российского флота и племянник адмирала Андрея Августовича Эбергарда (1856 – 1919). – ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 131.

² Современное название основанной в 1920 году Международной конфедерации христианских профсоюзов (МКХП). В 1998 г.в ее составе св. 26 млн. членов и 113 стран. Местопребывание – Брюссель.

³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 338.

В том же году, разочаровавшись во всех окружающих его политических направлениях, Александр метнулся, было, в масонство¹, надеясь, что здесь он не будет связывать себя никакими политическими программами. Но при приеме он убедился в обратном. Масонство вначале открылось для Александра Александровича как неполитическая организация, как объединение людей в независимости от классовых различий, которые стремятся к высшему нравственному идеалу, ко всемирному братству, и в масонстве могут состоять люди различных политических убеждений и партий. Но вскоре Александр понял, что, внешне находясь вне политики, масонство стоит правее его и нетерпимо относится к убеждениям других людей. А главным убеждением Александра Александровича всегда была его безмерная любовь к своей особенной, уникальной и многострадальной Родине.

«Поручителями» Александра Александровича для вступления в масонскую ложу были его давние соратники по РДО Владимир Николаевич Бухало и Георгий Михайлович Арнольди. Александр был подвергнут предварительным опросам, которые вели сначала старший ложи адвокат Маргулиес, затем по его поручению – Липпман и в третий раз Гласпер. После этого состоялся прием. Александра ввели в собрание членов с завязанными глазами и вновь начали задавать вопросы о его прошлом и политических убеждениях. Выясняли, каково его отношение к евреям. Александр ответил, что такое же, как и ко всем другим национальностям. Антисемитом не является. На вопросы об отношении к смертной казни и гражданской войне выразил свое отрицательное отношение и к тому, и к другому. Была масса и других подобных вопросов, после чего Александра вывели из комнаты, сняли в коридоре повязку с глаз и он со своими поручителями Арнольди и Бухало отправился в кафе. Там он им заявил, что в масонскую организацию не войдет, так как она ему не нравится. На следующий день Арнольди заехал к Александру, спросил о его окончательном решении и получил твердый отказ вступить в масонскую организацию. Анализируя происходящее, Александр на всё всегда имел своё твёрдое личное мнение.

В 1934 году нестерпимая ностальгия привела Александра Александровича Тверитинова в «Союз возвращения на родину», который возник в Париже в 1925 году после декрета ВЦИК и СНК от 9. 06. 1924 года о так называемой амнистии участников «белого движения». «Союз» способствовал возвращению в Советскую Россию бывших граждан царской России, но в основном это заканчивалось для них трагически. Не миновала сия чаша и, ничего не подозревавшего, Александра.

¹ А. И. Серков. Русское масонство 1731 – 2000. Энциклопедический словарь. – М., 2001. – С. 789.

Вскоре после вступления в «Союз» Александр Александрович стал членом его правления, преподавал там политическую экономию, читал доклады и публиковался в журнале «Наш Союз». В журнале с ним сотрудничала дочь Марины Цветаевой – Аля (Ариадна), которую Александр считал “талантливой и сообразительной девушкой” ¹. Сотрудником журнала был и ее отец, муж Цветаевой Сергей Яковлевич Эфрон, к которому у Александра сложилось отрицательное отношение. Эфрон, несмотря на работу в журнале, тем не менее, не был членом Союза возвращения. Для него было достаточно членства в «Евразии» и в масонской ложе. Как потом оказалось, С. Я. Эфрон еще был и секретным сотрудником НКВД и впоследствии среди прочих свидетелей дал на Александра Александровича обширные показания, впрочем, без ложных наговоров.

Александр Александрович любил поэзию, сам когда-то писал стихи, и стихи его публиковались. В Союзе возвращения Александр вел еще и литературный кружок, который активно посещала Марина Ивановна Цветаева-Эфрон. Здесь они и познакомились. Потом с мужем и маленьким сыном Муром Марина Цветаева была в гостях у Александра Александровича и его жены Александры Марковны Тверитиновых. Между семьями сложились близкие дружеские отношения. Иногда Александр отвозил Марину Цветаеву на дачу Эфрона на своей машине за 70 км от Парижа. Не обходилось и без разногласий. Однажды Марина была в гостях у Александра, и он обратил внимание на ее капиталистическое мышление, на что она возразила, заявив, что мышление у нее скорее “феодалистическое” ². Потом обозвала Александра большевиком, обиделась и ушла. Последний раз Александр виделся с Мариной Цветаевой в Париже в 1937 году при аресте и обыске французской полицией одного из обществ, в котором они состояли. Последующие встречи происходили уже после ареста ее мужа в России в подмосковном Болшево.

В 1937 году Александр Александрович Тверитинов стал секретарем «Союза возвращения на родину», к этому времени уже оказавшегося в полной идеологической и материальной зависимости от советского полпредства во Франции. Вскоре союз был переименован в «Союз Друзей Советской Родины».

Александр Александрович не мог остаться в стороне от борьбы с надвигающимся на мир фашизмом. В Париже он боролся с фашиствующей организацией «Боевые кресты», активно участвовал в

¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 146.

² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922.

работе Комитета помощи Испании и создании интербригад. Но в 1938 году Народный фронт распался, и фашизм стал вползать во Францию с черного хода. Правительство повернуло курс на «умиротворение» фашистских агрессоров. Начались жертвоприношения. В этом русле Александр Александрович Тверитинов и был выслан из Франции как нежелательный элемент и “лицо, представляющее опасность для французской республики”¹. 18 или 19 июля 1939 года Александр был взят на своей квартире в Париже и отведен в префектуру полиции, где ему было предъявлено постановление Французского министерства внутренних дел о высылке из пределов Франции в четырехдневный срок. Потом, для получения разрешения от Советского Консульства во Франции на въезд в Советский Союз срок был продлен еще на 7 дней и 1 августа 1939 года Александр выехал в Россию.

IV. Здравствуй, Родина!

Приезд Александра Александровича Тверитинова в Москву совпал с «Пактом» и «договором о дружбе и границе» Молотова-Риббентропа, подписанных 23 и 28 августа 1939 года, по которым СССР обязался не мешать развитию агрессии фашистского рейха. На всей территории СССР была запрещена любая антифашистская пропаганда. Неудобный для Франции, Александр Александрович, всю свою сознательную жизнь боровшийся сначала с коммунизмом, а потом с фашизмом оказался неудобным в тот момент и на Родине.

Александр остановился вначале в гостинице «Националь». Потом ему удалось прописаться у сестер и брата в Сокольниках, на Поперечном просеке, 29 – 15. Александр поверил в возможность благополучного воссоединения с любимой супругой на родине и деятельно оформлял для нее разрешение на въезд в Россию. Одновременно, продолжая верить в справедливость, он вел переписку с оставшимися в Париже соратниками по «Союзу друзей Советской Родины» по адресу: 12, улица Бюси, Париж, 6.

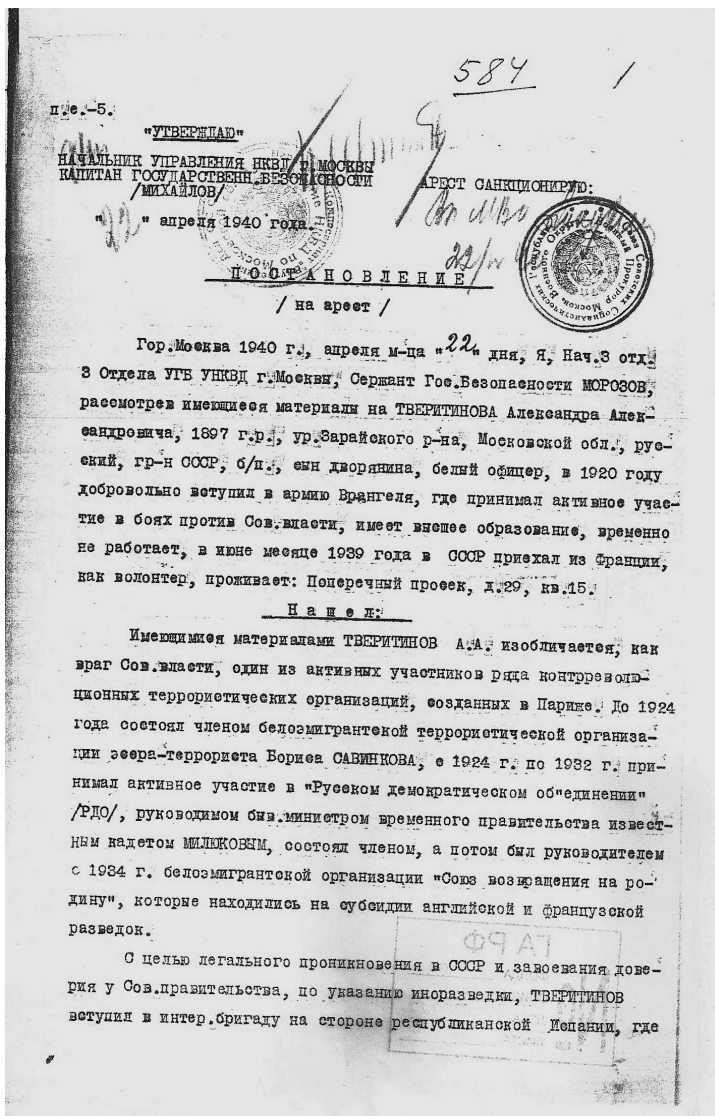
Через 8 месяцев его арестовали. В Сокольниках провели обыск. Несколько раз вызывали на допрос его сестру Екатерину. Потом Александр исчез. Дальнейшие попытки жены и родственников найти его или навести о нем хоть какие-то справки, заканчивались из соответствующих инстанций ответом типа: «Данными не располагаем».

¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922.

И вот, наконец, когда никого уже из близких не осталось, мне, автору этого очерка, приходящемуся Александру Александровичу Тверитинову двоюродным племянником, пришла из ФСБ России долгожданная весточка от 22 августа 2007 года:

«Уважаемый Алексей Дмитриевич! Ваше заявление о судьбе Тверитинова Александра Александровича в Управлении ФСБ России по городу Москве и Московской области рассмотрено и направлено по месту хранения архивного уголовного дела № П-55922 в отношении реабилитированного Тверитинова А. А. в Государственный архив Российской Федерации (119992, г. Москва, ул. Б. Пироговская, 17) Справки о порядке ознакомления с делом можно получить по телефону 8 (495) 245-81-51».

В ГА РФе я дал подписку, что не буду мстить потомкам лиц, так или иначе упоминаемых в следственном деле, содержащем более 400 листов. Но меня удивило и разочаровало, что три четверти из них перед просмотром оказались заправленными в специальные конверты с грифом «конфиденциально», прошитые и опечатанные. Таким образом, основная информация дела осталась недоступной. В деле приведены обширные показания различных свидетелей, упоминается большое количество известных и знаменитых имен. Вероятно, поэтому оно так тщательно и засекречено. Так мне тогда подумалось. Но позже я узнал, что в этих закрытых материалах содержатся доносы.

Постановление об аресте Александра Александровича Тверитинова.
Москва, 22 апреля 1940 года.

Продолжение документа запечатано конвертом и засекречено.
ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 1.

Александра арестовали в день рождения Ленина 22 апреля 1940 года по подозрению в контрреволюционной и шпионской деятельности против Советского Союза с предъявлением обвинения по ст. 58, п. 1-а, п. 4, 10, 11 и ст. 17-58, п. 8 УК РСФСР. Во время следствия Александр содержался в Лефортовской тюрьме. На допросах он несколько не отрицал своей антисоветской деятельности до 1934 года, после которого взгляды его стали смягчаться. Но свою причастность к шпионажу отрицал до конца следствия. На вопросы о целях приезда в Советский Союз неизменно отвечал, что приехал сюда для проживания на Родине.

– Вы «лжете», какая родина для вас Советский Союз, когда против Советского Союза вы почти всю свою сознательную жизнь вели активнейшую борьбу! – не выдерживал следователь¹.

Через 8 месяцев следствия Постановлением Особого Совещания НКВД СССР от 30 декабря 1940 года Тверитинов Александр Александрович был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет, считая срок с 22 апреля 1940 года. 27 мая 1942 года Александр Александрович ушел из жизни, отбывая наказание в Севвостлаге (Северо-Восточном исправительно-трудовом лагере) НКВД², но при каких обстоятельствах – остается неизвестным.

Через 16 лет после его смерти, 21 июля 1958 года Военный трибунал Московского Военного Округа отменил вышеозначенное Постановление и прекратил дело за отсутствием состава преступления. Александра Александровича реабилитировали. При этом было отмечено, что, находясь в Париже на посту руководителя «Союза друзей Советской Родины», он, в деле укрепления дружбы и сотрудничества народов, принес России большую пользу³.

¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 300-301.

² Информация службы РАФ ФСБ России по г.Москве.

³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. № П-55922. Л. 409.

Наталья Тарасова

Я обещаю, тебя завтра найти

"Наша встреча была настолько случайной, что я не верю в эту случайность."

Садилось солнце над Москвой, ярко-оранжевый закат растекался по небу, озаряя весь город. Она стояла на холодном и бетонном берегу, сильно дул ветер и обжигал ее щеки. «Как суетлив и бессмыслен этот город. Если бы я могла спрятаться от этой суеты.» - думала она. Катерина смотрела вдаль и думала о своей спокойной жизни, в которой ничего не происходит. В руках она теребила билет в театр, ей казалось это единственное средство и спасение от большого потока людей. А тем временем, в маленьком и безызвестном театре на Садовой под названием "N4" все готовились к спектаклю. В нем было принято собираться за два часа до спектакля, как правило, туда приходили начинающие актеры и писатели, студентки и одинокие дамы, которые искали себе пусть не великого, но известного в Москве писателя в качестве будущего супруга. Компания собиралась большая и все активно обсуждали изменения в литературном мире. "Уже не та эта ваша литература" - были слышны возгласы. "Талант он скромен, едва заметен, а если на нем мишура и много шума, то это бездарная литература" - размахивал руками критик Ахметов. Вход в театр лежал через парадную, открывая железную дверь можно увидеть стеклянную дверь театра, необходимо было подняться по небольшой лестнице в полумраке. На входе за стойкой сидела администратор, а напротив нее возле стойки стоял молодой человек лет 30, который из-за всех сил пытался создать драматическую атмосферу театра, это был Константин помощник администратора и по совместительству актер нашего театра. "Добро пожаловать в наш театр! Сегодня будет чудесный вечер. Молодой человек проходим, скоро спектакль"- обращался он к фигуре застрявшей на входе. "Анастасия ждет вас" - указывая на администратора. Ей уже не терпится оторвать вам билетик, не боитесь только билетик больше ничего." Атмосфера набирала обороты, почти все "свои" были в сборе оставалось 40 минут до спектакля, как внизу появился женский силуэт.

Константин замер, раньше он ее никогда не видел в своем театре, ему скорее хотелось увидеть и разглядеть черты лица. Женский силуэт, вышел на свет перед ним стояла молодая девушка лет 25, одета она была обычно, но она была не такой, как все девушки, которых он когда-либо встречал. "Кто она?" замерло его дыхание.

- Добрый вечер! - протянула она билет. Администратор ей пробила билет и отдала обратно.

- Добро пожаловать в наш театр, вас ждет чудный вечер, - пыталась выкрутиться администратор, пока ее помощник пребывал в своих мечтах. Незнакомка прошла дальше, прямо перед ней был буфет она попросила приготовить кофе. Зал был не как в обычном театре, стояли небольшие столики, сильно пахло табаком и литературой.

- Добрый вечер, мадам! Вы меня узнали? - обернувшись она увидела того странного помощника администратора.

- Должна была? - улыбнулась девушка.

- Меня зовут Константин. Константин Ивановский житель этого театра. А вас?

- Екатерина. - Вы никогда не были в нашем театре я вас вижу впервые?

- Я вас вижу тоже впервые. Атмосферой театра я впечатлена. Она гордо прошла мимо него и села за столик. Константин был удивлён таким поведением, девушки ранее не могли устоять перед его обаянием. "Возможно старею" - подумал он. Он подсел к Екатерине, попытался поймать ее взгляд.

- Мне кажется вы не умеете мечтать.

- Умею, мечтаю, но осторожно.

Свет начал в зале угасать и в комнате наступила полная темнота.

- Мне пора - Константин встал и вышел на сцену. На сцене был полумрак, и только тоненький луч света освещал героя. Герой рассуждал о жизни, о смерти и о любви, его руки тряслись от эмоции. Тут же он переключался и начинал смеяться, и шутить. На первый взгляд казалось, что на сцене творится хаос, но это новое видение автора на свое произведение. Искусство в литературе всегда находилось за границей адекватности. Спектакль был окончен. Константин спустился со сцены и прошёл сквозь восхищенную толпу. "Браво!" - кричали они. Он никого не видел и уже не замечал, он хотел дойти до неё и увидеть ее глаза полные восхищения. Но за столиком ее уже не было, она ушла. "Даже не попрощалась" - обиделся актер. Его мысли были заняты только одним: "Кто она? Зачем появилась? И куда пропала..." - его переполняли чувства, он думал ещё немного и его сознание пропадет в этой пучине чувств и эмоции. Он вышел из театра в парадную, прошел вдоль стены, где свет фонаря уже не освещал ее очертания. Вытащил сигарету и закурил. "Все, наконец, стало легче, она больше не придёт... Все это глупости, личные выдумки". Вдруг в темноте кто-то закашлял.

- Кто здесь? Каблуки зацокали по асфальту и на свет вышла Екатерина.

- Почему вы сбежали?

- Боюсь не смогла бы по достоинству оценить ваше творчество. Я не люблю самовлюбленных людей и дешевый театр.

- Моя игра была такой плохой? Вам не понравилось?

- Нет, ни разу. Но мне нравится, как вы чувствуете и злитесь сейчас.

- Я вас сейчас ненавижу. Все любят и восхищаются мной. Нет ни одной дамы которая была бы ко мне равнодушна. А вы? Что вы понимаете в этом?

- Да, я заметила. Но они в вас влюблены, не как в актёра, а как в симпатичного мужчину. Они тешат надеждой себя, что именно ее вы сделаете счастливой хотя бы на эту ночь.

Он рассмеялся.

- Как же вы правы, а вы замужем? - Эту жизнь я планировала провести в тесном семейном кругу: с любимым мужчиной в уютном доме, наполненным детским смехом. Судьба решила все иначе, она выбрала мне путь пребывания в одиночестве.

- Вы одиноки? - А разве вы не одиноки, кругом суета, литераторы и студентки, которые восхищены вами, но вы стоите здесь в парадной в полной темноте, и лишь сигарета ваша подруга.

- Я каждый день нахожусь среди суеты и многолюдности театра, но там нет той которая могла успокоить мою душу. Я мечтаю каждый вечер, что однажды вон там на балконе появиться она, будет развешивать белые простыни и крикнет: "Костя, иди домой борщ остынет". А я тут же тушу сигарету и бегу, лечу и понимаю я счастлив.

Катерина подошла к нему, встала рядом и посмотрела на тот же балкон.

- А вам сколько лет?

- Почти 40 - ответил он.

- Она не появиться - Вздохнула она.

- Почему? - 40 лет не появлялась и сейчас не появиться. А ещё через 40 лет лежа в предсмертном бреду вы будете сожалеть, что так и не смогли никого сделать счастливым. Найдите себе женщину, которая вас визуально будет удовлетворять, которая захочет быть с вами и подарите ей счастье и любовь, пусть в вашем доме будет детский смех. Вы будете знать все было не зря.

Константин посмотрел на неё удивлённо он не понимал почему такие мысли посещают столь юную особу.

- Мы не имеем права проживать эту жизнь впустую,- вздохнула девушка.

- А пошлите в кафе? Только не в наше театральное, а в любое другое. Я хочу показать вам новогоднюю Москву.

Екатерина взяла его под руки, и они отправились в ближайшее уютное кафе. Тишина замерла над парадной, только звезды и только падающий снег, только запах Нового года. За окном стемнело, крупный снег падал на землю, укрывая белым ковром все вокруг. Панорамное окно кафе отражало, задумчивый взгляд Екатерины. Ее не покидало беспокойство, завтра новый год она в этом городе одна. "Пойду на красную площадь" - определённо решила она про себя.

- А ты когда-нибудь отмечала новый год на красной площади? - кинул меню на стол Константин и сам плюхнулся в кресло.

- Нет. А вы?

- Почему вы? Откуда эти границы? Я не сделал ничего дурного ? Давай на ты, все-таки я думаю между нами не большой возрастной разрыв?

- 10 лет, - подтянула к себе Екатерина меню.

- Для 50-летней ты неплохо выглядишь, - смеялся актер, опираясь локтем на кресло слегка придерживая голову, придавая важность происходящего. Катерина заулыбалась. В воздухе растворилась магия и любовь, этой смесью никто не мог надышаться. И только эти двое не понимали что происходит настоящее новогоднее чудо.

- Твои мысли мне не понятны... Почему ты решила, что эта жизнь настолько бессмысленна? Вдруг все не так как тебе кажется? Чего ты хочешь от жизни?

- Как все любви. А ты ждёшь женщину, которой не существует, что может быть бессмысленнее?

- Я верю в то ,что она придёт, но я не говорил что она должна обязательно прийти.

- Хорошо. Давай помечтаем, пришла. Сегодня в театр, просто так, на спектакль, она пришла. Она готова тебя любить и вешать белье на балконе и варить тебе борщи. Как ты поймёшь что именно она?

- Ты на себя намекаешь? Ты не в моем вкусе, - запил он кофе, свои сомнительный комплимент.

- Да не важно кто... Она пришла, а ты не понимаешь этого. - Нет, если бы это была она я бы сразу понял.

- А я наверно встретила его, но не поняла этого. И он ушёл и не понимаю, что теперь мне делать.

- А что если он перед тобой? - Он вытащил из кармана серебряный браслет, он переливается на нем было 2 человека. - Они скреплены одной нитью, это два человека, которые ищут смысл в жизни, но именно поэтому они попали в замкнутый круг. Носи его, я хочу чтобы ты меня помнила.

Константин вложил браслет в руку Екатерине, положил свою руку рядом с ее рукой едва касаясь. Словно боялся спугнуть, он впервые так волновался за последние 10 лет. Екатерина смущённо улыбнулась. Она уже перестала удивляться этому странному пугающему поведению.

- Красивый браслет. Часто даришь подарки незнакомым девушкам?

- Нет, просто я его сегодня увидел и решил, что его нужно купить. Ты знаешь, я в своем роде отшельник.

- Для отшельника главное ни где не оставить след, чтобы его никогда не нашли, чтобы он остался свободным от людей. А ты работаешь в театре, и каждый раз оставляешь след в сердцах незнакомых для тебя людей. Тебя нашли, я тебя нашла. Так какой ты отшельник после этого?

- Что вы вообще можете знать обо мне? - разозлился Константин - Черт с тобой, вот и сиди здесь одна, умоляй, чтобы я тебя однажды отпустил на свободу.

Константин встал, кинул деньги за заказ на стол и ушел. Екатерина не стала его останавливать, она была возмущена ситуацией и не понимала, что она такого сказала. "Самовлюбленный московский индюк", - думала про себя Екатерина. Новый год приближался. На красной площади было многолюдно, играла музыка, было безумно холодно, но новогоднее настроение согревало всех. Екатерина шла по Красной площади в направлении к памятнику Минина и Пожарского. Ее раздирало чувство одиночества, ее мысли занимал только один человек. "Если в этой жизни есть человек, который создан именно для меня, для чего мне его знать, если мы никогда не будем вместе. Потому что это не честно, это не справедливо." Она его ждала всю новогоднюю ночь, но он так и не пришел. Он не смог набраться смелости и ворваться в ее жизнь. Это мгновение, что они провели вместе, он будет помнить еще долго. Возможно, однажды осмелеет и найдет возможность завоевать чье-то сердце, но не сейчас, не в эту новогоднюю ночь. "Если ты смотришь на одну и ту же луну, что и я, тогда о чем ты думаешь если не обо мне?.."

"Я искала этот взгляд в Петербурге, в Нижнем Новгороде, в Казани и многих городах России, взгляд полный безумства и энергии, я уже сбилась с пути и забыла о своих мечтах, но нашла его в Москве. Если один человек может зажечь другого, я хочу зажечь весь мир. Нет жизни после мечты, потому что мечта это и есть жизнь"

Пучков Андрей

ДЕД

...Меня вели по длинному, скрадывающему звуку шагов бетонному коридору. За моей спиной молча шли три человека, никто из них не проронил ни слова, но, я знал, куда меня ведут. Знал с самого начала, с того самого момента, когда открылась дверь камеры, и кто-то невидимый выкрикнул мою фамилию. Не смотря на тишину коридора, мои собственные шаги гремели так, как будто какой-то ненормальный шутник шёл рядом, и ударял меня бубном по голове! В конце коридора замаячила дверь, гул в голове от шагов стал стихать, и я с облегчением увидел, как через щели неплотно прилегающего к косякам дверного полотна, пробиваются полосы света.

Дверь открылась разом, так, что я от неожиданности остановился как вкопанный. И прежде чем в голове мелькнула мысль о том, что надо бы идти, почувствовал сильный толчок в спину, который буквально вытолкнул меня из распахнутых дверей. Глаза к свету привыкли быстро, всё-таки в камере я пробыл всего несколько дней, пока шли какие-то разбирательства. А не сидел как некоторые, месяцами, а то и годами.

Послышалась команда «К стене!» Я усмехнулся, и, осмотрев кирпичный «колодец», являющийся внутренним двориком большого здания, спросил, ни к кому собственно не обращаясь,

– К которой стене-то? К какой вы больше привыкли?

– Она прямо перед тобой!

Я пожал плечами, и пошёл к выщербленной пулями кирпичной стенке. О том, что стена попорчена именно пулями, можно было определить сразу, так как в некоторых сколах красного кирпича, матово поблёскивали кусочки свинца. Кто отдавал приказы и говорил со мной, я не мог понять, пытался определить, но, ничего не получалось. Всегда выходило так, что, когда я пытался разглядеть говорившего, рты у них у всех оказывались закрытыми. И мне даже казалось, что и ртов-то у них ни у кого не было!

Дойдя до стены, я развернулся, и посмотрел на своих сопровождающих, которых почему-то стало уже пятеро, хотя, когда мы вышли на улицу, в этом дворике не было никого.

– Отвернуться к стене! – послышалась команда от кого-то из них. Я опять усмехнулся. Всё! Больше я ваши команды выполнять не буду. Я знал, для чего вы меня сюда привели. И знал, почему вы собираетесь меня расстрелять. Вы хотите меня убить только за то, что я сын русского

дворянина. А значит, и сам дворянин. А дворянам у вас веры нет! Вы, по чьим-то извращённым понятиям считаете, что русский дворянин обязательно станет предателем родины! А в это тяжёлое для страны время, и подавно побежит сдаваться.

Как в замедленной съёмке я видел, как эти пятеро подняли ставшие почему-то очень длинными винтовки, настолько длинными, что я увидел черные зрачки стволов буквально на расстоянии вытянутой руки от себя. Я ясно видел, как эти черные пятна подрагивают, словно от нетерпения. Как будто они хотят, как можно быстрее выплюнуть в меня свинец, и, выполнив эту важную работу успокоиться и застыть в тревожном ожидании следующего выстрела.

Но вот гигантские стволы, наконец, замерли, и, приблизившись почти вплотную к моему лицу стали увеличиваться в диаметре. Они расплзались в стороны как чернильные пятна на промокашке. Они соприкасались между собой, и поглощали друг друга до тех пор, пока не остался только один громадный срез ствола, перед которым я стоял как перед тоннелем. Я судорожно втянул в себя воздух, и вдруг понял, что пока происходили эти оружейные метаморфозы, вокруг стояла оглушительная тишина. Это была совершенная, первозданная тишина, и когда послышался металлический грохот очень похожий на лязг затвора, я понял, что вот сейчас из ствола вылетит гигантская пуля и расплющит меня. Но я ошибся, из чёрного тоннеля вырвалась не пуля, а ярко красный сгусток, который охватил всё моё тело, а потом, с неимоверным грохотом взорвался в голове...

Я сидел на кровати, и тяжело дыша, смотрел в окно, за которым на столбе висел фонарь, и, покачиваясь, разбрасывал по комнате быстрые тени.

— Ты чего так подкинулся? С тобой всё в порядке? Раздался сонный голос жены, и она, сев рядышком, погладила меня по спине.

— Всё в порядке родная, ложись! — пробормотал я, — просто сон неприятный приснился. Спи.

Тревожные ощущения, навеянные сном, развеялись быстро. Не успел я прибыть на работу, как начался обычный дурдом отделения уголовного розыска, который, очень быстро вправил мне мозги, и наставил на путь истинный. А через пару дней, я уже совершенно забыл, о ночном кошмаре.

Рабочий день уже закончился, и служивый народ, дружно топтался под большим навесом, укрывающим входную дверь в отдел полиции от непогоды. Шёл дождь, и не просто дождь, а сильный дождь, и все, у кого по глупости не оказалось зонта, с завистью смотрели на обладателей

оних, которые гордо скакали по лужам, кто к своей машине, а кто на автобусную остановку. Я тяжело вздохнул, моя машина стояла метрах в двухстах, а зонта не было. Пока добегу, промокну насквозь. Подожду, может какое «окошко» появится, и тогда успею до машины добраться не вымокнув.

Мне повезло, дождь прекратился и я, не особо-то и торопясь, добрёл до машины, успел даже сесть и завести двигатель, как непогода разыгралась с новой силой. В салоне было тепло и уютно от работающей печки, окна «затянуло», и я оказался в своём маленьком мирке, в котором меня никто не беспокоил. Откинув спинку кресла, по удобнее устроился, и, прикрыв глаза, начал слушать, как по крыше машины топчутся беспокойные капли.

...Теплушку болтало как ненормальную, и я, в который раз уже удивился, этому. Ну да, можно сделать скидку на то, что до войны мы ездили в пассажирских вагонах, которые были не такие разболтанные и расхлябанные. Да, и на это надо было сделать скидку, и на то, что чинить подвижной состав в военное время просто было некогда. Я вздохнул. Всё это конечно понятно, но, я просто не ожидал, что будет болтать так, что, если не держаться за стенки, можно и свалиться.

– Толик! Хватит там торчать! – услышал я чей-то голос, но не придал этому значения.

– Толь! Давай иди сюда, обедать пора! Отцепись ты от этого бревна! Совсем уже рядом раздался тот же голос, и кто-то потерябил меня за рукав гимнастёрки.

Но, я уже перестал обращать на это внимание. Откуда-то спереди, от головы состава на меня накатывала волна тревоги. Я перегнулся через брус, перегораживающий широкие двери теплушки, и, щурясь от встречного ветра, стал внимательно всматриваться вперёд. И я увидел их. Две точки, которые быстро увеличиваясь в размерах, гнали перед собой волну страха. Пара фронтовых бомбардировщиков! Они шли в лоб составу, и я понял, что даже если мы сейчас начнём тормозить, остановиться эшелон всё равно не успеет. И тогда состав начал набирать ход, а навстречу самолётам потянулись хиленькие пулемётные трассы, которые явно не могли остановить несущуюся навстречу поезду крылатую смерть.

Однако пулемётчики свою работу выполнили! От их светлых, прочертивших серое небо полос, самолёты, ощерившись свастикой, шархнулись в разные стороны. В последний момент, я успел увидеть, как они, поднявшись выше, пошли на очередной заход, но уже с хвоста поезда. Опять на меня накатила холодная волна страха, но, я, выдержав

характер, стал смотреть, как один из самолётов, завершив разворот начал быстро догонять несущийся уже на большой скорости состав. Грохот стоял неимоверный, вагон швыряло так, что на ногах уже никто и не пытался устоять, сам я стоял только потому, что крепко держался за дверную перекладину.

И вдруг наступила тишина. Перестало болтать теплушку, и даже лесок, мимо которого мы проезжали, замер размазанной серо-зелёной стеной напротив открытых дверей вагона. И тогда я увидел её! Эта была бомба! Она летела сверху, как будто бы её родило неприветливое серое небо, и за ненадобностью избавилось от столь опасного дитя. Я подумал, что наш вагон наверняка успеваает проскочить под ней. Скорость у поезда большая, мы успеем, успеем!..

Но мы не успели. В давящей на мозг тишине, бомба приблизилась, и, зависнув прямо над крышей нашей теплушки, начала медленно на неё опускаться, увеличиваясь в размерах. Я отцепился от перекладки, и чтобы избавиться от страшной тишины, зажал ладонями уши. Не помогло, тишина продолжала грохотать в моей голове, и тогда, закрыв глаза, я, прямо сквозь веки увидел, как посредине увеличившейся до размеров вагона бомбы промелькнула ярко-красная полоса, которая рывком увеличившись, выплеснула на меня и на замерший во времени вагон красный сгусток пламени...

Тихо урчал прогретый двигатель, а я, сидел, тупо уставившись в лобовое стекло, и несмотря на то, что в салоне было тепло, чувствовал, как по телу пробегают неприятные холодные мурашки. Потом, выбрался из машины, передёрнулся от прохладного воздуха, и окончательно придя в себя, опять забрался в машину, и направился домой.

– Слушай! А может ты того! Рехнулся?! – с азартом предположила жена, узнав о моей очередной смерти.

– Ну а что! Работа у вас идиотская! Вот и сами вы понемногу становитесь!.. Того!..

– Да ну тебя! Отмахнулся я.

– А может ты просто переутомился? У вас же почти всё время «Усиленные варианты несения службы»!

– Да какое там переутомился! – фыркнул я, – к судорогам руководства мы уже давно притерпелись! И усиления проводим в каких-нибудь засадах, или в кабинетах, совершенствуя мастерство в азартных играх.

– Ну, тогда не знаю. Может тебя соответствующему доктору показать? Я удивлённо уставился на неё.

— Ну а что! — понесло жену, — тебя сразу же на гражданку отправят, дома чаще бывать будешь. Да и дети папу наконец-то в лицо запомнят!

К доктору, разумеется, я не пошёл, так как убийственные сны прекратились, и какое-то время жизнь катилась по накатанной, без особых жизненных потрясений.

...Надежда на то, что мы сможем форсировать реку потихоньку, в темноте, не оправдалась. Как бы мы не старались соблюдать тишину и маскировку, фрицы нас всё-таки заметили! Заметили и отреагировали, качественно накрыв огнём весь участок переправы. Наше плав средство, могло выдержать шестерых, и вот теперь, я стоял на коленях, на наспех сколоченном из нескольких брёвен плоту, и лихорадочно, изо всех сил грёб обломком какой-то доски. Гребли все! Кто чем мог! Доской, прикладом, каской, сапёрной лопаткой. Гребли лихорадочно, выкладываясь по полной. Все мы понимали, что жизненно необходимо как можно быстрее пересечь эту реку смерти, которая лениво катила свои маслянисто-чёрные воды. Мне почему-то казалось, что эта проклятая река играет на стороне фашистов! Она как будто специально тормозила наш плот, вынуждая нас как можно дольше, находится на простреливаемом её участке.

Берег приближался. Свист пытавшихся нащупать нас пуль, слился в один неприятный тонкий звук, который перемежался тяжкими взрывами, швырявшими вверх тонны речной воды, перемешанной с илом, и обломками лодок и плотов. И среди этой поднятой вверх смеси, страшно мелькали разорванные тела людей.

— Ребята! Давай поднажмём! Чуть-чуть осталось! — услышал я сквозь грохот разрывов чей-то голос, и, обернувшись на него, никого не увидел. Я остался один на своём плоту! Один! Не поднимаясь с колен, быстро огляделся, и опять лихорадочно начал грести. Но, через несколько секунд, перестал размахивать своей доской, и бросил её. Я почувствовал чей-то взгляд, тяжёлый, равнодушный взгляд, такой взгляд надо встречать только с автоматом в руках, и я, перекинув из-за спины на грудь ППШ, уже сам стал вглядываться в близкий берег.

Он был там! Он поднялся мне навстречу! Тёмная безликая фигура выросла из влажной прибрежной земли, и, отбрасывая в свете осветительных снарядов корявую тень, направила на меня что-то очень похожее на винтовку. И тогда, направив ствол автомата на эту тёмную фигуру, я нажал на спусковой крючок. В наступившей вдруг тишине, я видел, как устремились к ней выпущенные из автомата пули, как они летели, посверкивая своими стремительными телами. Видел, как они, погружаясь в темноту зыбкого тела, заставляют его дёргаться и

размахивать ставшими неестественно длинными руками. Автомат перестал вздрагивать, кончились патроны, но своё дело я сделал!

Тёмная фигура, распавшись на части, медленно завалилась в воду, и растворилась, оставив на поверхности, угольно-чёрное шевелящееся пятно. Терзающая разум тишина не отпускала, она нарастала и нарастала, и когда выносить её стало уже невозможно, я зажал уши руками, и задрал голову посмотрел вверх. И там, в подсвеченном мёртвым белым светом осветительных снарядов небе, увидел, как прямо на меня падает снаряд. Он прилетел откуда-то издалека, я знал это, так как на берегу не было сколь либо серьёзной артиллерии.

Это был мой снаряд, я сразу это понял, а когда понял, пришло облегчение! Исчезла мучительная тишина, и я, вздохнув полной грудью речной воздух, увидел, как снаряд, раскалившись докрасна, растёкся надо мной большой подрагивающей кляксой. Зрелище было заворачивающее, и тогда, чтобы лучше рассмотреть это, я встал в полный рост. Как будто ожидая этого, одно из щупалец кляксы метнулось ко мне, и, прикоснувшись к моему лицу, взорвалось с оглушительным грохотом, залив меня оранжевым огнём...

* * *

«Нда-а-а... не долго, праздник продолжался...» – вяло шевелилась в голове мысль, когда я среди ночи сидел на кухне, и, не включая свет, маленькими глотками прихлёбывал горячий чай.

«Опять значит, началось! Выходит, зря я обрадовался, тому, что не дурачок! А может у меня действительно, что-то с головой?»

А с другой стороны, больным на головушку я себя совершенно не чувствовал. А если не чувствовал, значит, действительно здоров и мне надо перестать заморачиваться по этому поводу.

Но, не смотря на принятое решение о своём душевном здоровье, соответствующему специалисту я всё же позвонил. Нашёл в интернете солидную, внушающую нешуточное доверие рекламу, и позвонил. Однако разговора не получилось. Владелец приятного мужского голоса, ответившего на мой звонок. Узнав, что мне снятся сны военной тематики, с тревогой в голосе порекомендовал мне немедленно приехать к нему в офис. В офисе, в спокойной обстановке, мы должны будем заключить договор, для того, чтобы он мог немедленно начать лечение моего больного сознания. Иначе, я очень скоро закончу свою жизнь в психиатрической клинике. Продолжать беседу я не стал.

Сны мне снились часто, самые разные, в любой обстановке, где бы я ни засыпал! Вот и сейчас, чувствуя, что слипаются глаза, я повозился на

надувном матрасе, удачно пристроенном под кустами возле реки. Устроился поудобнее, и закрыл глаза.

...Взвизгнула сирена, и я, открыв глаза тревожно огляделся. Всё! Прибыли на место, скоро прыжок. Следуя примеру своих товарищей, встал, и, чувствуя дрожь в ногах приготовился. Перед прыжком, я почему-то никогда не мог унять дрожь в коленях. Как бы я ни старался, колени всё равно предательски подрагивали. Да! Я боялся! Все мы боялись! Я видел это по напряжённым лицам парашютистов, у меня лицо было точно такое же, я был в этом уверен. Мы боялись высоты, боялись того, что нас может ждать там, на земле. Да, мы боялись, но, эти страхи были важны для нас только сейчас, в данную минуту, когда ничего ещё не началось. А когда дойдёт до дела, когда в уши ударит свист ветра, а потом, и свист пуль. Вот тогда страх уйдёт! И останется только ненависть...

Довольно сильный рывок раскрывшегося парашюта, и я, поправив лямки подвесной системы, покачиваясь, стал опускаться в темноту. Здесь, наверху, ночь не была такой тёмной, как там, возле поверхности, и я про себя начал повторять: «Быстрее, быстрее, быстрее!..» Чем меньше мы находимся в воздухе, тем лучше.

Лучи прожекторов ударили сразу с нескольких сторон! Это произошло настолько неожиданно, что я чуть не вскрикнул. Нам не повезло! Очень сильно не повезло! По всей вероятности, кто-то из разведки, что-то не доработал, и мы попались. Лучи прожекторов, как ненормально прямые щупальца, судорожно задёргались, выискивая цели. Находили, и тут же, к освещённым куполам парашютов, тянули свои тонкие бледные пальцы трассера.

Как обычно, когда началась работа, страх пропал и я, привычно освободив ППШ с рожковым магазином, стал бить короткими очередями в те места, откуда велась стрельба по десанту. Белой вспышкой по глазам ударил свет прожектора, и я ослеп! Я не видел ничего, кроме ярко-белого полотна, раскинувшегося перед глазами. Уже не было ночи, не было слышно грохота моего автомата. Не было слышно ничего! Казалось, что звуки сами по себе делятся на непонятные составляющие, и затихают, уткнувшись в это спящее белое нечто.

Я перестал стрелять, и, растопылив пальцы, вытянул руку в сторону укрытой белым светом земли, и вдруг, прямо из этого света вырвалась и полетела к моей руке тонкая строчка красной пунктирной линии. Она приближалась медленно, как будто не хотела удаляться от светлой поверхности. Я знал, что это такое, и понимал, что, если я встречу с этой прерывистой линией, умру. Умирать я не хотел, и поэтому, попробовал выбрать группу строп, чтобы отойти в сторону!.. Но, не смог даже

пошевелиться, так и сидел в подвесной системе, с вытянутой вперёд рукой.

Приблизившись ко мне, этот медленный трассер, стал распадаться на сотни, тысячи красных точек, которые всё множились, и множились, пока не заполнил своей краснотой всё вокруг. И далёкое небо, и залитую белым светом землю, и раскинувшийся надо мной купол парашюта. И вдруг я почувствовал, что начал падать прямо в это красное, медленно пульсирующее пространство. Я закрыл глаза, и тяжело вздохнул...

Открыв глаза, я глубоко вздохнул. Ничего не изменилось, я удобно лежал под кустом на своём матрасе. С другой стороны куста стояла палатка, возле которой пило чай моё семейство. Не торопясь поднялся со своего надувного ложа, с удовольствием потянулся, и пошёл составить им компанию

– Что, опять кино смотрел? – спросила жена, когда дети убежали купаться. Я взял бутылку с минеральной водой, и согласно кивнув, начал пить нагрешую воду большими глотками.

– Надеюсь, ты в порядке?

– В полном!.. Не переживай ты так! – хмыкнул я, – это даже становится интересным. Как будто смотришь фильм с собственным участием!

– Ладно, артист! Пошли к детям, искупнёмся, – засмеялась жена, и, не оборачиваясь на меня, побежала к реке.

Прошло несколько дней, а меня вдруг стало преследовать ощущение, что я чего-то жду, очень жду, а это всё никак не приходит! Но, вместе с тем, я был убеждён в том, что это вот-вот случится.

Вечер был пасмурный, дождливый, делать было нечего, и я решил пораньше лечь спать. К тому же, меня не оставляло чувство, что этой ночью, опять увижу самого себя, и со мной наверняка что-то произойдёт. Хотя, я к этому уже привык, последнее время, во сне со мной всегда происходили непонятные для меня события. Единственное, что я знал наверняка, так это то, что всё, что мне снилось, относилось к Великой Отечественной Войне!

...Выбросили нас удачно! Мы с ходу взяли этот посёлок, практически в рукопашную перебив разместившихся в нём фрицев. Но, задачу свою пока не выполнили, нам надо было уничтожить склад с боеприпасами, который разместился на железнодорожной станции. Оставался один рывок, однако, сделать его мы не могли. Наш десант был прижат к земле огнём из крупнокалиберного пулемёта, на который мы навались практически на подходе к станции. Бетонный ДОТ, из своей хищной, горизонтальной прорези выплёвывал длинные струи свинца, не

давая возможности даже поднять голову. Я завалился в удачно подвернувшуюся канавку и лежал, не решаясь поднять голову, буквально всем телом ощущая, как надо мной мечутся в поисках своей жертвы пули.

Шло время, шло очень быстро! Буквально летело! А это было очень и очень плохо. Из соседнего городка, на помощь уничтоженному нами гарнизону, уже наверняка мчалась помощь, которой мы противостоять, скорее всего, уже не сможем. Надо было что-то делать! Надо было преодолевать этот ДОТ! Вообще-то, я уже знал, что надо было делать. Я лежал ближе всех к нему, метрах в двадцати. Надо было только бросить гранату. Но, бросить её так, чтобы она влетела через амбразуру вовнутрь. Иначе толку никакого не будет. Я перевернулся на спину, и посмотрел в удивительно синее и чистое небо, оно было настолько чистым и ярким, что я непроизвольно задержал дыхание. Надо же, а я уже и забыл, что высота может быть такой пронзительно красивой. Жаль, не увижу больше... такого ...неба...

Для того чтобы бросить гранату надо встать! И не просто приподняться, и бросить, а именно встать! Встать во весь рост, затем склонится вправо, и бросить гранату так, как когда-то я бросал с сыном камешки на озере. Мы с ним искали плоские камешки, а потом, кидали их, чтобы они рикошетили своей плоской поверхностью от воды. А мы вслух считали, сколько раз камешек коснётся поверхности озера. И вот точно так же, надо было бросить и гранату. Встать и бросить! Встать и бросить! Это ведь совсем не страшно, и так просто! Взять и встать... Я улыбнулся, вспомнив, как сын смеялся, когда у него получался удачный бросок, и рванулся вверх...

У меня всё получилось! Всё было сделано как надо! Быстро и точно! Я не промахнулся! Я даже успел увидеть, как граната серым комочком врезалась в темноту амбразуры.

И вдруг, я увидел себя со стороны. Увидел, как моё тело неторопливо встало на ноги, так же не торопясь наклонилось вправо, и из размахнувшейся руки вылетел, и мучительно медленно полетел в сторону ДОТа... плоский камешек. Уйти от пулемётной очереди я не успел. С ясно осознаваемой тоской я видел, как ко мне из черной щели огневой точки понеслись пули. Но, грохота пулемётных очередей слышно не было. И я уже понял, почему... Пулемётчик тоже не промахнулся... Пули вошли в моё тело, и оно плавно опустилось на землю, глядя в небо застывшими глазами. Я перевёл взгляд со своего мёртвого тела на ДОТ, и увидел, как из амбразуры вырвался огненный вихрь... И я улыбнулся... Я справился... Я люблю тебя сынок!..

Несмотря на утреннюю прохладу, я в одних трико стоял на балконе, и смотрел в умытое ночным дождём небо. Оно было необыкновенно ярким и чистым. Я уже видел такое небо. Видел, и запомнил его. И никогда уже не забуду! На душе у меня было спокойно, спокойно и грустно. Я знал, что мои сны закончились, и что они больше не будут меня тревожить. Как будто, мне было показано то, что я должен был увидеть. Обязательно должен был!

Этот сон был последним! Он был настолько реальным, что до сих пор дух захватывало. Он не был похож на те, фантастические, раскрашенные сны, после которых оставалось странное чувство недоумения и тревоги. Этот сон вызывал грусть, грусть от того, что меня убили...

Зазвонил телефон, и я, вернувшись в дом, снял трубку,

– Виктор Анатольевич, – раздался женский голос, – вас беспокоят из городской библиотеки, у нас завтра будет проходить концерт художественных коллективов, и вы приглашены как наш лучший читатель!

– Вы набрали не тот номер! Я Андрей Викторович! А вам нужен мой отец ... – начал было я, и замолчал.

Я не знаю, сколько прошло времени, когда я вдруг обратил внимание на то, что стою возле стола и держу в руках трубку. Машинально поднёс её к уху, и, услышав короткие гудки, осторожно положил на стол. Мне всё стало понятно, как будто сложился пазл, который никак не хотел складываться. А тут вдруг появилась недостающая частичка, и всё встало на свои места! И этой частичкой стало отчество моего отца, «Анатольевич»! Имя моего деда!

Медленно опустившись в кресло, задумался. Виктор Анатольевич, мой папа. Анатолий Васильевич, мой дед, который без вести пропал на фронте во время войны. Я, наверное, каким-то непостижимым образом смог увидеть, как мой дед погиб. Нет, не так! Я увидел его несостоявшиеся смерти, те моменты, когда он мог погибнуть, но не погиб.

Отсюда и его возможный расстрел. Папа рассказывал, что дед действительно был сыном русского дворянина, который пропал в смутное революционное время. Сам дед работал инженером на военном заводе. Имел бронь, но однажды, оперативник из особого отдела предупредил его о том, что, если он срочно не уйдёт на фронт, за ним через два дня придут, как за сыном дворянина. Его тогда не взяли, он успел уйти. Но, это могло бы быть!

А ещё я слышал, как меня называли по имени, там, в одном из моих снов! Но не придавал этому значения. А потом, я, наверное, по прихоти жизни, или судьбы, или чего-то ещё, пережил все те эпизоды, которые

пережил и мой дед. Кроме того, последнего раза, когда он увидел яркое небо, и вспомнил своего сына...

Я много раз держал в руках, и разглядывал пожелтевший листок бумаги с неровным машинописным текстом, который гласил о том, что мой дед Анатолий Васильевич, парашютист-десантник, пропал без вести в 1944 году.

А может это были только сны, и ничего больше. Но, мне хочется верить, что это не так.

Я тебя помню ДЕД!.. Помню!.. И буду помнить!..

Анна Логинова Трушкова

Старшая сестра

Я сижу у больничной койки и ловлю каждое ее слово, произнесенное тихим, слабым голосом.

– Прости меня, – произносят ее губы едва слышно, и я вижу, как слеза покатилась из уголков ее глаз.

Не хочу впускать в свое сознание мысль о том, что может произойти непоправимое. Она, такая веселая и жизнерадостная, певунья и неумолимая труженица, – моя сестра. Вот пришел священник, а я все равно не хочу верить, что ее не будет рядом. Не будет наших долгих разговоров о проблемах жизни, о любви, в которую она уже не верит, о наших детях, что уже выросли. В 30 лет она похоронила новорожденного сынишку Павлика, который прожил всего три дня. Во время операции потеряла много крови – врачи с трудом спасали ее. А в 40 – не стало ее мужа Юрия Николаевича, вместе они прожили 17 лет. Это была счастливая, успешная семья. Как ей удалось пережить время тяжких потерь – одному Богу известно. Так и осталась жить одна с сыном Димой. Когда заболела мама, – оставила преподавание математики и перешла на технологию для девочек, – надо было ухаживать за мамой. Любви не чаяла в своей внучке Настеньке, радовалась ее успехам, помогала чем могла – никогда не оставалась в стороне от житейских проблем. Раз в год обязательно ездила со своими коллегами по святым местам Золотого Кольца. И работала, работала, работала...

– Уж чему научили нас наши родители, так это работать! – говорила она.

Так и продолжалась ее нелегкая, вся в трудах и заботах, жизнь...

Юра

Он появился в нашем доме неожиданно, буквально ворвался в наш быт и многое изменил в нас. Они учились на одном факультете: Людмила – на отделении математики, Юра – физики. Оба готовились стать учителями, оба были на последнем курсе, проходили педагогическую практику в одной школе. И вот именно эта практика в одной школе и сблизила их, несмотря на то, что все четыре года они видели друг друга на лекциях, всем курсом были на «картошке», принимали участие в концертах и в институтских соревнованиях по волейболу, да и во многих

других студенческих мероприятиях. Ему нужен был учебник по методике преподавания для подготовки к уроку.

– У меня есть этот учебник, – сказала она. – Но он у меня дома, если хочешь – приходи. Я живу недалеко от школы на Автозаводской.

И он пришел. Пришел, и обаял всех своей непосредственной открытостью. Пока сестра искала книгу, он разговорился с братом Славой, да, так легко и непринужденно, как будто всегда его знал и не один раз бывал в нашем доме.

– Посмотри, какой парень! – мама сразу обратила внимание на него и сказала об этом сестре.

– Да он деревенский! – ответила та. – Его никто в институте не воспринимает серьезно.

– Ну и что, что деревенский, – не унималась мама. – Это не главное! У вас будет общая работа, общие интересы. Посмотри, как он легко сходится с людьми. В нем нет хитрости. Он – хороший парень!

Подруги Людмилы были удивлены, когда узнали, что они стали встречаться. И все же мамыны слова возымели положительное действие. Юра стал приходить к нам каждый день, долго засиживаясь за разговорами. В феврале 1969 года они подали заявление в ЗАГС. Им предложили провести официальную помолвку в помещении ЗАГСа, и они согласились. Всем было на удивление приятно участвовать в подготовке к необычному событию в жизни семьи – мама испекла пирог «Веселая семейка», подруги подготовили номера художественной самодеятельности. На встрече звучали рассказы о молодых, песни, частушки-прибаутки. Очень весело прошло знакомство семей родителей. И об этой помолвке было напечатано в газете Ульяновская Правда. А 6 марта состоялась свадьба, они расписались официально. Так началась их совместная жизнь.

Юра легко вошел в нашу семью, стал не только родным и близким, а необходимым для каждого из нас другом. Соседи, глядя на их отношения дружбы и согласия, завидовали Людмиле, а спустя некоторое время, стали поговаривать: «Да, где же она такого парня нашла?»

По окончании института они оказались в селе Беклемишево Вешкаймского района. В этом селе была средняя школа и интернат для проживания детей из близлежащих маленьких деревень, где школ не было. Вот в таком интернате им и выделили комнату с отдельным входом. Комната была просторной и очень уютной. Помещение отапливали дровами. Конечно, для Юры такая обстановка была привычной – он вырос в деревне. А для Людмилы – что-то вроде экзотики. С этого времени Юра стал для моей сестры опорой во всех житейских делах. Он

стремительно брался за все – наколоть дрова и растопить печь, принести воды из родника, казалось, не представляло для него особого труда. Было приятно видеть, как они общаются, как заботятся друг о друге. Она часто повторяла: «Я ни о чем не беспокоюсь, мой Юра сделает все!» И действительно, так и было – на него можно было положиться во всем. Он живо откликнулся на любую нашу просьбу помочь, не откладывая ее исполнение. В Беклемишево жили они недолго – поздней осенью его забрали в армию, и она осталась одна до весны. Каждый день писали друг другу письма – Людмила ждала ребенка. В мае у них родился сын Дима. Счастливый случай помог им встретиться. В это самое время, когда все родные собрались в доме моих родителей, чтобы отметить рождение Димы, Юра проезжал мимо Ульяновска из Ногинска, где проходила его армейская учеба, в Челябинск на место службы. Ему стало известно, что в Ульяновске будет остановка эшелона на 3-4 часа. И он, не дожидаясь станции, прыгнул с поезда и примчался к нам увидеть сына. Когда он вошел, все родные, собравшиеся в доме, радостно воскликнули: «ЮРА! Юра пришел!!!» Это было необыкновенно и так похоже на него! До конца службы ему оставалось полгода...

Милочка

...Она была долгожданным ребенком в нашей семье. У моих родителей уже были сыновья, а тут – девочка! Да такая милая, голубоглазая, с нежными светлыми кудряшками на голове. Ее так и называли – Милочка. Приходили родные мамыны сестры, Дарья – мамина тетка и папанька – все были рады ее появлению в нашей семье, всем хотелось поддержать ее на руках.

На кухне в нашей квартире, где жили мои родители, стоял большой сундук, в нем хранились крупы, мука и всякие сыпучие продукты. Милочка любила сидеть на этом сундуке и сочинять сказки. Рядом мама готовила обед и, слушая ее, радовалась ее милому детскому лепету. Но беззаботное ее детство было недолгим. Когда ей исполнилось 5,5 лет, у мамы родилась двойня, – это были я и мой брат Сергей. Как и всякие девочки ее возраста, она с интересом наблюдала за малышами, постоянно вертелась возле, когда мама кормила детей. Ей очень хотелось помочь, показать, что она уже большая. Вскоре ей поручили самостоятельно укладывать спать братика и сестренку. Она садилась посередине кровати и начинала раскачивать ее, чтобы дети скорее уснули. Потом, будучи взрослой, она даже не замечала, что раскачивается, сидя в кресле или на стуле. Это незаметно вошло в

привычку, а у родных вызывало улыбку: «Милочка! – говорили ей. – Ты опять качаешься!»

Ко всем она относилась с заботой и любовью, но больше всего любила младшего брата Сергея. Так было, когда Сергей заболел желтухой и лежал с высокой температурой дома, пока не приехала скорая помощь. Она была с ним рядом, когда вновь ему стало плохо и у него был острый аппендицит. И потом, когда он остался один, без семьи, она заботилась о нем до самых последних его дней.

С юных лет Милочка верховодила сверстниками, организовывала во дворе что-то вроде пионерского лагеря, да так, как должно быть – с поднятием флага и горном. Каждое летнее утро все дети нашего двора от мала до велика бежали на зарядку под призывные звуки горна. Она была старшей вожатой для всех. Под ее руководством проходила зарядка, уборка территории двора, посадка цветов на клумбах.

Дети послевоенных лет 1945-46 года рождения переживали вместе с родителями тяжелые годы восстановления народного хозяйства. Недоедали, не имели вдоволь сладкого. Мама рассказывала, как пришла с Милочкой в магазин, а та и говорит: «Мама, купи малышам печенье». Продавец, услышав ее, воскликнула: «Да ты сама еще малышка, а заботишься о младших!»

И несмотря на все трудности, дети послевоенных лет были инициативные оптимисты. Никто не сидел дома, в послеобеденное время во дворе звенели детские голоса – играли в лапту, в городки, вращали скакалки, бросали мяч в игре «вышибалы», чертили на асфальте классики; игр придумывали великое множество. Общались дружно и весело. Взрослые, наблюдая за детьми, поощряли их на полезные дела. Все верили в «светлое будущее».

Школа жизни

В учебе Милочка особо не проявляла себя, больше всего ее влекла общественная и спортивная жизнь. Еще в школе она стала заниматься волейболом, потом тренировалась в сборной команде института, принимала участие в соревнованиях между институтами города. Под руководством Ивана Дмитриевича Балашова, учителя физкультуры, занималась бегом и постоянно принимала участие в городской эстафете за честь школы. Позднее, будучи с мужем в Конго, продолжала играть в команде волейболистов посольства. Перед выездом за границу, Милочка посещала курсы шитья. Это стало ее хобби надолго и помогло в работе на уроках технологии с ученицами в школе. В Конго она научилась играть в

длинные нарды, могла ночи напролет увлеченно играть и обыгрывать соперников. Она всегда делала то, что ей больше всего нравилось и что ее увлекало.

Организаторские способности сестры не пропали бесследно – много лет после окончания педагогического института она работала в пионерских лагерях старшей вожатой и старшим воспитателем. В школе была завучем по воспитательной работе, а затем профсоюзным лидером. У нее был колоссальный опыт в общественных делах. К ней обращались за советом и помощью ее коллеги, соседи и друзья, зная, что она никогда не откажет, поможет советом и делом. Жили они на улице Кузоватовской в трехкомнатной кооперативной квартире, которую помог получить мой отец. Юра был председателем кооператива. После того, как его не стало, на общем собрании жильцов председателем избрали ее. И снова она проявила себя великолепным руководителем, хозяйкой большого дома, вникая во все сантехнические тонкости: заключала договора с подрядчиками по ремонту помещений, по замене сантехники, вела полную документацию по прописке жильцов, по оплате коммунальных услуг и так далее. И все это совмещая с преподавательской деятельностью в школе.

Инициативная, легкая на подъем, веселая и неунывающая – трудно было представить любой учительский праздник без ведущей Людмилы Ивановны. Она готова была помочь каждому и в радости, и в горе.

Как-то поехали мы к знакомым в деревню, вышли на вечерней зорьке на берег р. Суры и запели в два голоса. Тихо, спокойно на берегу, ветерок затих, словно услышал песню. Далеко по реке разнеслись наши голоса. И так тепло стало на душе от этого единства звучания. Мы – родные! Мы – сёстры!

...И вот ее не стало, так неожиданно для всех! Деятельная, энергичная, жаждущая жизни, – до последних своих дней оставаясь учителем в школе и одновременно председателем домового кооператива, строила планы на будущее. С ее стремительным, неожиданным для всех уходом, я пронзительно остро ощутила насколько хрупка и быстротечна наша жизнь! Как тяжела потеря близких родных людей.

Виктор Астанин

Записки гаишника (продолжение)

«Чем дальше от центра – тем глубже ночи.
Милиционер, в темноту окраин глаз вонзай острой и зорче!»

В.Маяковский

VIII

В 1981 году дивизион изменил дислокацию и переехал в деревню Пешки, на 56 км Ленинградского шоссе, в отремонтированное и перестроенное здание школы. В дореволюционное время в этом здании был почтовый ям, и деревня получила название не от шахматной фигуры, а от того, что здесь возчики сходили с саней и телег, и шли пешком на крутой подъём, в направлении Москвы, чтобы легче было лошади. Этот подъём получил название: Красная гора, и здесь располагалась деревня с таким же названием. Гору у южной стороны Пешек называли Золотой, она напротив Красной. Это название она получила потому, что целый день прогревалась солнцем, и с неё снимали по два урожая. На её вершине - погост с часовней.

Дивизион получил двухэтажное, кирпичное здание, и в дежурной части было просторно, не как в Молжаниновке. Вечером к нам туда зашёл Володя Тихонов и спросил:

- Командир на месте?
- На месте, - ответил я, - а что ты хочешь?
- Рапорт подписать на учёбу.
- А теперь куда? – спросил я.
- В Калинин, на юридический факультет, - сказал Володя.

Тихонов окончил дневной факультет Саратовской школы ГАИ с красным дипломом. Учился он там вместе с Сергеем Галкиным и Иваном Соном.

Тихонов ушёл, а я Кулебякина спрашиваю:

- Может мне тоже рапорт на учёбу написать?

- Конечно, напиши. Иди, пока командир здесь, - говорит мне Алексей.

- С другой стороны, до экзаменов осталось две недели, - засомневался я, - когда готовится?

- Иди, иди, учись, тебя там ждут, - заверил меня Кулебякин.

Алексей Иванович был старше меня на 10 лет, я много чему у него научился. На некоторые вещи он мне открыл глаза, в вопросах, о которых я даже не задумывался. В частности: о правосудии. Коснувшись войны, он мне поведал: «Мой отец ушёл в Армию в 1938 году, после моего рождения, прошёл финскую войну, ещё не демобилизовался, началась отечественная. Попал в плен. Когда освободили из концлагеря, погрузили в товарный вагон, и привезли в Москву, на Белорусский вокзал. Жили мы тогда в деревне Сокол, тогда это была подмосковная деревня. Из вагона никого не выпускали, а в ночь поезд тронулся в сторону Сибири. Домой отец вернулся через 20 лет после того, как из него вышел. Пришёл, посмотрел на нас, и ушёл. Ничего его с семьёй уже не связывало».

Или, рассуждая об исторических событиях, Алексей Иванович меня спросил:

- Царскую семью за что расстреляли?

Действительно: за что? Воспитанный на основах марксизма-ленинизма, я себе такой вопрос не ставил. Получается: предали царя.

Валерий Григорьевич мне рапорт подписал, не говоря ни слова.

Кулебякин привёл ещё два примера из своей жизни: «В 1971 году Волжский автозавод начал выпускать «Жигули». У поворота с Ленинградского шоссе на Менделеево произошло ДТП: в сторону посёлка двигался рейсовый автобус, и он остановился на остановке у монумента защитникам Родины, у «Штыков». Со стороны Зеленограда двигалась новенькая «копейка», водитель которой, объезжая автобус, выехал на встречную полосу. Дорога там – ты знаешь – двухрядная. Навстречу ему двигался мотоцикл с коляской, и мотоциклист принял влево, то есть тоже выехал на полосу встречного движения. Но водитель «ВАЗ-2101» в этот момент возвратился в свой ряд, и занял свою полосу движения. И они бы разъехались, если бы не действия мотоциклиста. Но столкновение произошло. Водитель мотоцикла и его пассажир погибли.

Я тогда в отделе работал экспертом-криминалистом, и выезжал туда со следователем. Мы чётко зафиксировали тормозной след «Жигулей»: две чёрные полосы резины от колёс на правой стороне дороги по ходу движения, ровный тормозной след. Я его сфотографировал. Так, вот. Водителю «Жигулей» дали 10 лет лишения свободы».

- Да, ты что! – удивился я.

- Да. И знаешь почему? Один из погибших был сыном работника Исполкома, от которого зависело распределение квартир.

- А помнишь: девчонку изнасиловали и убили, в том же году? – продолжал рассказывать Кулебякин.

- Около Ожогина? - спросил я.

- Да.

- Конечно, помню. Тогда это был из ряда вон выходящий случай.

Алексей начал рассказывать вторую историю: «Преступника нашли. Он раньше уже отбывал срок за изнасилование. Но в суде дело разваливалось, не смотря на то, что у него нашли часы девчонки. Если по преступлению у следователя слабая доказательная база, то обвиняемому «шьётся» параллельное дело. Поэтому, раз не доказано убийство, то обвинение предъявило ему изнасилование. Но обвиняемый был в полной неосознанке, как и в первом преступлении. И здесь тоже доказательств не хватало, и тогда в зале суда встала женщина, и попросила слова. Она была женой преступника. «Смотрите», - обратилась она к судьям, расстегнув кофточку. На шее и груди у неё были характерные синяки и кровоподтёки. « У него, - она показала на обвиняемого мужа, - привычка такая: занимаясь любовью, всегда душить». И тому дали 8 лет тюрьмы. Убийство не доказали, а за попытку изнасилования – 8 лет. Вот тогда я сказал себе: «С нашей юриспруденцией надо заканчивать».

Меня перевели снова на дорогу, в смену Сафронова Василия Петровича, потому что я имел звание лейтенанта милиции, а должность помощника дежурного, по новому штатному расписанию, была определена, как сержантская. Валерий Григорьевич предложил мне выбрать смену, в какой продолжать службу. Меня позвал Сафронов, и я пошёл к нему. Звал и Максимович, но у Льва Григорьевича я уже работал в смене. Мог пойти и в смену Серёгина Владимира Николаевича, именно в ней я начинал службу.

Я стоял на перекрёстке у поста 49 км, и две девушки шли вдвоём мимо перекрёстка по противоположной обочине, размахивая пустой сумкой. За переездом был продуктовый магазин, и я понял, что они шли туда. Через 10 минут девушки шли обратно, и с пустой сумкой. Я смотрел на них, уперев руки в бока, и черноволосая, стройная девушка, очаровательно улыбнувшись, меня передразнила, положив руки также на бёдра.

- Что-то вы ничего не купили? – спросил я их.

- А там хлеб кончился, - ответили они в один голос.

- Давайте я вас хлебом обеспечу, - предложил я.

Они подошли ко мне. Я помог им съездить в магазин за хлебом в Ложки, и обратно. Вечером они снова появились, прогуливаясь вдоль

«ленинградки», и я заговорил с ними, как со знакомыми. Был конец смены, а мы с ребятами, как раз, наметили посидеть за сельсоветом на полянке. Я девчонок пригласил с собой покушать фруктов, и они согласились. Познакомились. Мне понравились Таня, черноволосая, а Ольга была со светлыми волосами. Они, конечно, не пили спиртного. В моей смене были молодые ребята, участвовавшие в трапезе, а девчонки, как-то всё держались меня. Потом я их провожал, Оля убежала домой, а Таня осталась. Предполагая, что больше не увидимся, я при расставании наклонился, чтобы поцеловать её в щёчку, и сказал:

- Ну, прощай.

А она и не думала уклоняться, щекой не повернулась, и подставила губы. Поцелуй оказался далеко не формальный, очень чувственный. Он затянулся, и я его прервал, потому что, обнимая за талию юную девушку в легком летнем платье, и чувствуя ладонями всю прелесть изгиба её спины, я испугался: как это было умопомрачительно. А она весело спросила:

- Зачем так спешить расставаться?

Я поспешил удалиться, не веря в случившееся. Я был в полном смятении, ведь, я её на 14 лет старше, и ей всего 18 лет. У меня уже было желание с кем-нибудь встречаться, нивелируя упреки жены, но здесь было всё неправдоподобно.

На следующий вечер Таня снова появилась у поста, уже одна, пришла именно ко мне. Оля оказалась её младшей сестрой. То, чего у меня не было в юношестве, я испытал на 33 году жизни: встречи, поцелуи, сумасшествие, но не без благоразумия. Куда же без романтики? Я домой приходил вовремя, - в голове жена сидела, - встречал Таню, или в обеденный перерыв, или после того, как меня на стационарном посту 49 км сменяли. А смена на постах происходила без развода, раньше, чем заступали в наряд остальные инспектора. Так что дело не в том: поздно ты возвращаешься с работы, или нет.

- Я никак не думал, что могу тебе понравиться, - признался я Тане.

- А я про себя так думала, - ответила она, прижимаясь ко мне теснее.

Произошёл новый поворот в моей жизни. Вождь пролетариата, 25 октября 1917 года, выступил с такой речью: «Товарищи! Революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась». Так и я про себя воскликнул: «Товарищи! Девочка, о наличии которой у меня всё время подозревала моя жена, появилась». Тоже революция своего рода.

26 августа 1981 года, белым днём, на 74 км Ленинградского шоссе в дорожно-транспортном происшествии погиб Харламов Валерий

Борисович, выдающийся спортсмен, звезда советского, а значит, и мирового хоккея.

Автомашиной «ГАЗ-24», номерной знак, 00-17 ММБ, управляла его жена Ирина, Валерий сидел справа, а на заднем сиденье – двоюродный брат Ирины. Они ехали в Москву из Покровки, со своей дачи. На 74 км был положен новый асфальт, и дорожные машины ещё находились на правой обочине по ходу их движения. Дорога в это время уже имела ширину 21 метр. Шёл дождь, машина потеряла управление, и её вынесло на полосу встречного движения. А навстречу двигалась единственная машина, новенький самосвал, ММЗ-555, гружённый металлическим литьём, водитель, которой, пытаясь уйти от столкновения, выехал на обочину. Однако, «Волгу» развернуло на 180 градусов, и она задней правой частью въехала в самосвал. Все трое погибли на месте.

А за неделю до этой трагедии я работал на посту 65 км в Солнечногорске, и ко мне подъехал на служебных «Жигулях» Николай Никаноров, у него был участок 62-66. На наших глазах в сторону Калинина на красный сигнал светофора проехала серая «Волга». Никаноров на патрульной машине стал догонять нарушителя. Вернувшись через 10 минут, он мне рассказывает:

«По громко говорящей связи даю команду остановиться. Подхожу - в машине две девушки. Попросил у девушки за рулём документы. Она мне даёт водительское удостоверение, а оно на имя Валерия Харламова. Я ещё сдуру спросил: «А Харламов где?», а она мне с удивлением отвечает: «Как где? В Италии». «А ваши где документы? – спрашиваю. «Я только учусь», - отвечает она».

Мы, конечно, знали, что сборная СССР по хоккею участвовала в турнире на Апеннингах, и что Харламов был признан лучшим игроком. После этого, сборную пригласили в Канаду, а тренер, Виктор Тихонов, Харламова в состав команды не включил. Узнав, что Валерий Харламов не приедет, канадцы прислали ему личное приглашение. Вот, он и выехал в этот день в Москву.

Я не брал положенный отпуск для сдачи экзаменов в университет, чтобы не позориться, если не поступлю. Расписание проведения первых двух экзаменов попадало в дни, свободные от службы. Мне главное было окунуться в атмосферу высшего учебного заведения. Но сочинение, русский язык и литературу я неожиданно для себя сдал. Четвёртым экзаменом был английский язык, который я знал очень хорошо. Оставалась история, и тут я заволновался: подготовки никакой. Историю я сдавал после ночной смены. На пост 49 км в ночь мы выходили

по двое, но мне не удалось даже вздремнуть. Тане я свидания не назначал, но загадал: если она придёт, то экзамен я сдам. И она пришла. Сам не знаю, как я выплыл, но «четыре» получил. Тихонову было легче: ему достаточно было сдать историю на пять, что он и сделал.

И кто бы мог подумать, что я, просто, поступая за компанию на юридический факультет в Калининский государственный университет, поступлю. «Ух, башковитый», - похвалил я себя, и купил авторучку с золотым пером.

Спустя месяц после встречи с Таней, я осознал, что тону. Ощущая всю ответственность положения, когда Таня уже в моих мыслях затмевала жену, я решил с ней расстаться. «Связался чёрт с ребёнком», - корил я себя. И целуя её среди больших елей, растущих за постом, как мне ни хотелось, но я сказал:

- Это наша последняя встреча.

Я ушёл, без объяснений, и не оглядываясь.

Осенью, с наступлением темноты - самое опасное время для водителей, особенно, если моросит дождь. С поста 79 км мне на пост 65 км сообщили, что в сторону Москвы идёт бортовой «Камаз», у которого не горели задние габаритные огни. Мы всегда внимательно смотрели, чтобы внешние световые приборы были в исправном состоянии на транспорте. Я «Камаз» дождался и остановил. Взяв водительские документы и путевой лист, я предложил водителю устранить неисправность, и вместе с ним подошел к автомашине с азербайджанскими номерными знаками, и водитель с отвёрткой приступил к делу. Подъехал на служебной автомашине «ВАЗ-2103» Никаноров, мы с ним пообщались, и он поехал в Пешки сдавать смену.

Водитель «Камаза» меня спрашивает:

- Сколько старший лейтенант заплатил за машину?

- Она не его, а государственная, - ответил я.

- Я понимаю, а сколько он дал денег, чтобы на ней работать?

- Она государственная, нисколько не платил, - снова ответил я, действительно не понимая вопроса.

- А у нас в Баку надо заплатить три тысячи рублей, чтобы работать на такой машине, - информировал он меня.

Это в то время, когда «Жигули» стоили пять с половиной тысяч, при средней зарплате по стране 120-150 рублей в месяц. С ремонтом освещения у водителя не получалось, и он стал просить меня, чтобы я его отпустил:

- Я поеду аккуратно, - уговаривал он.

- Нет, - возразил я, - в условиях встречного движения вы незаметны для следующего за вами водителя, так что, или делайте, хотя бы один габаритный фонарь сзади, с деовой стороны, или ждите до утра. Только двигатель не запускайте, вокруг дома, люди спят.

Через час он зашёл ко мне на пост, и снова стал уговаривать меня отпустить его. На мой отказ он проявил несдержанность, схватил свой путевой лист, лежавший на столе, при этом на пол упала моя авторучка. Я его понимал: за четыре-пять часов до рассвета, сколько бы он мог проехать километров, но безопасность дорожного движения превыше всего. Хорош был бы я, если бы из-за автомашины, которую я проверял, случилось ДТП.

Я на него не рассердился. Он вышел, и сел в кабину своей машины. Вскоре он вернулся, видимо, осознав свой поступок, и желая загладить вину, начал мне рассказывать историю о своей поездке в Узбекистан:

- Послали меня в Ташкент. Я договорился в Баку с двумя проститутками, и взял их с собой.

- У мусульман тоже проститутки есть? – удивился я.

- Достаточно. Азербайджанки у узбеков пользуются спросом в качестве невест. В Узбекистане же за невесту платят калым, и в одном ауле я представляю подруг своими дочерьми, продаю их там» -

рассказывает он дальше.

- И они согласны? – снова удивился я.

- Конечно. Они там проживут месяца два-три, и сбегают, прихватив с собой ещё кое-что.

- Может здесь нам найти таких девиц, - предложил я, шутя.

- Русские не подойдут, они христианки.

- И, вот с Ташкента я поехал в Джесказган, - продолжил свой рассказ водитель. – Смотрю: у дороги стоит группа узбеков с небольшим стадом овец. Голосуют. Останавливаюсь. Старший узбек подходит и спрашивает: «Шопер, Джесказган ганайн?». «Еду», - отвечаю. «А нас собой бире»? «А сколько вас»? – спрашиваю. « Двадцать баран и нас пятеро. Всего двадцать пять баран», - отвечает мне узбек.

Водителя я отпустил, когда наступила такая видимость, чтобы можно было различить машину на достаточном расстоянии.

Из Америки в Москву к Жердевым снова прилетела тётя Клава, спустя два года. Галина мне рассказала, что первая поездка тётю подкосила. Во-первых, ей так понравилось в Москве, что покидала она её с тяжёлым сердцем. Во-вторых, таможенная служба аэропорта провела

ей полный досмотр, вплоть до раздевания, и задекларированный бриллиант, купленный в магазине «Берёзка», у неё изъяли, хотя он внешне мало чем отличался от американского. Тётя Клава подозревает, что таможенно о ней известили. В - третьих, по прибытии в Нью-Йорк, она слегла, и попала в больницу, в результате чего потеряла работу.

Теперь она приобщилась к церкви, и ухаживала за инвалидом, а в Советский Союз приехала, как раз, по церковной линии.

То, что мы не оставляли без внимания ни одну стоящую на дороге автомашину, подтверждается действиями Алексея Белкина. Он жил в Зеленограде, и добирался на попутной автомашине в Пешки на утренний развод. Между Чашниково и Дурьино, на обочине, он увидел стоящий «ЗИЛ-130», и Алексей обратил внимание, что в кабине что-то происходит, идёт какая-то возня. Он попросил водителя остановиться, и пошёл к грузовой машине, и надо сказать, вовремя. Когда Белкин открыл дверь кабины, школьница, устав сопротивляться, почти сдалась насильнику. Ученица 10-го класса опоздала на рейсовый автобус и, чтобы доехать до школы в деревне Радумля, проголосовала попутку.

Леонид Ильич Брежнев отправлялся в Завидово на отдых уже по четвергам, и Центральный комитет партии садиться за руль ему запретил по состоянию здоровья. В такой день на разводе личный состав был расставлен по перекрёсткам для проезда, а я заступил на пост 49 км. Прозвучала команда: «Начал движение», и в определённое время я начал «сброс» транспорта на МБК в Дмитровском направлении. Водители эти маневры знали досконально, и послушно съезжали с «ленинградки» на «бетонку», где разворачивались и вставали в очередь для обратного выезда. А водитель серой «Волги» свернул на площадку у поста, предназначенную для стоянки служебного транспорта. Это уже наглость. Дорога опустела, и у меня было время разобраться с водителем «ГАЗ-24». А он сам вышел ко мне навстречу.

- Леонид Ильич едет? – вопросом встретил меня водитель, опередив мои претензии.

Ба, знакомое лицо. Несколько лет назад я также стоял на посту 49 км, и увидел автомашину ГАЗ-24, которая поворачивала в сторону Дмитровского шоссе. В первую очередь сотрудник ГАИ бросает свой взгляд на номерной знак автомашины. Увидев известные цифры – 00-17, я, по правде, поднял жезл именно из-за номерного знака, и цвет машины такой же. Но, то был не Харламов, серия номерного знака другая. Я подошёл к машине, в которой находилось четверо мужчин, водитель опустил стекло. Я представился и попросил документы.

- Лётчик-космонавт Губарев, - в свою очередь представился мне водителем, не делая попытки выполнить мою просьбу.

Как-то это выглядело не совсем корректно. Я имел право проверить документы у водителей, въезжающих на бетонку, которая имела стратегическое значение. Но, я остановил его не для этой цели, поэтому, поверив ему на слово, сказал:

- Пожалуйста, поезжайте.

Тогда я сравнил Губарева с другим космонавтом, Георгием Гречко. Того я останавливал на посту 47 км за нарушение правила обгона. Были сумерки, стемнело, но фонари ещё не зажглись. Он вышел из машины и протянул мне водительское удостоверение. Я, объяснив водителю: за что он был остановлен, предложил пройти на пост. И тогда он обратился ко мне:

- Товарищ, инспектор, я лётчик-космонавт Гречко, - и показал мне удостоверение космонавта.

Но я и так его узнал. Мы оба широко улыбались, будто друзья после долгой разлуки. Мне так и хотелось пошутить, сказав Георгию Михайловичу популярное в то время изречение у водителей: «Шоссе – не космос», но это выглядело бы довольно пошло. К сожалению, Юрий Алексеевич Гагарин на шоссе попадал в аварию на своей машине.

И вот, новая встреча с космонавтом Губаревым.

- Едет, Алексей Александрович, - ответил я на его вопрос.

- Я на встречу в Калинин еду, могу опоздать, - стал оправдывать космонавт свои действия.

- А вы, как пройдёт кортеж, сразу за ним. Я вас выпущу. Только держитесь от них на расстоянии, - предложил я.

- Я понял, - ответил Губарев.

По радиостанции передали, что сопровождение прошло Чёрную Грязь, и у меня было время задать вопрос космонавту, ответ на который интересовал меня:

- Скажите: НЛО есть, или нет.

- Нет, - однозначно ответил космонавт.

- Ну, как же? В том году многие инспектора видели НЛО, над Тимоново тарелка зависала, над Менделеевом её видели.

- Да, нет. Это отражение, в космосе много мусора летает, - объяснил он.

Алексей Александрович мне рассказал, что он жил в нашем районе, в Чашниково, и учился в школе рабочей молодёжи в посёлке Крюково. Приятный человек, и хорошо, что я его встретил во второй раз. Первое впечатление бывает обманчивым.

Несу службу на посту 49 км. Со стороны Солнечногорска показалась воинская колонна: «Камазы» с надписью на бортах: «Москва-Кабул», в которых сидели мальчишки в солдатском обмундировании. Я, стоя на перекрёстке, взял под козырёк, приветствуя головную машину. Казалось не реальным, что эти ребята конкретно едут на войну, могут погибнуть. За что? Мы так привыкли к мирному небу над головой. Военные конфликты происходили постоянно, но за пределами нашей страны. В Олимпиаду, я со штабными работниками приехал в Шереметьево на обед. В столовой, в очереди, стояли вьетнамцы. Тогда их страна имела военный конфликт с Китаем, и мы с Анатолием Татарчуком смотрели на них с сожалением: не успели закончить войну с Америкой, как снова у них война. Жалко было вьетнамцев, а что говорить про наших пацанов. «Камазы» двигались в Поворово-3 на погрузку, сворачивая у железнодорожного переезда направо.

IX

План «Перехват», здесь сноровка нужна,
 Не стоит жалеть о задержанном гаде,
 Говорят наша служба – прелесть одна:
 Жезлом махнул и уже в шоколаде.

Я начал жалеть, что расстался с Таней. Мне её не хватало, она была для меня, как отдушина. С женой не будешь целоваться до изнеможения, не будешь сидеть в кинотеатре, и, по – воровски, пробравшись к ней за пазуху, ощущать ладонью нежность упругой груди. Прогуливаясь, не будешь забегать в чужой подъезд, чтобы, сгорая от желания, в очередной раз прильнуть к сладким губам любимой. Чего ещё больше желать? Для большего у меня была жена. Спрашивается: «А почему нельзя так с женой»? С моей женой точно нельзя - не так воспитана. Двое счастливы вдвойне.

К хорошему быстро привыкаешь. Отмечая после работы день рождения товарища в смене, и залив славянскую совесть русской водкой, я решил исправить положение. «Ладно, я, но почему я эгоистично поступаю по отношению к девушке? Я и так стольким девушкам отказал в общении, а всё ведь познаётся в сравнении. Решено. Перефразируя классиков кинематографа, при встречах с Таней мне поможет сдерживать себя и не перейти черту дозволенности, «моральный облик офицера милиции, нордический характер, связи, не порочащие честь, и память предков. Так оправдывал я своё желание.

Но, самому мне исправлять положение не пришлось. Ко мне на пост вечером зашла сестра Тани, Оля.

- Вить, тебя Танька зовёт, - сказала она.

- А где она?

- Ждёт на вашем месте.

Таня стояла ко мне спиной, явный признак, что обижена. Она с ходу стала упрекать меня:

- Всё из-за тебя. Раньше ко мне сватался дальний родственник, я ему отказала. А из-за тебя я ему написала письмо, и он приехал из Симфиополя. Но он мне не нужен.

- Ты его не любишь? – спросил я.

- Я тебя люблю.

Как я мог отвергнуть нравившуюся мне девушку после такого признания? По сути, я понимал, что лучше не возвращаться, но руки сами привлекли её к груди и мы слились в поцелуе.

Мы снова начали встречаться. Она работала воспитателем в детском саду в Зеленограде, в 1 районе, рядом с «ленинградкой», и я, работая в вечернюю смену, встречал её там, в 18 часов. А когда я нёс службу на посту 49 км, то при виде маршрутного автобуса №41, всегда выходил к перекрёстку, потому что Таня, возвращаясь с работы на этом автобусе, вставала у заднего окна автобуса, чтобы видеть: на посту я, или нет. Романтика.

Счастье, когда ты кому-то нужен.

За офицерами батальона были закреплены школы и предприятия, где мы должны были проводить беседы по безопасности дорожного движения. Я ещё никогда публично не выступал, и хорошо, что в Ложковской школе директор провёл меня сначала в 1-й класс, и учительница нас оставила одних. Привёл мысли в порядок. А когда я зашёл в 3-й класс, то увидел там свою учительницу из начальной школы.

- Ребята, когда я учился в 3-м классе, и тоже у Ольги Филипповны, - начал я беседу.

- Вы у меня учились? – удивилась Ольга Филипповна.

- Да, в третьем классе, в Мошницкой школе.

- А как фамилия? – спросила она.

- Астанин.

- Помню, помню.

И я помню начальную школу. Жаль, что Ольга Филипповна была у нас один учебный год. Её я вспоминаю добрым словом, в отличие от другой учительницы. Когда мне выдали табель после четырёх лет учёбы, то у меня по всем предметам стояли четвёрки, но и дисциплину оценили

на «четыре». А это в то время означало «неуд». В три средние школы Солнечногорска меня в 5 класс не приняли, но в школу №2 взяли.

Для беседы я перешёл в следующий класс, в 7-й, и учительница попросила меня серьёзно поговорить с её учениками.

- Поведение их оставляет желать лучшего, а последний случай из ряда вон выходящий. Они у учителя химии выкрали журнал успеваемости, и проставили в нём себе пятёрки, - пожаловалась она.

Я стал рассказывать этим семиклассникам то, во что сам верил.

- Ребята! В этом году многим из вас исполнится 14 лет. Это тот возраст, с наступлением которого за отдельные виды преступления наступает уголовная ответственность, то есть, вы уже можете, и должны, отдавать себе отчёт своим действиям, своим поступкам, и отвечать за них. Это говорит о том, что вы уже не дети, и говорить надо с вами серьёзно. Вы не дети, но и не взрослые, потому что у вас нет жизненного опыта. А опыт приобретается со временем, путём проб и ошибок. И что характерно: люди на чужих ошибках не учатся, а порой, и на своих тоже. А надо анализировать, избегать ошибок. Есть поговорка: «Дурак видит выгоду, а умный - её последствия». Заставляйте себя думать, надо трижды подумать прежде, чем что-то сделать.

У каждого нормального человека есть свои планы на жизнь, своя цель, но путь к этой цели не всегда прямой. Существуют законы, нормы поведения (неписанные законы). Их надо выполнять. Что такое закон? Это, как раз, обобщение жизненного опыта, порой даже многих поколений людей, и предписание всем членам общества, как себя вести в той или иной ситуации. Государство определяет права и обязанности. В восьмом классе вы будите проходить «Основы государства и права». Изучайте этот предмет.

Есть такая народная мудрость: «Посеешь привычку - пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу». (Кстати, эту поговорку я услышал на уроке Ольги Филипповны). Мы все в детстве читали Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Будешь поступать хорошо – приучишь себя к хорошим привычкам. А откуда берутся преступники? С привычки: воровать, или хулиганить. Если всё проходит безнаказанно, возникает чувство, что это так и надо. Преступник, в силу своей привычки, не остановится на одном преступлении, а будет совершать их вновь. А конец известен.

Владимир Ильич Ленин говорил: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». И вы должны считаться с правилами поведения в школе, должна быть ответственная зависимость,

подчинение не только учителю, но и большинству, ответственность перед коллективом.

Я ясно излагаю, вам всё понятно?

- Да, - ответили некоторые ученики.

- Как вы думаете, кому живётся легче? Злому человеку, или доброму? – спросил я.

- Доброму, - прозвучали неуверенные голоса.

- Честному или обманщику?

- Честному.

- Так облегчайте себе жизнь, будьте честными и добрыми. «Самое дорогое у человека – это жизнь, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...», - процитировал я. - Кто сказал? Правильно. Павел Корчагин.

Так учили нас, и я это же передал подрастающему поколению седьмого класса. А в старших классах нелегко проводить беседы. Уже в седьмом классе некоторые девочки начинают на тебя смотреть с кокетством, не говоря уже о старшеклассницах. Испытанием было для меня, когда нас с Тихоновым направили проводить беседы в 1 школу имени Блока, в которой мы когда-то учились. Классов там много. Чтобы не сбиться с мысли, я старался на девочек не смотреть, но иногда не получалось.

Раз в месяц я приезжал в гараж совхоза «имени Калинина», в Ложки, где беседовал с водителями, рассказывал о нашей службе, отвечал на вопросы. Многих местных водителей мы знали, и некоторые из них были нашими общественными автоинспекторами, выходили с нами на дежурство. Я не любил выступать на публике, но в силу своих обязанностей потихоньку стал к этому привыкать.

30 декабря, в дневную смену я работал на посту 49 км, и мне позвонил по местной связи Иван Сон. Он стоял на посту в Дурыкино.

- Вить, в этом году мы последний день работаем, мы решили отметить, подъезжай на сорок седьмой после смены. Нам теперь выходить только

первого числа в вечер.

- Не хочу, Вань. Пить не хочу, - сказал я ему.

Потом, к концу рабочего дня позвонил его напарник, Саша Кокорев:

- Давай, подтягивайся.

Я отнекивался, но он меня соблазнил:

- Мы картошечку пожарили, сало есть, можешь не пить.

Но когда в подвальном помещении поста 47 км они разлили водку по стаканам, то они меня грамотно подвели к питию, задав справедливый вопрос:

- Неужели ты нас не уважаешь?

Чисто русский вопрос. Выпив сто грамм, и закусив, я поехал в Солнечногорск. Решил зайти к матери перед Новым годом, а она мне предложила картофельного супа.

- Я сыт, мам, - сказал я.

- Но половничек - то съешь, ты его любишь.

Домой я пришёл в половине шестого. Жена лежит, свернувшись на диване, лицом к стенке:

- Ты где был? – первый, обычный её вопрос.

- На работе, где, - обычный мой ответ.

- А после работы?

Начался допрос с пристрастием. «Да, ты сначала спроси: хочу ли я есть, накрой на стол, а потом спрашивай». Было не убедить.

- Я с ребятами выпил, потом к маме заехал, - доложил я.

- Не ври, от тебя и не пахнет, - не поверила она.

- Говорю же, что выпивали, - убеждал я.

- Не ври, - убеждённо так, твердила Люба.

Я достал из планшета трубку «Шинкаренко-Мохова», вскрыл её, и продул при ней. А трубка ничего не показала, наполнитель не изменил свой цвет, оставаясь жёлтым. В глазах жены я опять оказался обманщиком.

А как утверждают некоторые водители при проверке на алкоголь, что не пили, когда запах, был, как из пивной бочки. Спрашиваешь такого: «Когда пили спиртные напитки? – «Вчера»,- отвечает.- «Вчера? Если пить только водку, то на следующий день трубка не покажет положительную пробу. А если после водки «шлифануть» красненьким, или пивом, то выходи строиться».

В апреле 1982 года наше подразделение получило название: 1-й специализированный дивизион полка дорожно-патрульной службы УГАИ ГУВД Мособлисполкома, и я был поставлен на должность инспектора службы.

Старостин Сергей Васильевич снова вернулся в Солнечногорский ОВД, и замполитом на его место был назначен Гарус Владимир Алексеевич.

В прекрасный майский вечер я стоял на посту 49 км, и наблюдал за потоком автомашин. На остановку, находящуюся между

железнодорожным переездом и постом ГАИ заехал маршрутный автобус, из него вытекла толпа людей. Люди возвращались с учёбы или с работы. Кто-то стал переходить дорогу по пешеходному переходу, а основная масса двинулась в мою сторону по обочине. Многих я узнавал, и знал: кому в Майдарово, кому в Хоругвино. И в этой массе я увидел знакомую фигуру, Таня шла ко мне. «Что-то случилось, если она не доехала до своей остановки», - подумал я. На её лице не было лучезарной улыбки, какой она обычно светилась при наших встречах.

Я открыл дверь в помещение поста, пропуская её внутрь. Она сразу развернулась и стала на меня внимательно смотреть. В эти глаза можно было смотреть вечно, но сейчас в них не было радостных искорок.

- Я выхожу замуж, - объявила она сразу.

Эти, вполне, рано или поздно, ожидаемые слова прозвучали неожиданно. В пять секунд любимая девушка стала чужой невестой, что, видимо, отразилось на моём лице. И она спросила:

- Что с тобой? – и, не дождавшись ответа, сказала, - Женись! Я за тебя пойду.

Если бы. У меня есть жена, и она совсем не стоит того, чтобы её оставляли, тем более нельзя бросать дочь. Другое дело, что жена меня не понимает в каких-то позициях, верит кому-то, когда верить не надо. Говорят: ревнует – значит: любит? Не уверен. Или это другая любовь. Люба, в силу своего характера, не считает нужным проявлять себя, как любящая женщина. Как-то я пришёл с работы, она не в духе. Я её спросил: «Можешь ли ты хоть раз, когда приду, бросится мне на шею, помотать ногами»? «Что я тебе? Проститутка», - был её ответ. Ну, она такая. Таня продолжала смотреть на меня, а я молчал. Она ещё спросила:

- Почему любят одних, а женятся на других?

И здесь я ничего не мог сказать. У меня в мыслях сидело, что теперь я больше не имел права её ни поцеловать, ни обнять. Но, восемь месяцев она мне подарила, она доверяла мне, куда бы я её не звал. Однажды, Таня пришла ко мне не с сестрой, а с подругой, и после смены, я с сослуживцем поехал с ними на дачу. Мой товарищ, и её подруга, понравились друг другу, и, после угощений, они удалились в спальню. Улыбка исчезла с лица Тани, волнение охватило её, и я, взяв её за руку, сказал:

- Не переживай. С тобой ничего не случится, без твоего согласия ничего не может быть.

Она опять повеселела.

У каждого человека есть выбор. Её не было в то время, когда я женился. Тогда было много девушек, достойные венца, у меня могло

бы быть и по-другому, но я сам сделал свой выбор. Всё решает господин случай, хотя в каждом случае надо искать закономерность. Мне нечего было сказать Тане, а её я никогда не обманывал. Впрочем, как и других. Мы расстались. Разрыва не было, было изменение отношений.

Летним днём снова работаю на посту 49 км. По радиации с поста 33 км сообщили, что Чёрную грязь в сторону области прошли две чёрные «Волги», водители которых не остановились инспектору на сигнал жезлом. На 41 км у монумента эти машины проехали на красный сигнал светофора. На посту 47 км стоял Иван Сон, и я ему сказал:

- Вань, если тебе не остановятся, сразу передай мне, я делаю заслон.

Они ему не остановились, а я подготовив грузовые машины, перекрыл ими всю ширину проезжей части перед поворотом на Дмитровское шоссе. Две «двадцать четвёртки» с московскими номерами встали передо мной на обочине, в обеих - пассажиры. Я подошёл к первому водителю, ефрейтору срочной службы. Он протянул мне в окно двери талон без права проверки.

- Ваше водительское удостоверение, - попросил я его.

- Я вам всё дал, - сказал ефрейтор.

- Хорошо, - сказал я, и подошёл к другой машине, там за рулём сидел прапорщик. Он мне предоставил водительское удостоверение.

- У вас тоже есть талон без права проверки? -

- Нет, нет, - ответил он.

- Подъезжайте к посту, я сейчас подойду, - распорядился я.

Водителям, перекрывшим путь, и терпеливо ждущих указаний, я жестом подал сигнал, чтобы разъезжались. У крыльца меня ждали водители и высокий, солидный мужчина в светлом костюме. Я рукой пригласил их зайти в помещение.

- С кем имею честь? - обратился я к гражданину.

- Помощник Главнокомандующего Объединёнными Вооружёнными Силами государств – участников Варшавского договора, маршала Советского Союза, Куликова, генерал - лейтенант, - и он назвал свою фамилию, показав при этом красивое удостоверение.

- Вот видите, товарищ генерал-лейтенант, - обратился я к нему, и показал на листок, прикреплённый к рамке на столе под заголовком: «Сегодня в угоне», сколько автомашин «ГАЗ-24» сегодня угнаны в Москве. Три. А мы вынуждены отвлекаться на Вас. Пожалуйста, поезжайте, но я напишу рапорт по этому поводу.

Я отдал документы водителям, сказав при этом ефрейтору:

- Вы обязаны были показать мне водительское удостоверение, потому что талон без права проверки даёт вам право не указывать пассажиров в автомашине и не показывать перевозимый груз, но удостоверение вы обязаны предъявить. Учтите это. До свидания.

- До свидания, - ответили мне

Через полчаса со мной связался по селектору командир дивизиона:

- Вить, ты написал рапорт?

- Пишу, Валерий Григорьевич, - ответил я, хотя я его ещё не начинал писать.

- Закончишь, перешли его сразу дежурному.

- Вас понял, товарищ подполковник, - ответил я.

«Раз командир ко мне обратился по имени, значит: я всё правильно сделал».

Пассажиры, находившиеся в «Волгах», ехали в гости к начальнику Высших офицерских курсов «Выстрел», к дважды Герою Советского Союза, генерал – полковнику, Драгунскому Давиду Абрамовичу. С ними находилась дочь первого заместителя Министра обороны СССР Виктора Георгиевича Куликова.

Давид Абрамович послал своего адъютанта в Пешки уладить инцидент, который мне об этом и рассказал.

В среду утром, 10 ноября 1982 года, мы стояли на спец.проезде: из Завидово должен был возвращаться Брежнев, который уехал туда после парада на Красной площади, проводимый в честь Великой Октябрьской социалистической революции. Кортёж в сопровождении автомашин ГАИ прошёл, как обычно, беспрепятственно, а мы потом ждали окончания рабочего дня, чтобы отметить День советской милиции. Как правило, участников движения, нарушивших ПДД в такой день, предупреждали только устно, без протоколов и штрафов.

В обед руководство дивизиона было вызвано в Управление ГАИ. К 18 часам мы приехали в санаторий «Орлово», где был заказан праздничный ужин. Название санаторий получил от бывшей деревни, в которой проживала моя жена.

Начальство явно задерживалось, а без него как начинать программу? Командир с заместителями прибыли в половине восьмого вечера. С ними приехал и Иван Захаров. Сразу все приняли по штрафному стакану и набросились на закуски. Мы не знали: по какому поводу были вызваны наши командиры в Управление. А утром было сообщение, что 10 ноября во время сна умер Генеральный секретарь ЦК КПСС, Леонид Ильич Брежнев. А мы, выходит, его проводили в последний путь, когда он возвращался из Завидово, уже не живым.

Работая в вечернюю смену, мы решили собраться по окончании службы и отметить день рождения товарища. Договорились с помещением в ДЭУ-119, что напротив поста 49 км, я как раз нёс там службу. К 23 часам ребята стали подъезжать, после сдачи оружия, и проходить в комнату отдыха водителей в дорожном управлении. Мой напарник к этому времени нажарил большую сковороду картошки с луком. С поста 47 км подъехали Иван Сон и Александр Кокарев. Мы были последними. Саша снял с электроплитки горячую картошку, и мы вышли на перекрёсток. Кокарев, держа перед собой сковороду, вышел на середину, и показалась служебная автомашина «Жигули» со стороны Клина. Командир! Мы с Иваном ещё оставались на этой стороне, а Сашка сунув горячую сковороду под плащ, успел перейти дорогу, и скрыться за воротами дорожного управления. А служебная машина уже сворачивала к посту. Мы с Соном сделали вид, что ждём попутную машину. Но Пиуренко не проведёшь. Он, сделав запись в журнале проверки несения службы моими сменщиками, остался сидеть на посту. Вернулся Кокорев, делать нечего, надо сдаваться. Валерий Григорьевич пошёл нам навстречу, заручившись от нас, что будет порядок.

Меня опять перевели в штаб, где я подменял дежурных по дивизиону, а также в моём распоряжении была фотолаборатория. На микроавтобус «РАФ-977» для оформления ДТП была предусмотрена установка, позволяющая производить панорамную фотосъёмку места происшествия. Правда, ею так никогда и не воспользовались. Но фотолаборатория была, её построил Кулебякин в выделенном для этого кабинете, он ею и заведовал. Его, как и меня, переводили на дорогу из дежурной части. В смене Максимовича он был командиром взвода, но что-то он с начальником смены не поделил. Потом он перешёл снова в ОВД Солнечногорска, став начальником медвытрезвителя, а фотолабораторию передал мне.

Ко мне в дивизион неожиданно приехала Таня. Она была в гостях у мамы, в своём посёлке, и навестила меня. При встрече мы не поцеловались, я не посмел, она уже была чужая жена. В течении получаса мы поговорили в уединении в кабине автомашины «ЗИЛ-130», стоящий у нас в гараже. Жила она с мужем в Зеленограде. От замужества она была не в восторге, и сообщила мне, что беременна. Она оставила мне номер домашнего телефона, и попросила звонить ей время от времени.

Посадив её на попутную машину, я задумался. «Почему любят одних, а женятся на других»? – вспомнил я её вопрос, на который не дал

ответа. В голове сидели слова Сократа: «Жениться надо непременно. Попадётся хорошая жена – будешь счастлив всю жизнь, попадётся плохая – станешь философом». А как узнать хорошую? Ведь, всё познаётся в сравнении. И где счастье? По Экзюпери: «Самое большое счастье на Земле – это радость человеческих отношений». Он прав.

В январе 1983 г. Во время дежурства мне сообщили, что был совершён наезд на пешехода, и пострадавшая женщина была доставлена в Солнечногорскую ЦРБ. Ею оказалась мама Тани и Оли. В первую очередь, мы обязаны были сообщать родственникам пострадавших о случившемся, и я позвонив в детский сад, где работала Татьяна, попросил её к телефону. Она, услышав мой голос, сразу мне высказала:

- Я же тебя просила не звонить мне на работу.

- Я хочу сообщить тебе, что твоя мама попала в больницу, - сказал я ей.

- Что с ней?

- Её сбила машина.

Я передал ей диагноз пострадавшей матери, и номер телефона приёмного покоя.

Потом я помогал Ольге, когда она меня просила помочь с машиной, чтобы отвезти их маму в Солнечногорск на приём к врачу. Та передвигалась на костылях. Тане я иногда звонил, а с Олей иногда виделся.

В два часа ночи мне по селектору в дежурную часть передали с поста 106 км, что в соседней области, в сторону Москвы, движется чёрная «ГАЗ-24», номерной знак серии «мос», водитель, которой на сигналы инспекторов не останавливается. Он проехал Новгородскую и Калининскую области. Автомшины такой серии принадлежали Моссовету. По радиостанции я дал распоряжение инспекторам, несущим службу на стационарных постах 106 и 79 км:

- Вы попробуйте остановить эту машину. Если не остановится, то 65-му в Солнечногорске подготовить заслон. Все поняли?

Получив подтверждение, я отдельно связался с постом 65 км, стоял Игорь Журавлёв.

- Игорь, главное. Он не остановится, и ты его задержишь. Подходи со стороны пассажира, посмотри: кто там сидит. Ты понимаешь. Если пассажир важная персона, то ты его не задерживай, но запиши: кто это.

«Волга» была задержана Журавлёвым. Водитель вёз девушку, на него был составлен протокол и задержано водительское удостоверение. Он приехал ко мне в Пешки, просил вернуть удостоверение, приносил извинения.

- Вы вернётесь назад, чтобы извиниться перед всеми инспекторами трёх областей, кому вы не остановились? Нет? А так, как в данный момент это невозможно, то всё останется, как есть, - ответил я ему.

Я попросил по трассе, чтобы мне были пересланы все рапорты инспекторов, которым не остановилась автомашина, начиная от Пскова. К утру они были у меня, доставленные с попутной машиной. А к 9 часам представитель Московского Совета депутатов трудящихся был у командира.

Заместитель по ПВР, майор милиции, Гарус Владимир Алексеевич со знанием дела приступил к своим обязанностям. Стали проводятся различные соревнования и конкурсы между сменами, организовали художественную самодеятельность, были поездки в музеи, поставили в дивизионе теннисный стол, создали футбольную команду, которая участвовала в футбольном первенстве Солнечногорского района. Между сменами были соревнования по волейболу, шахматам, лыжам. Мне он предложил возглавить Совет ленинской комнаты, на что я ответил:

- Владимир Алексеевич, я не член партии, из комсомола вышел по возрасту, какой председатель?

- Это не имеет значения - народ и партия едины.

Службу не скрыть, на виду вся она,
В потоке машин, как буйки в водопаде
Говорят: наша служба – прелесть одна,
Жезлом махнул, и уже в шоколаде.

Х

Мы должны были играть в Тимоново с футбольной командой «Вымпел». Команда собралась уже там, а братьев Козловых привёз на своей «Волге» Борис Петрович Михайлов, легенда советского хоккея. Они жили в Поваровке, а он рядом, в Поварово, где имел свой дом. Первый тайм отыграли, и мы повели в счёте - 1:0. Борис Петрович попросил нас поучаствовать в игре. Но, тут надо было спрашивать разрешение у другой команды, у военнослужащих.

Те сначала воспротивились:

- Ничего себе. Залуженный мастер спорта!

- Это же по хоккею, а не по футболу, - ответил Михайлов.

Им, наверно, неудобно было ему отказать, тем более, Борис Петрович тоже был офицер, играя за ЦСКА. Он встал в защиту, и больше отдавал пасы, чем бегал. Всё равно – мастер.

На матч приехал и Борис Полукаров, он тоже дружил с Михайловым, а болел за «Спартак». Борис работал водителем в Исполкоме, часто встречался со спартаковскими футболистами, посещая их матчи. Он, дружил с их тренером, Константином Ивановичем Бесковым, с легендой советского футбола. По его рассказам, тренер «Спартака» чуть ли не с ним решал: кого ставить на игру.

Минут за десять до конца игры с «Вымпелом», Боря вытащил за руку одного нашего футболиста, и вышел на поле вместо него. Так ему хотелось поучаствовать в игре с Михайловым.

Борис Никитович Полукаров был своеобразным человеком. Когда вместо Бескова главным тренером «Спартака» назначили Олега Романцева, я встретил Бориса у «Дома бракосочетаний», он расписывал свадьбу на исполкомовской машине «ГАЗ-24».

- Борис, как «Спартак»? – спросил я его.

- Вить, не знаю. Пока мы с Бесковым в Ессентуках отдыхали, нас сняли, - ответил он.

Он отдыхал в Ессентуках, а Константин Иванович в Кисловодске, и Полукаров к нему туда ездил. Мой двоюродный брат, Сергей Суворов, - он с ним учился в одном классе, – зная пристрастия Бориса, написал на него эпиграмму:

«С ним советуется «Бес»,
У него футбольный дар,
С виду: прямо «Мерседес»,
А по сути «полукар».

Командир полка Высших офицерских курсов «Выстрел», полковник Константин Николаевич Максимчик, рассказал, как ехал он на своём стареньком «Москвиче» из Москвы, и в Кирилловке он у него заглох. «Не заводится и всё. Что делать? Дело к вечеру, телефона нет, троса нет». Вдруг останавливается Борис Полукаров на «ГАЗ-24», тоже возвращался из Москвы. И подполковник рассказывает, что было дальше:

«Ой, боженька же ты мой, как хорошо, Боря, ты остановился». Зацепил он меня на короткую верёвку к «Волге» и, как втопил. Я в руль вцепился, скорость под сотню, думаю: «Может на 41-м у монумента остановится, у светофора». Куда там, прошёл под красный свет. «Нарушил же - на 49-м должны остановить». Не остановили, честь отдали. Боженька же ты мой, я три раза в танке горел, но такого страха не

испытывал. Не помню, как доехали до Солнечногорска. Полукаров остановился у перекрёстка с улицей Баранова, подошёл ко мне и спрашивает: «Константин Николаевич, куда вас доставить, домой, или в гараж»? А я сажу: ни жив, ни мёртв, три раза в танке горел. Боженька же ты мой. «Пошёл ты», - говорю, а сам руки с руля оторвать не могу».

По селектору с дежурной частью связался Вячеслав Хмельницкий с поста 79 км:

- Виктор Матвеевич, остановил машину, за рулём которой находился Никита Михалков. Он мне предъявил талон без права проверки.

Было указание Управления ГАИ изымать такие талоны, если они выданы на автомашины не относящиеся к специальным, и я сказал Вячеславу:

- Кроме талона, он тебе должен предъявить водительское удостоверение. Составь протокол и напиши рапорт.

Вечером, когда Хмельницкий сдавал мне протоколы, я его спросил:

- Разобрался с Михалковым?

- Да, не стал я составлять на него протокол. Он меня попросил: «Вы заберите что-нибудь одно, или права, или талон. Войдите в моё положение: приду я к начальнику ГАИ и сообщу, что у меня всё отобрали. Что он мне скажет?»

Надо было обладать обаянием Никиты Михалкова, чтобы уговорить принципиального Хмельницкого.

Помощником дежурного у меня был Сергей Гаврилов, хороший, добрый парень, небольшого роста, с животиком. В армии он был поваром, и замечательно готовил. Даже гречку, которую не люблю, я у него ел. Оформителем со мной в смене был Володя Гордеев, и он привёз две тушки нутрии, забив их накануне. Сергей их к обеду приготовил.

А ко мне в дивизион приехала Людмила из Зеленограда со своей подругой Светланой. Светлана хотела посоветоваться со мной о своём сыне, который вернулся из армии. Ей хотелось устроить его на службу в органы внутренних дел. Людмила сказала мне, что они приехали с работы, и очень голодные.

- Сейчас я вас накормлю, - пообещал я.

Я их провёл в фотолaborаторию, где у меня была бутылка вина, и я принёс им жареную нутрию.

- А что это за мясо? – спросила Людмила.

- Кролик. Кушайте, я попозже к вам зайду.

Они меня поблагодарили, прощаясь, мясо им очень понравилось. Как раз Гордеев выезжал на головной участок оформлять ДТП, и

я попросил его захватить с собою женщин до Зеленограда. В дороге он им рассказал, что они ели на самом деле.

Потом меня Людмила упрекнула:

- Ну, ладно я, а у Светки мать работает директором ресторана «Зеленоград».

- Я не думал, что Володька вам расскажет. Но было вкусно?

- Вкусно. Но после его слов...

- Люд, у меня не было желания вас отравить, только накормить, - сказал я.

К окошку дежурной части подошёл мужчина и спросил меня:

- Вам бетон не нужен? На стройке заказали шесть самосвалов, я пять привёз, а шестой им не нужен, хватило пяти.

У нас шла стройка, возводили гараж, поэтому его вопрос меня не удивил. Я выяснил, что бетона нам не надо.

- Опять надо искать место куда вывалить, - сокрушался водитель.

- А потом тебе что надо возить? – спросил я.

- Тоже бетон, но на другой объект.

- Так вези сразу туда эту машину, - предложил я.

- Тогда я деньги потеряю, мне одну ходку не засчитают. И люди на растворном узле не выполняют заказанный объём работы. У них сделка.

- И на дачи везти нельзя, - добавил я, - отклонение от маршрута, и расхищение социалистической собственности.

- Точно! – подтвердил водитель.

- И в лес нельзя вывалить – засорение природы, - расстроил я его в конец.

- Замкнутый круг, - сказал водитель, и, махнув рукой, ушёл.

Подъезжал я с одним водителем на службу, и он меня спросил:

- Женат?

- Женат, - отвечаю.

- Хорошая жена? – спросил он.

- Хорошая, - ответил я.

- Я первый раз женился, - начал свой рассказ водитель, - на хорошей девушке. Через год она мне показала характер, развёлся. Встретил другую – лучше нет! Пожил, пожил, стало невозможно жить, развёлся. Сейчас живу с третьей, и вижу, что она мало чем отличается от первых двух.

- Наверно, мы, подсознательно, выбираем женщин одного типа. А потом, кто-то сказал: «Какая разница на ком жениться, всё равно на утро перед тобой другой человек», - выразил я своё мнение водителю, и

продолжил, - Мой товарищ, Алексей Кулебякин, как-то мне сказал: «Порой, вторая жена говорит о том, что первая не была плохой».

Что же получается? Жена – это труд, это ответственность, это долг, и брак держится на дружбе, уважении и постели. Любовница - это страсть, секс и необязательность. Любимая женщина – это любование, возвышение женщины, и любовь, даже может быть платонической. Три вида любви. И счастье, если жена подходит под все эти понятия, но так не бывает.

А кто я? Вроде, не философ.

Я заступил на сутки в дежурную часть. По селекторной связи со мной связался Владимир Пономарёв с поста 49 км и сообщил, что к нему обратился водитель, который перевозил кубинский ром в цистерне, вместимостью 8000 литров. Ехал он из Ленинграда в Краснодар, но у него случилась течь цистерны по сварному шву. Он остановился на противоположной стороне от поста, ром вытекает, и этот водитель просит ему помочь.

Было воскресенье. Я позвонил дежурному в Солнечногорский отдел внутренних дел, и обозначил проблему. Он мне посоветовал позвонить ответственному лицу по горисполкому. Выслушав меня, тот мысленно развёл руками, как я себе это представил, и назвал мне номер телефона Мособлисполкома. Там тоже не знали, как помочь, и рекомендовали мне ещё одну инстанцию. Так я дошёл до Совета Министров СССР, выше некуда. Я в очередной раз повторил свою просьбу, и ответственный товарищ, пообещал мне перезвонить. Вскоре он связался со мной и сказал, чтобы водитель ехал до Москвы на автокомбинат, который занимается перевозкой молочной продукции. Только у них есть цистерны такой вместимости. Это по пути, недалеко от МКАДа. Я передал информацию Пономарёву, и адрес, куда следовало подъехать водителю.

Я затратил на весь процесс час времени. А за этот час полпосёлка Механического завода с кастрюлями, с кружками, со стаканами толпились у истекающей цистерны. Это уже после того, как затарился Владимир Борисович. Потом ещё некоторые мужики в кювете разгребали снег, надеясь докопаться до неожиданного живительного источника.

- Как же так, Володь? Я целый час обрывал телефоны, а ты мне даже за щёчкой рома не принёс, - шутя, укорил я товарища.

Постоянно посещая городскую библиотеку, я встретился, и познакомился там с заведующей детской библиотекой, Валентиной Марковой. Она предложила мне, в силу моей общественной работы, взять на себя: привлечение сотрудников батальона к чтению. Это было

правильное решение: не у каждого было время, или желание посещать библиотеку, и если вы не идёте за книгой, то книги придут к вам. Мне художественную литературу периодически привозили, я книги размещал в фотолaborатории, и надо сказать, сотрудники охотно пользовались такой услугой.

Как-то Валентина меня спросила:

- Виктор, как ты относишься к Высоцкому?

- Как отношусь? С восторгом, - ответил я.

- Ты знаешь, я недавно прочитала его стихи. Какой философский смысл в них заложен! – поделилась со мной Валентина.

И я подумал: как же так? Заведующая библиотекой, проводник просвещения, представитель интеллигенции, только сейчас, после смерти поэта, прочитала его стихи. Например: я списывал тексты его стихов в тетрадку с магнитофонной ленты, на которой были записи Высоцкого. Потом постарался достать первую выпущенную книгу с его стихами: «Нерв». До него я стихи не читал. Нравилась стихи Есенина, Лермонтова, из школьной программы, но я их не перечитывал.

Я его узнал, как и многие, после выхода фильма Говорухина: «Вертикаль». Перед армией мы во дворах пели больше блатные песни под гитару, знали некоторые песни Булата Окуджавы, дворовых песен знали мало, а тут «Клондайк»*.

На посту 65 км, около 23 часов, зазвонил городской телефон, и взволнованный женский голос сообщил, что с курсов «Выстрел», от 1-ой проходной, только что угнали дежурную автомашину, «ГАЗ-53», и назвала её номерной знак. Это звонила телефонистка военного городка, которая часто, в дни ночной работы, держала связь с нашими инспекторами.

Александр Лапшин вышел на шоссе и увидел автомашину «ГАЗ-53», двигавшуюся со стороны Москвы. На сигнал инспектора водитель не остановился и, не снижая скорости, проехал в сторону Клина. Это был угонщик, о чём второй инспектор, Николай Сапко, передал по рации на пост 79 км. Подвижных нарядов в ночное время тогда не выставлялось. Тут же телефонистка перезвонила и сказала, что убит поставой, и угонщик скрылся на машине, имея автомат «Калашникова». Тотчас информацию о нападении на часового начал передавать дежурный по дивизиону.

Инспекторы Клинской смены в это время, сдав оружие, на служебной автомашине «Жигули» возвращались из Пешек к месту стоянки, в гараж, находящийся у поста 79 км. Управлял ею Александр Цветков, они проезжали Солнечногорск. С ним возвращались домой: Юрий Воробьёв, Сергей Курбатов, Александр Скиданов и Борис

Павлюченко. Прослушав сообщение, они решили догнать преступника. Цветков заехал на пост 65 км, и Воробьёв попросил у Сапко пистолет, не с голыми же руками идти на задержание. Тот засомневался в правильности этого решения, тогда Юрий втащил в машину Николая к себе на переднее сиденье, и они продолжили движение в направлении Клина, держа связь с постом 79 км. Преступник мог куда-нибудь свернуть, но на посту инспекторы: Галочкин Владимир, Скиданов Александр, Стёпин Сергей приготовились к задержанию. Никакая вызванная группа захвата не успевала бы.

- Встречайте, потому что мы уже на подходе к Давыдкову, впереди нас должно быть он, - передали преследователи по радию.

Водители машин, из которых был составлен заслон, были проинструктированы, и удалены на безопасное расстояние. Выехавшей из-за бугра со стороны Москвы грузовик, был ослеплён стоящими на обочинах у поста машинами, на них включили дальний свет. На глазах экипажа «Жигулей» водитель «ГАЗ-53», не успев затормозить, врезается в борт стоящей поперёк автомашины.

Сергей Стёпин побежал к пассажирской двери кабины, а Владимир Галочкин, пригибаясь, к двери со стороны водителя. Убийца, увидав Стёпина, открыл левую дверь кабины и попытался выйти, выставив автомат вперёд. В эту секунду, взявшись за ствол «Калашникова», Владимир выдернул преступника на асфальт. Подняться тому уже не дали подбежавшие сотрудники. А патрон у него был загнан в патронник.

Его судили, дали «вышку». Он был жителем Волоколамска, работал слесарем в автобусном парке. Он совершил изнасилование девушки, и был объявлен в розыск. Имел цель: ограбить сберкассу, или напасть на инкассаторов, для чего нужно было оружие. Годом раньше он служил водителем в Солнечногорске, на курсах «Выстрел», поэтому легко добрался до часового, и нанёс ему 18 ран ножом. Солдата-первогодка, совсем мальчишку, не дождался родители. Легко представить, чтобы этот гад ещё мог натворить, если бы его не остановили сотрудники 1-го дивизиона ДПС.

Известный московский журналист Юрий Щекочихин опубликовал статью по данному случаю в журнале.

В октябре у нас сменился командир дивизиона. Им стал Инютин Евгений Иванович, вернувшийся из Клинского ОВД, куда он уходил от нас с должности заместителя командира по службе, сменив Волкова, а Пиюренко Валерий Григорьевич стал командиром 15 отделения по сопровождению негабаритных грузов.

В 1984 году Иван Захаров был назначен начальником межрайонного эксплуатационного отделения, которое включало в себя Химкинский, Солнечногорский и Клинский районы, и располагался он во дворе Солнечногорского ОВД.

А меня перевели во вновь созданную комсомольско-молодёжную смену, капитана милиции, Павлюченко Бориса Андреевича. В его смену отбирали инспекторов со всех смен. Пост ГАИ на 65 км оборудовали соответствующей атрибутикой из истории ВЛКСМ.

Работаю в вечернюю смену на посту в Солнечногорске, стою на перекрёстке. На противоположной стороне, по тротуару, от парка идёт парочка: парень с девушкой. Вдруг они срываются с места и бегут ко мне, пересекая проезжую часть дороги по диагонали.

- Там женщина повесилась, - на ходу кричат они.

- Где?

- На воротах при въезде во двор.

Я сразу побежал туда, куда указали молодые люди. Ворота между двумя домами были высотой в полтора метра, они вместе с забором отделяли дворовую территорию от Ленинградского шоссе. И на одной закрытой створке действительно висела женщина с подогнутыми ногами на капроновой верёвке. Я подхватил её левой рукой, приподнимая с земли, пытаюсь правой рукой освободить верёвку на шее. Женщина захрипела. Жива. Развязать узел было невозможно, но у меня в кармане был перочинный нож. Через минуту я привёл её в чувство. Это была пожилая, сухонькая, бабушка с взлохмаченными седыми волосами, выбившимися из-под платка. Я её привёл на пост, позвонил в скорую помощь.

- Что случилось? Почему в петлю полезли? – спросил я старушку.

- Соседи обижают, - проговорила она.

Она жила в старом, престижном, четырёхэтажном доме, где находилась библиотека. Самое печальное, что молодёжь вместо того, чтобы броситься на помощь, испугались этого. Счёт же шёл на секунды. А если бы я не успел, или у меня не оказалось бы ножа?

Ушёл на повышение Гарус Владимир Алексеевич, и на должность замполита выдвинули Леонида Белоусова, лейтенанта милиции, который был секретарём комсомольской организации, и с которым я работал в комсомольско-молодёжной смене.

Белоусов мне сообщил, что от Солнечногорского комитета партии нам выделили туристические путёвки на поездки в страны социалистического лагеря для членов КПСС и ВЛКСМ.

- А если я уже вышел из комсомола, а в ряды КПСС не вступил? А как же: народ и партия- едины? – возмущился я.

- В какую страну ты хотел бы поехать? ГДР, Чехословакия, Венгрия.

- Нет. С этими странами у нас были военные конфликты, - сказал я, - Давай в Болгарию. Во-первых, болгары к нам хорошо относятся, во-вторых, я никогда не был на море.

И в июле 1984 года Леонид организовал мне путёвку. В горкоме компартии я «инструкцию прослушал, что там можно, что нельзя».* В составе 32 туристов я отправился поездом в братскую страну. В Болгарии программ у нас была такая: шесть дней на автобусе по городам, десять дней - на курорте «Солнечный берег».

Первое впечатление от Болгарии было замечательным. Проехав Румыно-Болгарскую границу, поезд остановился в городе Русе. Напротив нашего вагона, на котором висела таблица: «Москва - София», сидели на лавочке молодые люди, и приветственно махали нам руками, посылая воздушные поцелуи.

Два дня в Софии – музеи, рестораны, встречи. Гостиница у нас была в центре столицы, и я после завтрака вышел в город. Что меня удивило, так это то, что в Центральном универмаге я увидел девушку, на которой было всего одето: футболка и трикотажные трусики, и обута была в босоножки на высоком каблуке. Как на пляже. Невозможно было представить, чтобы в Москве, в ГУМе, можно было увидеть девушку в такой одежде. Но была красива. В Болгарии одевались в простую, хлопчатобумажную одежду. В отличие от них, наши женщины были одеты в платья из креплена, или вечерние платья. Все носили золотые украшения.

Время шло к обеду, надо возвращаться, но я потерял ориентацию. Я спросил встретившегося мне мужчину, в какой стороне находится гостиница «София». Он развернулся, и со мной пройдя до конца улицы, показал направление. Я пересёк площадь и подошёл к шоссе, которое имело шесть или семь рядов. По нему по третьему ряду двигалась автомашина «ВАЗ-2101», а я с разбегу ступил на «зебру» пешеходного перехода. Водитель «Жигулей» резко затормозил, чего я даже не предполагал, ведь я ему совсем не мешал проехать. В Европе уже тогда пешеходы имели преимущество перед автомобилями. У нас пришли к этому через 30 лет, и сколько наездов на пешеходов было совершено за это время.

В Пловдиве наша группа шла к памятнику Алёше, и подошли к небольшой площади со сквером посередине. Удобно было пройти через сквер, но пешеходные дорожки были по краям площади, и пришлось обходить. А в том месте, где могли нарушить правило перехода улицы,

стояли юные автоинспекторы, и они во - всю свистели в милицейские свистки, если кто-то пересекал сквер.

Когда мы поднялись на гору к памятнику Алёше, город перед нами был, как на ладони. А у меня из носа пошла кровь, и я, зажав крылья носа пальцами, спустился со смотровой площадки вниз по лестнице, где текла вода из крана.

Там находилась молодая болгарка с маленькой девочкой. Когда я умылся, женщина послала ребёнка ко мне с салфетками.

Что характерно, на городских улицах Болгарии были повсюду фонтанчики и кранчики для того, чтобы каждый мог пользоваться водой.

Это был пятый день наших экскурсий, а моё состояние было результатом хронического недосыпа. В гостиницах я ночевал в двухместном номере с руководителем группы Александром Апишевым, замечательным человеком. И каждую ночь, вернувшись из ресторана после 23 часов, мы принимали гостей. Наши женщины звонили в номер Апишеву с просьбой отметить приезд, и посиделки проходили до трёх-четырёх часов, а в семь часов подъём. Группа состояла из жителей Солнечногорска и района: пятеро мужчин, остальные женщины. Многие друг друга знали, в том числе и меня.

Кроме Софии и Пловдива, мы посетили Старую Загору, Габрово, поднимались на Шипку. Везде доброжелательное отношение жителей, от мала, до велика. По городам мы ездили на автобусе «Икарус», и водитель нам всю дорогу транслировал песни Владимира Высоцкого, хорошие были записи. Когда мы гуляли по улицам городов, местные барыги предлагали нам купить то, или другое. И почему-то всегда из группы выбирали меня, что позволило товарищам подшучивать надо мной. Для торговцев у меня была та же фраза: «Мы из Советского Союза, у нас всё есть, нам ничего не надо».

Ужинали мы, или в ресторане, или харчевне, или ещё где. Программа была насыщенная. В ресторан приходим после экскурсий: живая музыка, посетители сидят тихо, беседуют. Но это до нас. По микрофону звучит:

- В честь советских гостей исполняется песня: «Миллион алых роз», и под популярную мелодию мы приступаем к распитию болгарского вина «Ракия». Кто-то из болгар передаст с соседнего стола свою бутылку вина, мы в ответ. Идём танцевать, и к нам постепенно присоединяются местные жители, которые пришли в ресторан просто поужинать. Одна молодая женщина с девочкой 10-12 лет, вышла к нам в круг и сказала мне:

- Вы спасли нам вечер.

*- В.Высоцкий

Анна Саникидзе

Забытый мир

Я шла по зову, красивому голосу, шепчущему мне о тайне. Он шептал слова красивой песни, рассказывающей о приближении тумана, чье присутствие крадет самые гениальные мысли, и оставляет только дымку в голове. Было непонятно куда мне идти, по чьему следу ступать? Я чувствовала себя словно Алисой из сказки.

Ступать по холодной земле босыми ногами, не самое приятное ощущение, да к тому же на пути встречались осколки битого стекла и шипы роз.

Я не помнила ничего до этого момента, лишь то, что меня зовут Лиза. Я была одета в голубую и пышную юбку, белую, в черную горизонтальную полоску кофту и кожаную джинсовую куртку. Через плечо у меня висела сумка, она мешала при ходьбе, все время стучась об меня, но я не хотела оставлять ее здесь. Хотя в самой сумке не было ничего, что могло бы помочь мне: ни телефона, ключей, хоть каких-то записок. Лишь небольшой кулон, он был размером с мой указательный палец, и выглядел как миниатюрная бутылочка, внутри которой переливалась голубовато синяя жидкость, а сверху и снизу плавали золотые блески. Так же в ней плавали с десяток маленьких серебряных замочных скважин, и лишь один серебряный ключик. Я надела этот кулон на шею, сама не знаю зачем.

Место, в котором я двигалась, было огромным лабиринтом, чьи стены были не каменными, а лиственными. Были и тупики, и странные надписи на непонятном языке, и стоявшие посреди лиственного лабиринтного коридора музыкальные инструменты, чаще всего встречались фортепиано и арфа.

Так же я повстречала на своем пути несколько сов, мышей, волков и лис. Был еще олень, но его я встретила лишь один раз. Два раза бурого медведя и один раз белого. Животные не обращали на меня внимания, будто меня и нет вовсе, но мое щипание себя говорило обратное. Мне было не комфортно и странно, каждый раз, когда я наступала на что-то колющее, а оно было повсюду, я слышала звон колокольчика, но он был слишком быстрый, мгновенный, так что я не могла толком разобрать слышала ли я его на самом деле или нет?

Кулон на шее не издавал ни звука, даже болтаясь. Я повернула налево и оказалась в тупике. Вышла и прошла прямо. Тоже тупик.

Вернулась, повернула на право, и тут то же самое. И куда идти теперь? Выхода же больше нет.

Сверху, в сером небе, пролетела сова, что-то аукнула и скрылась за зеленой стеной лабиринта. Я решила аккуратно присесть и отдохнуть, это все слишком сильно давило на меня. Стены, безысходность, отчаяние найти хоть какой-то не тупиковый проход. Я закрыла глаза и постаралась прислушаться. Я услышала лишь свое собственное дыхание и стук сердца.

Когда я открыла глаза, передо мной стоял жираф. Он, пригнув шею, нюхал мои руки и пронзительно смотрел на меня. Я никогда не видела жирафов вживую, это я точно знаю, сейчас вспомнила. Я протянула руку и осторожно погладила его по носу, шерсть его отливала золотом, а пятна казались цвета шоколада, на ощупь он был мягкий, хотя шерсть его приобрела жесткость и ворсистость.

Жираф мягко фыркнул, поднял высоко голову и медленно повернулся к противоположной лесной стене, не спеша приблизился и, словно сквозь воздух прошел, а стена прошла линиями, как голограмма, и испарилась. Это был мираж, он скрывал тайный проход.

Я медленно поднялась, убрала за уши мешавшиеся прядки волос и подошла к жирафу. Здесь лабиринт и его высокие стены кончались, а впереди стоял старый и покинутый замок. Где-то сверху каркнула ворона, и так сердито и непривычно, что у меня пошли мурашки. Я поморщилась и посмотрела на моего спутника, тот просто моргнул, облизался и ступил вперед. Я тоже.

Мы прошли по скрипучему мостику, внизу, под ним, наверняка должен был течь ручей, но там была лишь сухая и потрескавшаяся земля. Я скользила одной рукой по черным заржавевшим, но красивым перилам, они были выполнены в стиле цветов и лоз. Спустя минуту я со своим молчаливым спутником проходили под входом в замок, нас встретила стража – тишина, полнейшая тишина.

Мы прошли по небольшому двору с клумбами без цветов, и фонтаном в форме двух драконов, без воды. Были небольшие лавки, явно предназначенные для торговли фруктов и разных вещей.

Внутри замок выглядел красиво, хоть и заброшенно: большие серебряные или бронзовые люстры, смотревшие на неожиданных гостей, тревожащих сей покой, с потолка, большие гобелены на стенах, изображавшие владельцев замка: король, его жена и дети, два сына и одна дочка. В некоторых углах главного помещения, скорее всего гостиной, стояла броня в виде рыцаря. Большой красный и пушистый ковер, покрывавший все уголки пола, шкафы с резными узорами, с красивой блестящей, но запylённой посудой, полки с разными кубками,

трофеи животных на стенах: кабанов, медведей, козлов. Еще был небольшой кирпичный камин, он словно грустил, что его никто давно не зажигал.

Направо и налево вели широкие коридоры, в конце которых пробивался белый свет, скорее всего они вели в башни.

Мой друг поманил меня к лестнице, ведущей на второй этаж, я даже немного расстроилась, ведь не успела рассмотреть все, но не смела я обижаться.

Лестница была в ширину несколько метров, так же была покрыла красным мохнатым ковром, а перила были кружевные, и в начале и в конце они закручивались в «улитку» книзу. На втором этаже, как я поняла, была кухня.

Был большой и длинный стол посередине, несколько деревянных стульев с синей мягкой спинкой. Слева от стола была барная стойка, отделяющая помещение где едят от того где готовят, где стоят плиты, несколько духовок, столов для нарезания продуктов, шкафов с посудой и с кухонными принадлежностями.

Жираф кивком пригласил меня сесть за стол. Я села. Сам он подошел к колокольчику, висевшему на стене, и качнул его. Колокольчик раздал громкую мелодию, сильно разрушавшую тишину, в которой я боялась даже ходить. Звон прозвучал с силой выстрела и умолк. Тишина вновь обхватила замок своими объятиями, но они уже были другими, более торжественными, что ли?

И тут, по ту сторону барной стойки все зашевелилось, загремела посуда, вода в раковине, я слышала, как включилась газовая плита и, как нож застучал по столу, нарезая продукты. Сначала я сильно испугалась, и сердце начало биться в три раза быстрее, меня успокоил жираф, он подошел ко мне и облизал мою руку, а затем улегся на пол возле меня, пристроившись поудобнее.

Спустя пару минут я учуяла запах супа, наверное, грибного, еще одну минуту спустя, передо мной летала, кружилась в одновременно безумном и мягком танце посуда. Кружки, тарелки, глубокие и плоские, вилки, ложки, ножи, салфетки, бокалы, чашки, блюдца, все было красиво белое и блестящее.

Невидимые служащие любезно спрашивали у меня как настроение, удобно ли сидеть, вкусно ли пахнет, хорошо ли они выполняют работу? Но все это было на уровне телепатии, я не слышала ни чьи голоса у себя в голове, просто появлялись неожиданные вопросы и я отвечала, так же мысленно.

Вскоре из кипящей в работе кухни, вылетела большая и полная, дымящаяся кастрюля. Мне положили в тарелку дымящегося супа, я попросила побольше грибочков, и сразу же смутилась, но добрейшие служанки «сказали», что это их работа, и если я еще чего-нибудь, хочу, то пусть говорю, они не обидятся и им даже нравится что они хоть кому-то могут принести пользу.

Суп очень вкусно пах и я все не могла дождаться, когда он остынет, поэтому приходилось терпеть восхитительный запах и дуть на суп, чтобы он поскорее остыл. Первая ложка супа исчезла незаметно, будто ее и вовсе не было, оставив после себя аппетитный привкус. Суп оказался наипрекраснейшим! Я умяла его в два счета, но на этом не закончилось мое пиршество.

Следующим блюдом принесли жареную рыбу с картофельным пюре и каким-то голубоватым соусом. Еще принесли кружку компота, на запах лимонно-черешневого.

Хотела было уже я поблагодарить за столь удивительные угощения, как на стол приземлился красивый бокал с мороженым, политым рыжей тягучей карамелью, с ягодами клубники, черники, виноградом и долькой апельсина на краешке бокала.

После столь приятного и благодушного приема на кухне, жираф повел меня вниз по лестнице, обратно на первый этаж. Затем мы повернули направо, и там оказался не вход в смотровую башню, как я подразумевала, а выход в оранжерею. Столько много ярких и удивительных цветов в одном месте, я не видела никогда. Впереди была бежевая мраморная беседка с маленьким черным круглым столом и двумя стульями, к ней вела дорожка из мелкого серого камешка, которая все время изгибалась, а не была ровно прямой. Идя по этой чудной дороге, я все время оглядывалась, везде, куда ни кинь взгляд, растут цветы, не только разных цветов и размеров, а еще и форм. Я заметила несколько треугольных красных цветов, синих и квадратных, фиолетовых и в форме звезд. Были цветы, рисунки на лепестках которых, изображали разных животных. Еще я прошла удивительным взглядом по огромному цветку, что доставал мне до плеч, он извивался и издавал аромат, похожий на яблочный сироп.

В беседке было красиво и удобно. В ту же минуту, когда я присела на скамейку, передо мной появилась тоненькая книжка, буквально с пятью страницами. В ней были изображены лепестки цветов и их названия, а рядом непонятные слова. Но благодаря жирафу, я примерно поняла, что это за книжица. Это было меню, и из этих лепестков готовили

чаи, конечно, каждый лепесток со своим вкусом, еще можно было смешать два лепестка и получить новый вкус, который еще никогда никто не делал. Можно так же сделать не только чай, но и кофе, какао, сок, воду, и другие всевозможные напитки.

Но мне не хотелось сейчас распивать чаи, только гулять и гулять. Разглядывать фантастические растения, созданные, будто по фантазии ученого гения, исследовать комнаты замка, болтать о новостях за кружкой компота с невидимыми собеседниками, гулять с добрым помощником по закоулкам таинственного лабиринта, танцевать под дождем и другое. Только не сидеть на месте!

-Что здесь есть еще? – спросила я вслух.

В ответ мне «сказали», что много чего, просто нужно искать, и я, быстро вскочив с места, побежала вприпрыжку вглубь оранжереи. Не прошла я и десять метров, как наткнулась на разноцветные гелиевые шары, они были повсюду, на деревьях, земле, просто висели в воздухе, качались и приветливо кивали. В отдалении от меня стояла гора подарков, завернутых в разноцветные оберточные бумаги, перевязанные ленточками, некоторые из них парили в воздухе, и словно просили, чтобы их развернули и удивились содержимому.

Но это были не для меня подарки, так нельзя. Поэтому я просто прошла мимо, удивляясь, что я их насчитала не меньше двадцати семи.

Передо мной появился деревянный указатель, он указывал всего в двух направлениях, влево и вниз. Вниз?

На обеих стрелках указателя были какие-то надписи, и я решила подойти поближе, чтобы рассмотреть их. Подойдя, я не смогла их прочитать. Было странно стоять у указателя, который должен помогать найти дорогу к чему-то, но при этом этот только запутал. Казалось, он ведь должен указывать путь, а тут наоборот, интересно чтобы значила эта стрелка, указывающая мне под ноги?

Так ничего и не узнав, я вернулась обратно в беседку. Только вот не было уже никакой беседки, были лишь люди. Много людей в очаровательных костюмах, девушек в изумительных платьях, и все они были в карнавальных масках. А так же все потеряло цвет, все вокруг было в черных и белых тонах, будто я попала в молчаливое черно белое кино. Со мной несколько раз поздоровались, девушки сделали реверанс, я в ответ тоже, хотя, наверное, это движение смотрелось нелепо и неуклюже, так как на мне не было платья, и я была чужой на этом празднике.

Так же у девушек были маленькие веера, а у их партнеров на запястьях висели золотые цепочки, у некоторых просто ленточки, или часы. Пару раз ко мне подходили и приглашали на танец, но я так же

молчаливо отказывала – качала головой. Кое как я пробилась в главный зал замка. Там всюду трудились служанки, горничные, возле моих ног пробежали трое котов, скорее всего они были сплошь рыжими, но это было не понять.

В середине помещения я увидела большой дубовый стол, которого раньше не было. На нем было много разных угощений, были и несколько тарелочек для канапе. Чуть в левой стороне от середины стола, стоял небольшой шоколадный фонтанчик, а рядом блюда с разрезанными на квадраты фруктами, цукатами, зефирами и орехами.

Я взяла в руку вилку с двумя зубьями, проткнула ей маленький квадратик киви и опустила под плавную струю шоколада. Попробовала. М-м-м... это объедение! Все так и тает во рту теплым маслом, а киви с шоколадом сливаются в чарующую кисло сладкую ноту. Из любопытства я попробовала еще пару фруктов и орехов, они оказались ничуть не хуже. Я подумала о том, что если не остановлюсь, то гости окажутся без угощения!

Поэтому прошла дальше, и вышла по левую сторону от замка. Тут все вновь приобрело цвета, словно на влажную бумагу плеснули краски, и те расплылись в цветущем танце. Передо мной появился тот странный указатель, что я встретила рядом с садом, и, не успев я, что-либо вообразить, как провалилась под землю, под свой испуганный крик. Сначала моя быстрая поездка была дорогой из земли, а потом уже из черного материала, скользящего и эластичного, он прогибался под меня и от того было ощущение что меня подбрасывает, и я сейчас стукнусь головой обо что ни будь.

Я быстро влетела в ямку с пушистыми разноцветными шариками, размером с футбольный мяч. Выкабавшись, я поняла, что нахожусь в стеклянной комнате, стены, пол, потолок, все было прозрачным. На стенах висели картины, они также были стеклянные. Неожиданно комната тронулась с места, и я упала обратно в ямку, где мячи смягчили падение и мой легкий испуг.

Где-то вдалеке послышался свист чайника, огромного чайника, а комната, в которой я сидела притаившись, двигалась медленно вперед и немного вниз.

Сквозь стену я увидела где-то далеко внизу, на расстоянии восьмидесяти метров, до невозможности огромных размеров часы, это они издавали свист, похожий на свист чайника. Еще внизу ходили туда-сюда...муравьи. Seriously, огромные, наверное, чуть больше человеческого роста, муравьи. Одни тащили за собой деревянные ящики, мешки, другие записывали что-то в маленькие блокнотики, при этом поясняя другим что делать.

Стеклянная комната медленно опустилась на пол, выполненный в стиле поля шахмат. Я открыла стеклянную дверь, которую прежде не заметила, и ступила ногой на холодный пол, поехала. Затем, не сдержавшись чихнула. В тот же момент я словила ностальгию, словно я сделала что-то не так на уроке, и все ученики, занимавшиеся упорной работой в тишине, обернулись на меня. Мне подумалось что сейчас меня съедят, но муравей в синей фуражке, что стоял ближе всех ко мне, сказал:

- Будьте здоровы. – Обернулся к своим товарищам и воскликнул: - Продолжайте работу!

И все снова взялись за работу, как ни в чем, ни бывало.

-П-простите... - я подняла указательный палец вверх, привлекая к себе внимание муравья в фуражке.

-Да?... – «какие страшные черные глазища посмотрели на меня».

- Где я и как мне выбраться? – спросила я не без страха.

- Вы попали сюда через земной проход?

Я кивнула.

- Тогда вам только один путь. Через дверь. Вон, видите двери? Заходите в одну из них.

Я повернулась в сторону, куда направил меня муравей, и подошла к четырем дверям, темно синей, голубой, желтой и бежевой. Все они были странной шершавой текстурой, будто бы это не двери, а просто толстые, обрубленные деревяшки, которые оставили до окончания важных дел, оставили их на потом.

Я коснулась желтой, и уже хотела схватиться за ручку, как то самое огромное насекомое крикнуло мне:

Нет, подождите!! В те двери вам еще рано! – подбежал ко мне, схватил мою руку, и указал на зеленую дверь, такой же обрубок доски, шириной с меня, стоящей чуть поодаль. – Вот туда входите. – Облегченно вздохнув, он добавил: - Открываете дверь, входите, закрываете, ждете две – три секунды, открываете дверь, и не поворачиваясь, спиной выходите наружу.

-А куда я попаду?

-Ну, в свой мир, домой. Откуда Вы пришли так скажем. Вы же не здешняя, это видно. – Он улыбнулся.

-А я смогу вернуться назад?

-Нет.

-А... можно я останусь?

-Конечно! Только время течет здесь по - другому, чтобы Вы знали...

Зеленое одеяло

Эту историю мне рассказал один чудесный друг, его зовут Нил. Он очень часто забирался на свою кровать дома и залезал под одеяло, брал с собой фонарик и читал книги по ночам. Он никогда бы и не заметил зеленое одеяло, которое висело на стене в магазине «все для мебели». Ему было на тот момент шестнадцать лет, и он с мамой, выбирали для их новой мебели одеяла, покрывала, подушки и простыни.

Зеленое одеяло привлекло внимание Нила, не из-за каких-то узоров или мягкой, шершавой поверхности. Сначала он подумал, что ему показалось, привиделось, причудилось, да все что угодно, но только не то, что это правда.

Сначала мальчик просто разглядывал его, но стоило подойти ему ближе, как он почувствовал запах моря, и еле слышимый шум ветра, тепло ласкающего его душу и волосы.

Нил быстро отошел от одеяла, но решив, что ему показалось, приблизился снова, и опять, тот самый шум прибоя и запах моря, крики чаек и теплая прохлада.

Он решил попросить маму купить ему это одеяло.

Когда они пришли домой, мальчик решил сразу же распаковал новое зеленое одеяло и лег спать, укрывшись им до самого носа.

Сначала Нил ничего не чувствовал, он расстроился, что его обманули, но стоило ему полностью закрыть себя одеялом, как он оказался на берегу моря. Нил чувствовал одеяло в руке, и он скинул с себя его и вновь очутился в своей комнате.

Забравшись обратно под одеяло, он снова оказался на берегу моря. Ему захотелось пройтись вдоль берега.

Сначала он ничего не чувствовал, но пройдя немного дальше, он ощутил рыхлый, чуть мокрый, теплый песок под ногами. Пройдя еще чуть дальше, в лицо ему подул слабый прохладный ветерок, поднявший немного частичек песка вверх.

Пройдя еще дальше, Нил, наконец, услышал шум моря, крики чаек, парящих высоко в небе и иногда приземляющихся в воду, ловя рыбу на лету.

Это было так замечательно, так хорошо. Мальчик присел на берег и начал разглядывать камни. Они все были разной формы и цвета. Были синие, зеленые, розовые, желтые, и все они чудесно переливались, словно жемчужины. Среди камней он отыскал ракушку, в ней никто не жил, приставил ее к уху, и услышал голос своей мамы, она разговаривала по телефону.

Мальчик отложил ракушку в сторону и решил искупаться. Раздевшись, он зашел в море. Оно было теплое, очень теплое, и красивое. Море переливалось на жарком солнце в яркие цвета, от темно синего, до яркого или светлого зеленого, голубого и фиолетового.

Нил нырнул под воду и увидел яркий, морской мир. На песке под водой передвигались крабы, между ног плавали рыбки. Чуть дальше на дне были разноцветные кораллы и много морских цветков.

Когда мальчик вылез из моря и высох, он решил пройти вдоль берега. Он наслаждался всем сердцем этой неизвестной, причудливой красотой, все больше удивляясь под - одеяльному миру.

Когда он полностью насладился этим летним пейзажем, то он захотел вылезти. Он нашел край невидимого одеяла, лежащего на песке, и дернул.

Одеяло слетело с Нила на пол, и он вновь был в своей комнате, но что-то все - таки изменилось.

Ему показалось, что его комната слишком изменилась. Стены стали старыми, серыми, и грязными, а он сам повзрослел на несколько лет.

Я встретил Нила, когда ему было уже тридцать пять лет, с его слов, он сказал, что больше не залезал под одеяло, и вернул его обратно в тот магазин. Он пожертвовал несколькими годами своей жизни ради чудесного пляжа и чаек, ветра и камней, но все же, Нил успел прихватить из того мира с собой ту ракушку. Она и по сей день у него, и из нее до сих пор слышаться чьи то разговоры, а иногда и шум моря того под - одеяльного мира.

Кольцо незнакомки из Ритвела

Это был пасмурный день, и я, Конор Ниян, вышел в такую смутную и некрасивую погоду, чтобы зайти в кофейное заведение и выпить чашечку капучино. Я не любил горькое кофе, или сильно крепкий чай, я очень любил выпить какао с молоком, или сладкое капучино с тремя ложками сахара. Если я взрослый, то это еще не значит, что я должен вести себя как серая масса. И это не значит, что я должен пить только крепкий кофе или чай, я могу себе позволить и лимонад, и леденец на палочке в форме коня, и даже покататься на одинокой качели.

Быть взрослым, это не значит, всегда быть серьезным, хмурым и не веселым. Это значит лишь, то, что взрослый человек должен быть ответственным и мудрым, но он может быть совершенно любим. Он может любить смотреть сериалы про любовь или мультики, он может заваривать себе фруктовый чай или простой, он может читать книги о

пришельцах или о мудрости, он может делать что захочет, точнее, он может выбрать, кем ему быть, и я сейчас не о профессии говорю.

Это лишь мой выбор и мои понятия о взрослом человеке, многие думают по-другому, если для кого-то взрослый человек, это именно серьезный, хмурый и не веселый, то это их выбор. Не стоит менять их стереотипы и выборы, это приведет только к худшим последствиям, и скорее всего вы поссоритесь с друзьями, обидев их, что их выбор это сушая чушь и их недоразвитый мозг. Сейчас я сказал обидные вещи, только в более легкой, несерьезной форме, а если бы все было серьезно, то я боюсь представить, что эти «недоразвитые умы» могли почувствовать, какую силу боли и предательства они почувствовали.

Многие люди еще слишком несовершенно, чтобы мыслить нормально и без обидных слов.

Я вздохнул.

Открыв дверь заведения под названием «Синий закат», я нашел пустующий, одинокий столик возле окна и сел туда. Само заведение тоже было почти пустым, только влюблённая молодая пара, и несколько мальчишек, весело болтающих о чем-то.

Я достал свой блокнот, ручку, карандаш и ластик, начал что-то калякать и пытаться увидеть чудных животных или людей в движениях, это очень помогает научиться рисовать, но мне это не нужно было, я и так был отличным художником.

Я пришел сюда, чтобы отдохнуть от домашней суеты и насладиться спокойной атмосферой.

Ко мне подошла юная официантка, на ней был черный фартук. У нее были скулы, голубые глаза, волосы, запутанные в пучок и красивая, дружелюбная улыбка. Она спросила:

-Желаете чего-нибудь?

-Можно чашечку капучино, и три ложки сахара можете положить туда?

-Конечно! Что-нибудь еще?

-Еще... еще... ну, давайте вот это пирожное, что это?

-Ванильный чизкейк, покрытый сверху шоколадом и кусочками яблока.

-Давайте и его тоже!

Я захлопнул меню и отложил его в сторону.

Иногда так хочется расслабиться от всей этой суеты, суматохи, от всех этих дел, работы, забот, от всех мучений и страданий. От всех проблем и напастей, от всех врагов и недругов, от всех горьких людей и их вкусов, от их слов, пытающихся изменить тебя, они так все противны.

Через пару минут мне принесли чашку капучино, заполненным доверху, и украшенным узором из порошка какао, был нарисован заяц.

Я отпил немного, и почувствовал, как горячий напиток освежает меня, как он стекает в мой желудок, и как становится тепло и романтично. Я решил отвлечься и посмотреть в окно. На улице, как из ведра лил дождь, он успокаивающе шумел.

Среди этой суматохи я разглядел силуэт женщины, то есть, девушки. Лица я не видел, но была она одета в черное, элегантное платье, серебряная, блестящая сумка на плече и красная шляпа на голове.

Она неспешно брела по улице и без зонта, не боясь промокнуть, хотя дождь, почему-то и вовсе не касался ее. Капли будто вовсе не попадали на нее. Она неспешно зашла в заведение «Синий закат» и подошла к моему столику.

-Можно присесть? – спросила она, а я все еще не мог разглядеть ее лица.

-Да, конечно.

Я не мог оторвать от нее глаза, но была ли это любовь, как вы могли подумать? Скорее это было лишь чарующее любопытство маленького ребенка, узнать цену на какую-то вещь, нежели любовь с первого взгляда.

-Как вас зовут? – спросил я, отпив еще немного капучино.

-Я думаю, вы можете звать меня....

Она неслышно произнесла свое имя, шевеля одними губами.

-Что? Как еще раз, я не расслышал.

И вновь все повторилось. Я не слышал ничего, пока она говорила свое имя.

-Вы не можете услышать мое имя?

-Да, как бы странно это не звучало. – Усмехнулся я.

-Я из Ритвела. – она протянула руку, и я пожал ее в ответ.

Голос, кстати у нее был очень мягок и звонок.

-Я никогда раньше не слышал о таком городе.

-Это страна.

-И о стране тоже ничего подобного не слышал. Где это находится?

-Ритвел, это страна, которая находится ни в нашем месте, не в наше время. Ее невозможно найти по карте или по инстинкту сыщика.

-Тогда как вы ее нашли?

-Я ее не искала. Она сама меня нашла.

Эта таинственная незнакомка говорила так странно и немного пугающе.

-А почему вы решили заговорить со мной об этом?

-Вы мне показались, интересны, и я подумала, что будет неплохо завести с вами разговор.

-Но я вас совсем не знаю, о чем нам разговаривать?

-Никогда не отвергайте людей, хотящих, с вами познакомиться, они могут быть полезны для вас.

-Но я не завожу дружбу, с кем попало.

-Даже если это будет выгодно для вас?

-Да. – Я нахмурился. Почему она задает мне такие странные вопросы?

-Ладно, как вас зовут?

-Вы мне не сказали свое имя, я тоже не скажу свое.

Она звонко посмеялась, и мне показалось, что ее смех, как звон колоколов разносится все дальше по заведению, доходя до улицы и дальше.

-Вы очень смешной.

-Спасибо.

-Почему вы сидите тут один?

-Я решил отдохнуть от работы.

Между нами зависло недолгое молчание. Я заметил на ее безымянном пальце золотое кольцо, на нем что-то было написано, но я не видел что именно.

-Вы за мужем? – спросил я у нее.

-Нет – нет, что вы! – она улыбнулась.

-Тогда почему вы надели его на безымянный палец?

-Это кольцо необычное, оно... показывает мне путь и не дает забыть кто я на самом деле.

-И кто же вы?

-Не знаю. – Она вздохнула.

-Вы шутите?

-Нет, почему же.

-А какие люди, по вашему мнению, бедные?

-А вы как считаете, какие?

-Давайте на - ты. Я думаю, что самые бедные люди, у которых нет ничего кроме денег. Они могут купить еду, машину, дом, но они не могут купить себе хорошую дружбу или любовь.

-А как же собаки или другие животные? Их же можно купить.

-Да, но и их надо приручать.

К нашему столику подошла официантка и принесла на тарелке с ложкой ванильный чизкейк, а я уж и забыл про него.

-Спасибо. Ты будешь? - Спросил я у незнакомки.

-Можно?

-Да. Конечно.

-Я думаю, что люди разные, очень разные. К кому бы я не приходила, у всех были разные эмоции. Я грустила, когда многие меня не ценили.

-Какие эмоции, например?

-Ну, одни радовались, другие огорчались, но почти все из них плакали, когда я уходила.

-Я тоже буду плакать? Почему?

-Ты пока не будешь. Придет время, ты только улыбнешься, а потом, может и заплачешь.

-Почему? – повторил я свой вопрос.

-Мое время истекает, проводишь меня?

- Да, конечно.

Когда я оплатил счет, и мы вышли на улицу, дождь к тому моменту перестал идти, незнакомка обернулась и сказала мне:

-Когда я исчезну, прочитай то, что будет написано на моем кольце, если хочешь, можешь оставить его себе. – Она положила в мою ладонь кольцо и подмигнула. - Никогда не трать время зря, а Ритвел, это лишь то место, где обитают все секунды, минуты, часы, дни и ночи, моменты и миги, и там, я господствую над всеми!

Когда я посмотрел на кольцо незнакомки, а потом поднял голову, то увидел что незнакомки и след простыл. Я снова посмотрел на кольцо, и там, словно следы стали просвечиваться слова. Сначала это были странные символы, но и они становились все яснее. Я прочитал:

«Я - Время! И могу уйти в любой момент. Я, Время, прихожу, и все миг меняется. Если я уйду, жизнь заканчивается, обрывается. Ты встретил меня любезно, и даже проводил, но ТВОЕ время, еще не закончилось»

Значит, я встретил само Время, которое решало мою жизнь, и если бы я ей не понравился, думаю, что она бы ушла от меня навсегда, и я бы исчез...

Светлана Назарова

Новогодние дары

Моя подруга Таня была девушкой необыкновенной красоты. Она поразила меня своими карими глазами под дугой черных, словно смоль, бровей, строгими чертами лица, осанкой. Была в ней некая гордость, отнюдь не в том смысле, что она возвышала себя над другими, нет, то было сознание собственного достоинства, неординарности. И я, познакомившись с Танечкой (по ее инициативе), не сразу поняла, что она провинциалка. Танечка держалась совсем иначе. И, возможно, она прониклась ко мне доверием, потому что нуждалась в руководстве, попечении... Как бы там ни было, но прошли годы учебы в медицинском училище, и нас распределили на государственную практику в поселок, на берегу Белого моря, в котором жили Танины родители. Когда я увидела участковую больницу, в которой нам предстояло проработать два месяца, я впала в уныние. Основное здание больницы было двухэтажным, деревянным, старым, словно разваливающийся огромный пенёк. Прежде оно, видимо, принадлежало какому-нибудь богатому купцу, или промышленнику, во всяком случае, построено оно было далеко от поселка, километра два, как будто бы на хуторе. Но теперь к нему было прилеплено несколько одноэтажных построек, имевших свои функции, по крайней мере, за их счет увеличилась площадь больницы. Но как же это выглядело внешне! А родильное отделение размещено было в отдельной избе, которая, видимо, была домом для прислуги. В этой избе прихожая служила и комнатой акушерки, и кухней, и столовой для пациенток, коих бывало немного. Женщины лежали в следующей, длинной комнате, притом и беременные, и родившие вместе. От кухни же была и другая дверь: в самую большую комнату, которую называли, недолго думая, операционной. Но здесь не только проводили операции, но и принимали роды, и здесь же, огороженные какой-то фанерой лежали в своих маленьких, высоких кроватках малыши. Уж так им не повезло, что они присутствовали при каждом родах, слышали все крики, шумы. А ведь научно доказано, что малыши слышат все, что происходит рядом с матерью, еще внутриутробно, выражая мимикой и испуг, и наслаждение. Один знаменитый музыкант, будучи взрослым, неожиданно для себя, взявшись за новые партитуры, обнаружил, что он их знает наизусть, то есть он сыграл музыку без нот. Оказывается, когда его мать была беременна им, она готовила к своим концертам именно

эти произведения. Теперь представьте, что испытывали наши детки рядом с орущими роженицами!

Но, должна вам сказать, настроение мое ничуть не отражалось на работе. Мы, когда умело, а когда и с претензией на профессионализм выполняли все, что было предписано программой. Близилась новогодняя ночь, и мы мечтали о празднике где-то в доме культуры рудника. Поселок тот был построен рядом с многочисленными рудниками, и руду там добывали в больших количествах, но народ бедствовал, как и везде в Союзе, не заслужил даже полноценного питания и современного медицинского обслуживания, не говоря уже о веселых праздниках, но все же... А люди жили за полярным кругом, в серой полутьме зимних дней, при недостатке кислорода в воздухе, имея, как правило, профессиональные легочные заболевания.

Нашим ожиданиям не суждено было сбыться, напротив, как оказалось, предстояла особенная новогодняя ночь, с приключением и с подарками. Врач акушер-гинеколог накануне праздника заявила нам безапелляционно: «Вы, девочки, вдвоем будете дежурить в новогоднюю ночь одни, без акушерки! Работать некому, а вам я доверяю, вижу, что знания есть». «Но у нас нет еще дипломов!» – пытались отговориться в испуге мы. «Вопрос решен! Звоните мне домой, если что,» – лишь только добавила доктор, взглянув на нас несколько высокомерно.

И вот прошло время, и мы остались один на один с женщинами и ребяташками в неуютном «родильном доме». Мною овладело предчувствие каких-то неприятных ощущений, какого-то необычного случая. Но я бодрилась, списывая свою интуицию (которая сопутствовала всей моей медицинской карьере) на переживаемый страх. Но нам пришлось испытать и страх, и радость.

Ближе к полуночи раздался стук в дверь! В дом ворвался мужчина и стал вопить: «Акушерку срочно в машину!» «В какую машину-то? Да и акушерки нет, и не будет сегодня». «А вы-то кто? Ах, практикантки! А ну, быстро в машину! На роды!» Лишь в машине скорой помощи мы сообразили, что нами командовал шофер. «А чего это вы нас увозите, а если что случится с нашими пациентками или с детьми? Кто за это будет отвечать? Они же там остались одни, беспомощные? Дяденька, а-а?» «С ними, даст Бог, ничего не случится, а с нами уже случилось... Там мой фершал с роженицей воюет... А чего мужик один может, хучь и фершал! Вы ему подмогните, да и домой».

Машина подъехала к старому барaku, где в одной из комнат нас ждали. «Господи, дай нам сил, умения, избавь от страха, помоги, Господи,» – мысленно произносила я, не зная тогда молитв по

молодости, по глупости своей... Еще только мы вошли в длинный коридор, как сразу на нас свалилось все, что испытывали соседи, муж роженицы и фельдшер, который как только увидел подъезжавшую машину, сразу же сбежал от роженицы. «Девчонки, девчонки, на вас надежда!» - заплясал он вокруг нас павлином. Он был рад освобождению, и не скрывал своего ликования. Мы вошли в небольшую, чистенькую комнату, которую фельдшер, надо отдать ему должное, подготовил для родов. Здесь были и стерильные простыни, и биксы, заполненные всем необходимым, вода и свет. Едва взглянув на кричащую истошным голосом женщину, мы поняли, что времени на осмотр у нас нет. Фельдшер просунул свою взъерошенную голову: «Ну как? А? Ее Ольгой зовут». Но, встретившись с моим взглядом, прикрыл дверь. А за дверью слышалась: «Ну что? Ну что?» Я надела стерильный халат из бикса, перчатки, встала на роды, Таня приготовила все для обработки новорожденного. Ребенок под моими руками родился быстро, не обременяя меня. Его крик был знаком восторженного счастья и успокоения. Но уж слишком мала была головка девочки, да и сама она была малюсенькой с явными признаками недоношенности. «Какой у вас срок, Ольга?» – спросила я озабоченно. «Еще только семь месяцев». И снова в дверном проеме появилась знакомая, но уже счастливая голова: «Ну, кто родился-то, кто?» «Да иди ты,» – закричали мы одновременно. «Таня, надо колоть и ребенку, и ей, набирай шприцы,» – произнесла я голосом приговоренного, и вновь защемило у меня за грудиной... Я решила проверить рукой на животе признаки отделившегося последа и ужаснулась. При внешнем осмотре (осмотр тактильный, а не визуальный, то есть руками) я обнаружила две крупные части (головку и тазовый конец) и несколько мелких частей (конечности) предполагаемого плода. Я моментально забыла имя молодой матери, руки у меня затряслись, я почти что завывала: «Женщина, у вас двойня что ли?» «Не знаю,» - испуганно посмотрела на свой живот роженица. «Я давно не была в женской консультации». Мы с Таней обе знали о том, что преждевременные роды часто бывают при многоплодной беременности, но все же, почему именно сегодня... Натянув новые перчатки, я вновь осмотрела ее. «Таня, здесь еще ребеночек, ножками!» Малыш спешил к нам не совсем обычно, ножками, а это уже не есть норма, вернее не часто случающееся действие, при котором надо быть аккуратной, умелой акушеркой. «Таня, давай вместе, вслух вспоминать биомеханизм родов при ножном предлежании!» «Давай,» – прошептала Таня, на грани обморока. Я никогда не видела у нее таких несчастных глаз. Ее красивое, кругленькое лицо как-то неестественно вытянулось, побледнело.

«Интересно, как же я то выгляжу сейчас,» - почему-то подумалось мне и тут же забылось. Но, напрягая память, уводя страх куда-то в небытие, мы вслух, перебивая друг друга, а иногда в унисон излагали теорию, а ребенок, словно бы повинувшись словам, каким-то магическим образом, а, скорее всего по воле Господа родился как пописанному, (то есть, как описано в учебниках), без осложнений. И это тоже была девочка... И тут, мы снова увидели фельдшера, испуганного, вспотевшего, словно он принимал роды. «Да входи же, поможешь уколы сделать,» - пригласили мы его снисходительно. И мне вдруг жалко стало этого мальчишку, он и старше-то нас был всего на год, и эти роды на дому были первыми в его практике, хотя по опыту сегодня знаю, что до самой пенсии медики, которые не часто встречаются с родами, пасуют обычно в таких случаях, но голова работает, а руки делают. «А куда деваться,» - говорят они.

«Ну, девчонки, ну молодцы! Да вы же теперь бабки-повитухи, двоих родили, да еще и девочек!» – восторгался наш коллега, изредка похохатывая нервным смешком. Мы произвели над своими новоиспеченными пациентами все необходимые мероприятия, укутали в теплые одеяла и вместе с озабоченным папашей, с соседями перенесли Олю в машину. Детишек мы с Таней держали на руках. В машине Оля сказала: «Спасибо, милые. Я ведь поначалу-то напугалась, а потом, слышу ваши переговоры, да все на латыни, по-медицински, смотрю, и руки у вас окрепли, и голос стал тверже, я и успокоилась. Думаю: к теории приложится практика. Когда-то надо начинать...»

В «родильном доме» стояла тишина, все спали, не ведая, что нам пришлось испытать. Мы осмотрели Олю уже в операционной, переодевшись во все стерильное, затем уложили в постель в женской палате. Ребятишек перепеленали в казенное, стерильное белье, уложили вместе в один- единственный чудом обретенный когда-то кювез. Это кроватка с колпаком для недоношенных детей, где автоматически создаются необходимые условия для слабеньких малышей.

Несколько раз мы набирали номер телефона нашего доктора, но телефон молчал. «Она забыла про нас!» – перешептывались мы. Беспокойство не отпускало нас. Мы поминутно бегали к Оле, к новорожденным. Наконец, уже где-то часа в три ночи доктор ответила на наш звонок. Когда Таня подробнейшим образом докладывала доктору о нашем испытании, она лишь твердила: "Так, так..." «Ну что я вам скажу, коллеги, работа выполнена, назначений больше не будет, наблюдайте, запишите, как положено в истории родов, а затем отдыхайте» «Вы что же к нам не приедете?» - спросила Таня, обалдев от изумления. «Ждите утром». Отдыха у нас не получилось никакого. Мы долго, педантично

заполняли документы, до тех пор, пока к нам вновь не постучали. Пауза была довольно долгой... Наконец, мы узнали голос нашего фельдшера: «Девчонки, откройте!» На нашу кухню ворвалось нечто большое, яркое, морозное! Это были наши мужики: новоиспеченный папаша и фельдшер. Но в руках у них было столько цветов, пакетов с подарками, что они заслонили дарующих напрочь. «Девчонки, это вам, такое дело, детей мне подарили в Новый год, как благодарить, не знаю». «Эти дары вам от Господа, а мы лишь помогли, чем смогли, что сумели». «Ну, да, да, согласен, но не откажите, примите мои подарки, сладенького, шампанское, Новый год ведь, забыли наверное и встретить, после трудов праведных, а, откажетесь, обидите на всю жизнь!» Мы благосклонно приняли подарки, мимоходом поглядывая на фельдшера. Он был совершенно счастлив, смеялся, мельтешил, и я удивлялась, как можно так искренне радоваться чужому счастью, а может быть, он проникся участием к этой семье, а может быть, они были знакомы...

В семь часов утра приехала доктор, проверила нашу работу, отпустила домой, оставшись одна дожидаться акушерку на смену.

Мы вывалились с Таней в морозную тьму с пакетами, которые шуршали, раздражая слух, потому что мы уже немного расслабились, сбросив ответственность на доктора, и усталость исподтишка давила на мозг. Таня прижалась ко мне в испуге. «Впереди кто-то идет или стоит,»-прошипела она. И мною овладел страх, но я решила про себя, что этот страх – явный перебор на сегодняшний день, и я каким-то усилием воли избавилась от него с негодованием. «Там, вероятно, стоит сосна, или ель темная, вот увидишь, когда подойдем,» – успокаивала я Таню. Она продолжала стонать и стонать, ускоряя шаг, до тех пор, пока не стало очевидным, что, то была огромная ель у самой дороги. Оставшийся путь мы почти пробежали, насколько это было возможным.

Дома у Тани не спали, дожидались нас за праздничным столом, и очень обрадовались нашему приходу. Мы рассказали обо всем, уже с хохотом, подшучивая над собой, над фельдшером, над папашей с всклоченными волосами, все было в прошлом, и наступила разрядка, мы освобождались от пережитого стресса. Хохотали и Танины родители. Но, несколько минут спустя, в глазах Таниной мамы я увидела новое выражение, они были серьезны и уважительны, то есть она увидела в нас акушеров, исполнивших свою миссию. Я смутилась, взглянула на Танино бледное от усталости лицо, на нем тоже блуждала улыбка смущения. «Пойдем спать! Утро вечера мудренее!» - сказала я. «Так ведь утро уже и есть,» - засмеялись все.

Мы окунулись в свежее постельное белье, и расслабленное тело блаженно растянулось под одеялом, но мысли вереницей поплыли в моей уставшей голове, я вспомнила о новорожденных детях, и почему-то пожалела их всей душой, оставленных в этом старом домишке под названием «родильный дом», где невозможно было выполнение ряда санитарных норм из-за объективных причин, мне было жаль матерей, которые ютились рядом. Да и что их ожидало дома? Комната в длинном бараке, и ежедневные подвиги в процессе выживания, ибо ту жизнь, которой жили они, да и сейчас живут, в большинстве своем, иначе назвать было бы кошунством.

И только много, много лет спустя один священник открыл мне простую истину, что жалость - это жертва. И я хотела бы сегодня, чтобы те дети, которые наверняка уже имеют своих детей, пожалели нашу обижаемую, гонимую страну, которая хоть и оказывалась на поверку мачехой частенько для них, и действием помогли ей возродиться, а Государственная власть наша, наконец, пожалела бы детей своих и полюбила жертвенной любовью, как мать любит свое дитя. Я хотела бы, чтобы наши дети были счастливы в обновленной счастливой стране.

03.12.05.

Сергей Васильев

Бородатые

«Воин действует. А глупец протестует».

Сократ

Тишина. Абсолютная тишина, не раздаётся никакого звука, ни шороха, ни скрипа, вакуум. Я выхожу на большую площадку второго этажа двухэтажного дома, потолок и крыша полностью отсутствуют, открывая голубую гладь неба. День не солнечный, но светлый, всё видно ясно и чётко. По бокам и впереди полуразрушенные кирпичные стены с проёмами окон, в которых напрочь отсутствуют оконные рамы. На полу лежат вразброс небольшие горки битых кирпичей, обвалившиеся бетонные плиты потолка с торчащими наружу кусками арматуры, остатки деревянных оконных рам и всё это покрыто налётом пыли и гари.

Останавливаюсь в начале площадки, осматриваюсь. Знаю, следом за мной идут наши ребята. Тишина. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, словно из ниоткуда, вырастают около десятка бородатых мужчин, одетых в зелёный камуфляж, в «разгрузках», с автоматами и укомплектованные БК под завязку. Стоят вдоль стен и смотрят на меня хмурым взглядом не предвещающим для меня ничего хорошего.

Быстро оглядываюсь назад, ребят нет. Моментально осознаю, что я один. Вскидываю свой автомат и открываю огонь по бородатым. Чувствую в руках отдачу автомата от выстрелов, но звука нет. Абсолютная тишина. Пули странным образом летят мимо них, попадая в кирпичную стену, выбивая из неё пыль и мелкие осколки, а бородатые стоят на месте и не двигаются, словно мишени в стрелковом тире, только смотрят на меня свирепым взглядом. Под конец автомат начинает захлёбываться и «плевать», пули вылетая из ствола падают мне под ноги, поднимая небольшие облачка пыли.

Увидев данную картину, «камуфляжные» с ухмылкой и горящими глазами (они реально горели, как у волков ночью), устремляются ко мне, но в меня не стреляют. Молнией проносится в моей голове мысль: «Хотят живьём взять. Да вот хрен вам! Буду биться в рукопашную, но живым не дамся!». Страха нет, хотя вроде должен быть, а наоборот какое-то спокойное равнодушие, смешанное с яростью. Кидаю в первого ко мне бегущего бесполезный уже автомат и попадаю ему аккурат в голову, он падает на спину. Издаю сам звериный рёв и устремляюсь на встречу

второму бегущему. При этом для себя отмечаю, что всё происходит в крошечной тишине и звука своего голоса я не слышал. Во время броска сжимаю со всей дури кулак и с лёту бью прямым бородатому в нос и вот тут я услышал хруст, какой-то не понятный от чего, но хруст. И это был первый звук, который я услышал за всё это время.

Открываю глаза. Тёмная комната. Ночь. Я в лежачем положении, смотрю в потолок комнаты. Правая рука сжата в кулак и очень сильно болят костяшки пальцев. Видимо во сне я всё же произвёл удар, но удар этот был в бетонную стену моей комнаты, т.к. диван находится возле стены. Плавно сажусь на край дивана и опускаю ноги на пол. Чувствую у себя частое, глубокое дыхание. Сердце бешено колотится перекачивая адреналин. Упираюсь ногами в пол и встаю с дивана, руки немного трясутся. Иду на кухню, но останавливаюсь возле двери комнаты и оглядываюсь назад. Моя жена (моя Танюшка) мирно спит разметав свои красивые волосы по подушке и чему-то улыбается во сне. От этой картины мне сразу становится как-то спокойней. Иду на кухню и сажусь возле окна (под форточку), закуриваю сигарету. Смотрю в окно на мирно спящий ночной город, на серебристую гладь улиц после дождя. Тишина и покой, лишь раздаётся приглушённый звук от проходящего вдалеке товарного поезда. Успокаиваюсь до конца, дыхание выравнивается, сердце начинает отбивать свой нормальный ритм. В голову лезут всякие мысли, воспоминания, о которых вообще хотелось бы забыть, но память она словочём почему то избирательна.

Докурив до фильтра сигарету, тушу её в пепельнице и иду спать. Захожу в комнату и вижу, что моя Танюшка лежит с открытыми глазами и смотрит на меня. Я вижу в этих глазах и боль, и тревогу, и любовь.

- Что, опять приснился кошмар?- с тревогой и участием в голосе спросила она.

- Не помню. Нет наверное.- попытался соврать я ей.

- Ты кричал во сне, а потом начал выть и рычать. – спокойно сказала она, при этом стараясь не подавать вида, что переживает за меня.

- Не переживай... Всё хорошо... Я тебя люблю! И давай спать. – пытаюсь этими словами успокоить её, ответил я.

Конечно Танюшка мне не поверила, ведь у женщин есть какое-то внутреннее, природное чутьё, присущее только им. Глубоко вздохнув она легла на бок, повернувшись ко мне спиной. Я прилёг рядом и обнял её. Какой всё таки от неё исходит дурманящий и завораживающий меня запах, аромат, делающим меня спокойным и умиротворённым.

Танюшка, моя Танюшка... И вот тут всё ушло и всё забылось.

2019г.

Отец

«Потерять отца – значит потерять верного советчика и наставника, того, кто поддерживал бы тебя, как ствол – ветки».

Янн Мартел

Спиной вперёд плавно пролетаю сквозь потолочное перекрытие какого-то здания и опускаюсь плавно на ноги. Осматриваюсь, крутя своей головой. Нахожусь по середине длинного, широкого коридора, тусклое освещение обычных лампочек, всё как-то размыто и с желтоватым оттенком. По бокам коридора идут двери, без каких-либо указательных табличек, белого цвета. Пол коридора из бетона с мраморной крошкой, стены с желтоватым оттенком от освещения. В конце коридора двустворчатые двери с большими стёклами. Кромешная тишина, не слышно ни одного звука. Определяю, что я нахожусь в больнице. Как я это определил? Не знаю, просто пришло в голову, что это больница и всё.

Начинаю идти прямо по коридору. Останавливаюсь возле второй или третьей двери, находящейся с правой стороны от меня. Плавно открываю её и захожу в огромную больничную палату. Сразу в глаза бросается огромное панорамное окно на всю стену выходящее на улицу. За окном закат в последней его стадии, толком ничего уже не видно, только чёрный горизонт, багровая полоса над горизонтом и много чёрных длинных облаков, разбросанных густо по небу. В палате находится много больничных кушеток, на которых лежат мужчины, практически голые и к их рукам подключены капельницы. Вся палата от заката за окном тоже какого-то багрово-чёрного цвета. Лиц лежащих мужчин не видно, они как будто скрыты в тени. Никакого запаха не ощущается, хотя по идее он должен быть, ведь это больничная реанимационная палата, но его нет. Смотрю на лежащих мужчин, они лежат не шевелясь, при этом я не испытываю никаких чувств, ни эмоций, просто смотрю.

Вдруг на одной из кушеток начинается какое-то движение, моё внимание резко переключается туда и первая эмоция интереса и страха одновременно. Пристально вглядываюсь в этом багрово-чёрном полумраке в сторону той кушетки. В это время с кушетки встаёт мужчина, в одних трусах, лица его не видно, оно как бы скрыто тёмной тенью и направляется в мою сторону, по пути огибая другие кушетки с лежащими на них мужчинами. Я стою не шевелясь, смотрю, что будет дальше, а внутри нарастает волна страха, грозящая перерасти в панику. В животе как будто натянулась струна, которая вот-вот оборвётся. А мужчина тем временем приближается ко мне, всё ближе и ближе. От страха я уже не

могу не двигаться, не шевелиться, как будто что-то сковало моё тело, дышать стало тяжело.

Он подошёл ко мне вплотную. Я пытаюсь вглядеться в его лицо, но оно скрыто тенью. И тут тень скрывающая его лицо немного рассеялась и по тем немногим признакам появившимся на его лице, я вдруг понимаю, что передо мной стоит мой отец, который умер много лет назад. Кстати он умер в больнице, от не оказанной вовремя медицинской помощи. По мне проходит ледяная волна, с головы до пят и сразу наступает какое-то облегчение, страх улетучивается и приходит радость, что я стою рядом со своим отцом. Ведь я так давно его уже не видел, ужас как соскучился, тогда я ещё был маленьким, а теперь молодой мужчина, но всё равно ощущал себя маленьким мальчиком, находясь перед своим отцом. Он берёт меня за левую руку, чуть выше кисти и недовольно спрашивает:

- Ты что тут делаешь?

- К тебе пришёл, я тебя давно не видел, соскучился.- отвечаю я, с какой-то детской радостью и наивностью.

- Тебе нельзя здесь находиться! Быстро уходи отсюда! – как то злобно говорит отец, при этом черты его лица выражают полное недовольство, да же можно сказать гнев.

- Но я хочу быть с тобой! Я никуда не хочу уходить. – отвечаю я с детским упрямством в голосе.

Тогда отец, всё так же не отпуская моей руки, с силой выволакивает меня в больничный коридор из реанимационной палаты. Я пытаюсь упираться ногами в пол, как то сопротивляться, но у меня это плохо получается. Ноги скользят по гладкому, бетонному полу и отец сильнее меня.

В коридоре он гневно говорит мне:

- Иди отсюда!

- Но я к тебе пришёл, я хочу остаться здесь, с тобой. – отвечаю ему и пытаюсь его обнять.

И тут происходит неожиданное, он начинает бить меня кулаком в лицо, с гримасой ярости и гнева, что аж его лицо исказилось до неузнаваемости и кричать мне:

- Пошёл вон отсюда я тебе сказал! Тебе нельзя здесь находиться! Тебе сюда ещё рано!

Отец продолжает бить меня кулаком по лицу, а я стою в полной растерянности и не могу ничего понять. Ни этих его слов, ни его действий. Он никогда на меня в детстве ни кричал, ни орал, а уж тем более не бил меня и вот в данный момент происходит что то вообще невообразимое.

Какая-то растерянность, обида, боль, тоска, печаль одновременно напали на меня в этот момент, я был подавлен и ничего не мог понять. И вдруг, резко и неожиданно, меня бьёт разряд электричества, по телу проходит судорожная волна и меня как будто оmyвает холодным душем. Я отрываюсь от пола и начинаю плавно подыматься к потолку. В момент подъёма меня бьёт разрядом тока ещё раз, опять судорги и душ. Я перевожу взгляд в низ, чтобы посмотреть на отца, а он стоит и улыбается, гнев исчез с его лица, черты разгладились, хотя оно так же скрыто дымкой какой-то не понятной тени. Это опять был мой папа, добрый, сильный, заботливый, каким я запомнил его в детстве.

Так же плавно пролетаю сквозь потолочное перекрытие, вылетаю на улицу и устремляюсь в чёрное небо, всё быстрее и быстрее. Всё закрутилось, завращалось и полная темнота...

Открываю глаза. Частое, глубокое дыхание, грудь сильно подымается вверх. Вся постель пропиталась потом, мокрая. Тело в холодной испарине. «Что это было? Что за странный сон?» - созревают в голове первые мысли, при этом испытываю чувства разочарования, тоски и в то же время радости, ведь я столько лет уже не видел своего отца. Остатки сна по тихоньку улетучиваются. Тревога и тоска плавно уходят, ведя за собой спокойствие. Остаётся только думать и размышлять обо всём увиденном. Что дают нам сны? О чём пытаются сказать, предостеречь? Где мы оказываемся когда спим? Какие границы, каких миров мы пересекаем?

2019г.

Нагима Садулова

Паломничество по святым местам Туркестана

Я давно слышала, что в городе Туркестане и его окрестностях, есть святые места. Но что они оказывают большое влияние на судьбу человека, для меня было ново. Некоторые паломники говорят, что сразу нашли доходную работу, открыли свой бизнес, бесплодные женщины родили детей. Происходят невероятные события.

Хочется новых впечатлений. Как выглядят святые места? Как человек себя чувствует там? Какие ощущения мы испытываем от соприкосновения с душами наших далёких предков? Какими были при жизни эти исторические личности, что после смерти их мощи оказывают такое влияние на судьбы человечества? Моя бабушка часто рассказывала про «акр заман», то есть «конец света». Она говорила, что духи мёртвых будут опускаться на землю, чтобы согреть сердца своих потомков, принести мир на землю. Воины из тьмы выходят на свет, чтобы уберечь свою землю, сохранить в здравии свой народ, чтобы жизнь процветала на земле.

Прошлое... Какое оно оказывает влияние на жизнь людей?!

Всё решает вера... Великое прошлое народа даёт нам веру в себя.

Что заставляет людей по жаре преодолевать столько километров, спать в неустроенных ночлежках, кушать наскоро приготовленную пищу в походных условиях. И всё это сводится к тому, чтобы человек нашёл своё счастье, своё призвание, свой дар, который получил при рождении, но не смог воплотить в жизнь.

Страх и сомнения одолевали меня. Хочется надеяться, что легко преодолею этот путь. Ведь с каждым днём тяжесть с плеч будет спадать. К следующему дню паломничества, будем уже немного очищенные.

Наступил день отъезда. Колонна из пяти автобусов от автовокзала Сайран двинулась в путь. Жители из разных городов Казахстана: Алматы, Астаны, Чимкента, Тараза, Усть-Каменогорска, Семипалатинска и др. отправились отдать поклон своим знаменитым предкам.

Мы тронулись в путь, через мавзолей Святого Раимбек Батыра. Раимбек Батыр народный герой, он освободил казахскую землю от джунгарского ига. Был предсказателем, хорошим дипломатом, обладал силой слова. Считается, что дух этого человека дает благословение путешественникам и помогает легче переносить трудности в дороге. В автобусе познакомились. Все желали друг другу Ак Жол (Светлую дорогу).

Главное, чтобы у каждого открылась дорога к цели. Люди очень доброжелательные, многие едут снова и снова, чтобы поддержать своё здоровье. Ночью прибыли к месту назначения. Стоянка называлась “Арыстан Баб” по имени Святого. Первым делом сделали пожертвования Святым духам, зарезали барана. После чего начали посещение святых мест. Вокруг была прекрасная природа, мы приехали к памятнику Святого Жусуп Пайгамбара. Послушали легенду.

Жусуп Пайгамбар был очень красивый мужчина. Когда его видели женщины, просто теряли дар речи. Одна женщина резала хлеб, от удивления нечаянно порезала себе руки. Жена Султана привела его к себе домой под каким-то предлогом, пыталась соблазнить. Но Жусуп не хотел на себе испытать гнев хозяина, вырвался из её рук и пустился бежать. Женщина от ярости догнав его, разорвала рубашку и расцарапала спину. Когда заходил хозяин, он увидел убегающего работника Жусупа и спросил у жены:

« Почему у него расцарапана спина?» Она ответила, что Жусуп хотел соблазнить её, она боролась и расцарапала спину. Жусуп отрицал. Султану, чтобы разрешить спорный вопрос, пришлось обратиться к мудрецам. Мудрецы дали совет: « Посмотри, если у подданного расцарапана грудь, значит он хотел её соблазнить, а если спина значит женщина.» Весьма поучительные легенды мы слышали в дороге, которые также актуальны в наши дни. Жусуп пайгамбар дарил людям здоровье.

Дороги были дальние и нельзя было нарушать улкен дарет (омовение при котором замыкается энергия тела). Нельзя было спать в дороге. Чтобы пассажиры не засыпали, молда читал коран и учил аятам (молитвы), а экскурсовод не уставала рассказывать легенды и притчи. Следующим местом посещения был Казгурт: дышащие горы Ана- Ата.

Считалась, тех кто пройдёт через дышащую гору ждёт удача. Люди достаточно очистились в святых местах. Нужна определённая сноровка и присутствие в моменте, своего рода хороший тренинг. Место было очень посещаемым иностранными туристами.

Посреди степи построена пятиэтажная гостиница, всё благоустроено. Мы сделали небольшой привал, привели себя в порядок и присели на лавочках, в ожидании, когда впереди идущая группа обогнёт гору. Люди одетые в белые одежды, серпантином поднимались в горы, потом опускались. Мы встретились с ними, на подъёме на камень, который заряжал энергией людей и очищал вещи. После посещения этого камня мы должны были пройти между Ана и Ата, дышащей горы. Пока я сидела в ожидании своей очереди у меня разболелось сердце. Для меня это было плохим предзнаменованием. Зайдя в грот я не обратила

внимание на подсказки. И как только вошла в узкий проход, он начал сужаться. Я прижалась к материнской горе и очень просила её пропустить, проход стал ещё больше сужаться, мне стало страшно. У меня очень сильное воображение, если не сказать больное, я думала, сейчас горы сомкнутся и от меня останется мокрое место. Проводник кричал: “Не смотри назад! Не смотри назад”. Не рада была, что вообще оказалась здесь. Наконец проводник сказал: «Возвращайся!» Я легко вздохнула и пошла к выходу. Тех кто не прошёл через дышащую гору, провели через колтык Ата (в буквальном смысле переводится подмышки отца). Хотя бы такое очищение получить. Настроение подпорчено. Спутники успокаивали, говорили: « В следующий раз пройдёшь!» Про себя думала: “Больше не приеду, такие путешествия не про меня. Хочу получить всё с первой попытки”.

Зато с каким удовольствием дети покоряли свою тоннель. Взобравшись с одной стороны, проползали через тоннель и прыгали на руки родителям. Прыгая с такой высоты они чувствовали видимо себя орлами. В такой момент у некоторых детей открывались блоки, были случаи, когда проходило заикание, появлялась речь.

До гостиницы добрались в два часа ночи. Для нашего автобуса опять не было мест. Про себя думала: “ Наш автобус проходит испытания. Мы должны их преодолеть”.

Философия философией, уже третья ночь в автобусе. Хотелось лечь, вытянуть ноги. Вошла в дом. Люди спали на полу. Укуталась походным одеялом, начала засыпать. Веки тяжело сомкнулись. И только уходя в глубокий сон, услышала, как кто-то громко читает стихи. Терпеливо ждала, зная что это закончится, с отъездом очередного автобуса.

С испугом проснулись дети. Истошно кричали. Не думали замолкать. Мне стало жалко себя. Да когда же кончатся мои мучения? Слёзы хлынули из глаз. Я схватила свои походные вещи и выскочила из дома. С рёвом зашла в автобус. У меня видимо был свирепый вид, даже посреди ночи мои спутники испугались. Они не могли понять, что со мной случилось. Сквозь слёзы стала сбивчиво объяснять и потом уснула тяжёлым сном.

Утро было прекрасное. У меня было хорошее настроение. Деток экстрасенсы подлечили. Теперь они, как ошалелые носились по гостиничному двору. Сегодня посещение мавзолея Гаухар Ана. К посещению Мавзолея Гаухар Ана все готовятся очень тщательно.

После посещения мавзолея, будем обливаться святой водой из колодца. Вода хорошо лечит костные заболевания. Некоторые больные

приходят с тросточкой, а уходят без. Только, только перед нами ушёл автобус. Теперь наш черёд. Настоящее паломничество.

Количество воды на каждого человека рассчитано по времени, мы должны успеть к приходу следующего автобуса, а по местному называют керуен. На мужчин по три ведра, на женщин по два. Дружненько выстраиваемся возле колодца, один человек качает воду, остальные передают до закрытого душа. За стенкой душа только слышно: “Ах, ах”. И всякие такие возгласы, которые определяют классное состояние купающегося. Приехали местные школьники и наперегонки с нами набирают воду в баклашки.

В автобусе заметно у всех состояние блаженства. Все медленно погружаются в сон. Тело горело после купания, а руки стали такими лёгкими, как будто превратились в лебединые крылья. Просто хотелось летать. Заряженные хорошей энергией мы посетили одно из великих сооружений средневековья: Мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави. Какую память о себе оставил этот весьма скромный человек! Невозможно объять историю его города! Многие современные архитектурные сооружения переняты с этих древних памятников.

Ходжа Ахмет Яссави, был последователем Пророка Мухаммада. И когда ему исполнилось шестьдесят три года, он подумал, что не скромно жить больше, чем прожил Пророк. Построил себе подземное сооружение и прожил ещё ровно шестьдесят три года. В общем считается прожил сто двадцать шесть лет.

Мавзолей состоит из трёх этажей: в главном зале стоит Тай Казан (вмещается туша одного жеребенка) – Священный Казан, который подарил Туркестану Великий Полководец Тимур Хромой. Он отлит из золота и других драгоценных металлов. Обыкновенная вода, которую заливают в Казан становится святой, приобретает целебные свойства. В прежние времена наливали воду и раздавали людям, в наше время не могут этого сделать, потому что нет крышки казана. На центральной стене установлено знамя Тимура Хромого.

В самом мавзолее захоронены великие полководцы и ханы. Одним из них является известный Аблай Хан. В мавзолее есть действующий зал, в котором до сих пор читают намаз. Желания произнесённые в этом зале исполняются. Это является одной из многих причин паломничества в Туркестан, по казахски говорят Дуганы кайтармайт.

Возле Мавзолея находится само подземное сооружение Ахмеда Яссави, в котором он прожил вторую половину жизни.

Так как приходило много паломников, возле мавзолея была построена восточная баня.

Посетили Мавзолей Укаш Ата. Он был одним из приближённых Пророка Мухаммада. Бытует предание: когда враги отрубили ему голову во время утреннего намаза, голова его покатилась и упала под землю. И в этом месте образовался колодец со святой водой. Не всякий может набрать воды. Вода приходит и уходит. И только у того человека, кто сможет набрать воды в ведро сбываются желания. Наступали сумерки, приблизилось время получения Бата.

Мне много рассказывали, как проходит Бата, но то что я увидела превзошло все мои ожидания. Мне повезло, что было не так темно. Нас было много, возможно человек тридцать. На небольшой поляне люди стояли кругом. Все были в белых одеждах, повязаны белыми поясами, на которых написаны имена Святых Духов.

Когда я подошла, ведущая церемонии так вежливо, даже ласково велела перевязать косынку, что было необычно, потому что обычно взрослые женщины одергивали очень грубо. Я послушно повязала платок в пакистанском стиле и ждала дальнейших указаний.

Экстрасенсы уже не обращали внимание на публику, они были заняты предстоящей церемонией. По середине круга был постелен ковер, по центру восседал по мусульмански молда, рядом расположились женщины экстрасенсы в ак жаулыках (белые платки), поверх белых одежд были одеты казахские камзолы.

Сегодня должно произойти посвящение молодых экстрасенсов. Хоть они постоянно находились в этом кругу общения, все явно выражали свой страх и неготовность к процессу. Старшая сказала: “Пятнадцать лет назад, Жазира ещё не была такая, как сейчас Жазира”. Сегодня посвящали секратаря ага Ермека.

Очень молодая девушка, талия стройная и гибкая, как веточка ивы, присела, в затылок читающему. Молда недолго читал молитву, она вошла в образ, встала и сразу потеряла ориентир, присела в круг. Старшая сама продолжила. Пока читали коран, остальные сидели по турецки, открыв ладони для бата. Вдруг Жазира резко встала и мы последовали за ней. Она очень низко кланялась окружающим, передавая привет от святых духов, её движения были неустойчивы, глаза закатывались, мне стало не по себе. Я стала быстро быстро читать единственный аят, который выучила в дороге, стараясь не смотреть в её сторону. Первая группа отклонялась, получив своё благословение. Оставшиеся снова сомкнули круг. Теперь был наш черёд. Молда читал коран, я вошла в транс. Я сидела в позе полулотоса, и в какое-то время моё тело само стало плавно опускаться и подниматься, помимо моей воли, хотя не делала никаких усилий. Я не чувствовала своего тела, как будто на поясице у меня стояла

пружинка. Ещё раз повторяюсь, я не чувствовала своего тела, оно было таким лёгким, мне казалось сейчас улечу. Не знаю в какой реальности я находилась. На поляну прилетел Пегас, он был белый белый, с огоронными белыми крыльями, даже сейчас мне кажется он летает перед моим окном над домами. В тот момент он стоял на поляне, на котором мы сидели. Настолько живой, хотелось погладить его за гриву. В какой-то момент Пегас улетел. На поляне остался золотой сундук. Я непроизвольно бросилась к нему. Только хотела открыть, в этот момент услышала в воздухе свист камчи.

Это старшая экстрасенс ударила камчой по спине Гульсум, та резко встала на ноги, и наша группа Святого Кара Батыра следом. Мы все стояли открыв ладони в ожидании Бата. Наконец очередь дошла до меня. Моя жизнь была нелегкая, как понимаю я её сама неосознанно построила. Но Святой Дух Кара Батыра охарактеризовал её в очень сгущённых красках. Сейчас я опишу всё, что запечатлелось в моей памяти.

Уста экстрасенса говорили мне, что жизнь порой складывалась у меня так, что я плакала кровавыми слезами. А вышла я замуж за человека: по казахски Басы адаскан и не знала от него благодарности. Но больше всего я должна помнить о том, что со стороны нагаше (родственник по материнской линии) у меня есть кассиет. Во время Бата я находилась в какой-то прострации. Мне казалось, хорошо помню себя с детства, но каждый раз я узнаю, что-то новое о себе. Каждый раз бываю шокирована, начиная с тренингов, немало которых я посетила, с тех пор как осталась без работы. Но теперь после Ак Жол уверена, что собрала копилку моей жизни и жизнь повернётся в правильное русло.

Болгария

После приземления самолёта в Болгарии, мы ехали полтара часа до курортного г. Абзор, и всё через леса, леса и леса. Дорога была дальняя, но совсем не утомительная, даже после пятичасового перелёта на самолёте. Дорога тянулась серой ленточкой, то исчезая, то вновь появляясь за деревьями. С правой стороны автобуса, был очень крутой склон, даже иногда страшно было взглянуть вниз. Но любопытный глаз, так и тянуло в сторону обрыва. Почва была оголённая. И корни деревьев, как лапы пауков отчаянно цеплялись за склоны гор. Стволы некоторых деревьев сильно склонялись, как будто вот вот -вот могли свалиться. Слева деревья наступали на дорогу, росли у самой кромки, как будто хотели шагнуть на неё. Лес не хотел уступать человеку даже самую маленькую ленточку земли. В этой природе всё гармонировало. Хвойные

деревья переходили в лиственные, лиственные деревья местами переходили в кустарники..., а порой просто вдоль дороги росли дикие цветы. Особенно много было цикория. Нам казахстанцам было очень интересно проезжать через лес, глаза больше привычные к степной местности, с жадностью разглядывали природу, которая, просто привораживала. Дети в основном спали, утомлённые дорогой, а взрослые с большим интересом разглядывали лес и слышно было, как разговаривая между собой, они говорили: «Надо же, такие же деревья: сосны, ели, а вот дуб, берёзы, только насколько сочный зелёный цвет листвы» Конечно, если одному оказаться здесь, возможно будет страшно, лес дремучий, ещё не тронутый человеческой рукой. Возможно, очень много диких зверей. Местность просто сказочная. И если вспомнишь о сказках, перед глазами появляются: лесные феи, три медведя, Иван Царевич на сером волке и многие другие сказочные персонажи.

Наконец, впереди стали появляться небольшие города. На этой холмистой местности, Балканские горы, дома расположены как грибочки, один дом расположен над другим, или можно сказать один дом расположен под другим, и везде настоящие черепичные крыши красного цвета.

Забегая на перёд хочу сказать, что правительство Болгарии делает всё, чтобы остановить миграцию населения, каждой семье выделяется квартира, материал для строительства природный, шикарная красная глина, о которой мечтает любой печник.

Мы въезжаем в наш курортный городок Обзор. Длинный “лиаз” искусно лавирует по узким улочкам. Наш отель «Тропиканка». Соответствующее названию и цвет отеля: что-то похожее на пески пустыни. Очень приветливо встречают работники резиденции, всё к нашим услугам: интернет, бассейн на территории отеля. Радостным возгласам детей нет конца. Адёша моя уже готова залезть в бассейн. Сначала надо расположиться в номере и сообщить дочери о нашем благополучном прибытии. Бросив все вещи, захватив только сотовый телефон и планшет, я спускаюсь в резиденцию. Аделине наказываю закрыть двери на щелчок и никуда не выходить.

Менеджер помог выйти на скайп, на связи никого нет. Некому сообщить, что мы благополучно прибыли и устроились. Пока я тыкаюсь пальцем в планшет, смотрю возле меня появляется моя Адёша. Я в ужасе смотрю на неё, и только теперь вспоминаю, что все документы и деньги я оставила в номере. Хватая её за руки бегу к лифту. Уже стоя в лифте говорю ей: «Ты зачем вышла?» Отвечает: «Мне стало страшно» Я и не подумала, что это всё - таки другая страна и ребёнок ещё не освоился.

Привыкла думать, что она уже большая и самостоятельная девочка. Прибежав в открытый номер, я схватила сумочку, которая беспечно лежала на кровати. Слава Богу всё на месте. Со связью ничего не получилось, знаю только зять как-нибудь узнает о нашем благополучном прибытии.

Не успели приехать, в тот же день репетиция. Пообедали, вздремнули часок и сразу пошли купаться. Радости ребёнка не было конца. Аделина одела свой спасательный жилет и без конца прыгала в бассейн, разогнавшись от двери отеля. Если Аделина была без жилета, невозможно было от неё отойти, наговорила зацепиться за меня или хваталась за борт бассейна. В конце концов мне это надоело и я решила научить её плавать так же, как учила её маму. Она примерно была в этом возрасте, когда мы переехали в Павлодар и ходили купаться на Иртыш. Я говорю Аделине: «Пока не научишься нырять, не сможешь держаться на воде». И глубоко вдохнув воздух, с головой погружаюсь в воду. А дальше вода сама тебя держит. Обычно все дети один раз нырнув, спокойно держатся на воде. Адёша вдохнув нырнула и поплыла под водой. Потом вынырнула, вдохнула воздух и опять погрузилась под воду. Так две недели плавала под водой. Я конечно не профессиональный тренер, поэтому подумала: « Держится на воде и слава Богу».

На второй день у нас была экскурсия в Балчик. Это замок и часовня румынской королевы Марии. Экскурсовод рассказала её биографию. Королева Мария рано осталась вдовой, Король погиб на балканской войне. Она одна воспитывала двух сыновей и дочь. Управляла государством. Как и положено первым леди того времени, очень много занималась благотворительностью. Королева воспитывала девушек сирот, и когда они заканчивали пансионат отправляла их на Родину и снабжала приданым, что обеспечивало им жизнь в течении двух лет. Королева Мария растила райский сад, в котором сажали цветы строго по библейскому преданию. Огромный сад существует и поныне, за ним ухаживают, как в те старые времена. Сад поражает своей площадью и разнообразием цветов. Здесь очень много кактусов, которые сохранились с незапамятных времён, уничтожительные войны к счастью не затронули эти места. Цветы высаживают по мере смены времён года. Высокие цветы чередуются с низкими. Цветы меняются по мере движения солнца. Сад посажен так, что некоторые цветы в течении дня находятся в тени, а светолюбивые цветы, как будто идут за солнцем.

Мы посетили замок королевы Марии. Если говорить на современном языке, это всего лишь четырёхэтажный коттедж, с разницей лишь в том, что с четырёх сторон оснащён шпильями, что

являлось особенностью архитектуры того времени. У нас в Казахстане любой средний бизнесмен имеет такой дом. Надо же, как скромно жили короли, большей частью они заботились о своём народе. На первом этаже приёмная для гостей, но в данный момент, там расположен художественный музей. Мария увлекалась живописью. Её картины хорошо отражают реальность того времени, и своё душевное состояние она смогла передать на картинах. После смерти мужа, никто не смог разделить её одиночества, что заметно на картине “Волчица”. Которая в туманной мгле одиноко стоит у замёрзшей реки.

Мария очень много занималась благотворительностью и всегда вела политику мирной жизни. Но она не смогла сблизиться с народом и раскрыть своё сердце детям. Два её сына из-за женщины устроили дуэль, узнав об этом, королева бросилась разнимать сыновей, но остановить их не смогла. Став между ними она получила смертельное ранение. Лучшие лекари королевства не смогли спасти её жизнь. И теперь в часовне остались только росписи, которые передали историю королевской семьи. С левой стороны от входа нарисован большой корабль, талисман её дочери, который по поверью защищал её от морских стихий.

Часовня считается святым местом. Много людей приходят сюда поклониться праху королевы Марии.

Возле часовни растут магнолии. Во время нашего посещения, магнолия как раз цвела. Красоту этого дерева невозможно описать словами. Не зря просто говорят: «страна магнолий» Место является уникальным и в экологическом плане, здесь произрастает дерево гинкго билоба, возраст которого насчитывает восемьсот лет. Три взрослых человека не смогли обхватить ствол. Дерево даёт хорошее здоровье и долголетие. Из листьев делают очень много лекарств.

По окончании экскурсии мы вышли на берег моря, “золотые” пески. Перед нами расстилось бескрайнее Чёрное море, одинаково ласково встречая людей, всех времён и народностей.

Наши маленькие девочки, которым до сих пор на ночь читали сказки, были в очень романтическом настроении. Это же надо, они видели настоящий замок, где жили настоящие короли и королевы, принцы и принцессы. И когда я спросила свою внучку: “Как понравилось тебе?” Она широко открыв глаза, на одном дыхании выпалила «Очень!»

Уже третий день, как находимся в курортном городке, а мы с Аделиной только сегодня собираемся на море. С нашего номера очень хорошо просматривается берег моря, маленький причал, на котором стоят яхты и лодки. Конечно же мы сюда приехали выступать, поэтому главное для нас репетиции, сцена и потом только отдых. Даже Чёрное

море, которое мы никогда не видели ... Конечно мы могли быстро побегать и прибежать. Но хочется в самый первый раз насладиться морем. Первое впечатление очень много значит. Поэтому сегодня после репетиции основательно собираемся. Лежачок, вода, мороженое, пасочки всё предусмотреть. Для меня первое свидание с морем, что-то сокровенное. Городок курортный, поэтому мы идём уже в пляжной одежде, только прозрачная накидочка поверх купальника. Сняв сланцы мы идём по песку. Это не песок, а перина. Ноги утопают в зыбком песке. А морской воздух просто пьянит. Жгучее солнце, горячий песок, насколько хватает глаз - вода. В таком космосе, чувствуешь себя счастливой маленькой песчинкой, соучастной к мирозданию.

Наконец мы с Адёшей увидели долгожданное Чёрное море. Моя малышка очень довольна. Одевает свои пляжные доспехи, только в своём спасательном широком синем поясе, (в каком-то краю света он не побывал, казалось уже можно было научиться плавать), она чувствует себя в безопасности. Честно говоря и я себя чувствую в безопасности вместе с ней. Мы одинаково с ней «хорошо» плаваем. Хотя я и держусь на воде, но боюсь глубины. Захожу в воду по горло и дальше не заплываю. И соответственно Адёшу я не отпускаю от себя. Хотя в поясе она очень смелая. Плавает и плавает вокруг меня. Наши соседи по номеру тоже здесь. Хорошо, Адёше есть с кем поиграть. Накупавшись, Аделина с Кристи располагаются на песке и играют своими пасочками. Здесь в киосках всё предусмотрено для маленьких детей. Мороженое продают в касках, а как только опустошишь, с ним можно играть как с пасочкой. И так мы каждый день брали такое мороженое, только из-за каски, разных цветов. А потом и домой привезли в подарок маленькому Едиге.

Поиграв девочки снова заходили в воду. Мама Кристи хорошо плавала, и на плече уносила дочку на косу, а мы оставались возле берега. И так мы встречались постоянно в одном и том же месте. Однажды на море поднялся небольшой шторм и вода сразу почернела. И только-только, бывшей прозрачная вода, стала чёрной- пречёрной. Не подозревая опасности Аделина продолжала нырять и в один момент её не стало видно под водой. Меня просто охватил ужас, не могло ведь её унести волной, я на мгновение застыла в оцепенении, и вдруг она прямо передо мной выныривает из воды. Ух! Вздохнула я. Схватив внучку в объятия, до берега не отпускала от себя, хотя ноги наши немного переплетались. Теперь мне стало понятно, почему море называют Чёрным.

Конкурсное выступление было в концертном зале. Родители очень волновались, всем хотелось, чтобы дети хорошо выступили. Кроме

выступления в вокальном ансамбле «Смайлики», Аделина пела в соло песню «Мама». Её исполнение вызвало большой отклик у зрителей: она очень хорошо передала свою любовь к маме, так как за короткое время успела сильно соскучиться. Слушатели в зале плакали. Маша также классно исполнила на фортепиано. Аделина с Машей стали Лауреатами второй степени конкурса “Солнце .Море. Воздух”. Молодцы! Здесь жюри строгое, известные болгарские композиторы, Лариса Ивановна Романовская заслуженная артистка Казахстана и многие другие выдающиеся деятели искусства. Конкурс всё-таки международный.

История болгарского народа интересная, как и во многих христианских странах, здесь есть старые монастыри, действующие по сей день, которым уже несколько веков. Нам выпала возможность посетить монастырь.

Выйдя из автобуса, трудно было предположить, что здесь могут обитать люди. О присутствии людей можно было догадаться лишь глядя на чугунный с орнаментами забор и каменные ступеньки ведущие в грот. У ворот стоял привратник. Почувствовав новые совсем необычные впечатления, дети галопом понеслись по ступенькам, и остановились только перед входом в грот. Мы все организованно вошли, это был мужской монастырь в скале. Первая комната была в виде фойе и музея, здесь хранились история монастыря и старинные вещи, далее за большой дверью находилось жилое помещение. Выйдя во двор, нам показали амфитеатр монастыря, где обычно проходили собрания и религиозные праздники. На другой горе, кельи монахов были вытисаны прямо снаружи скалы. Видимо это была летняя резиденция. Там же они готовили еду, так как стены были сильно закопчёнными, а на площадке делали захоронения. Пока я слушала экскурсовода, продвигаясь потихонечку в сторону деревянной лестницы, по которой мы должны были подняться и посмотреть поближе кельи монахов, моя Аделина подружилась с одной еврейской девочкой Сарой. Вдвоём они покоряли старинную лестницу и поднялись по ней гораздо выше, чем следовало. Увидев, что весь народ находится этажом ниже, девочки с шумом стали догонять нас, и перегонять в узком ущелье. Смотрю, они гуляют по монашеским кельям обмазавшись в сажу, и прыгают на крышках склепов. Я только успела закричать: «Аделина! Так нельзя делать и дала ей монетку, чтобы она положила садака на крышку гроба. Аделина с Сарой, так увлеклись, что раньше всех выскочили на автобусную площадку.

Может быть хорошо, когда дети самостоятельные, но мне этот день принес кучу волнений.

Сара очень раскованная и самостоятельная девочка. Я думаю, именно такие дети являются прота типами фильмов «Один в доме», фантазия неуёмная. На сцене Сара держится свободно, если другим детям, Лариса Ивановна говорит: “ Громче пойте”, она и без того поёт громче всех. Когда я сказала об этом Михаилу Израиличу, он ответил: «Она вообще не вливается в общий хор» Сара не по детски добрая и внимательная. Однажды, когда Аделина была легко одета после купания, Сара предложила ей свою кофту. Я просто была шокирована, моя Аделина своему родному братцу бы не дала.

Оказывается Израиль заботится об еврейских детях, которые находятся в Казахстане. Для них организывают детские летние лагеря, посещают практически бесплатно, условно платят всего 10 \$. Сара всё лето проводит в летних лагерях.

Экскурсии чередуются конкурсами в других курортных городах. Успеваем только менять костюмы и выступать на сцене. Конечно мы знаем результаты, настроение у всех приподнятое. Наша вокальная группа «Елимай» являются Лауреатами конкурсов «Солнце, Море, Воздух» .

На гала концерт приехал посол из Казахстана. Он поздравил детей за участие и победу в Международном фестивале и подарил памятные подарки. Подарки о самом процветающем в Болгарии бизнесе, парфюмерии из роз.

Этот день был памятным и счастливым для нас с Аделиной. Поздравить Аделину приехала семья Бектура. Бектур нас повел в кафе и дети: Тамерлан, Аделина , Сати и Тансу с удовольствием уплетали мороженое и сладости в честь выступления Аделины. Я была счастлива, что в такой далёкой стране: в Болгарии, оказались с нами близкие люди, которые разделили нашу радость. Бектур смотрел футбол, а мы с Айнурой делились впечатлениями об отдыхе.

Следующий вечер мы также праздновали победу. Преподаватели, родители и конечно же главные герои, наши дети. До полуночи мы просидели в уютном кафе, пробуя болгарские вина и блюда. Мужчины расхваливали местную водку, а мне очень понравилось национальное блюдо из болгарского перца, приготовленное в глиняных печах.

Проснувшись рано утром, я сделала цигун возле бассейна и с Аделиной наскоро позавтракав, пошли купаться на море. Мы не знали, когда снова с Адёшей окажемся в этих местах, так не хотелось расставаться с морем. Не унесёшь с собой воды в ладошке, протечёт сквозь пальцы, не унесёшь золотой песок, просыпиться, как на песочных часах, только загар на нашем теле мы повезем с собой, как кусочек

солнца, а главное хорошее настроение и безоблачное счастье, во всё время пребывания на Золотых песках Чёрного моря.

Садака – милостыня

Садик

Мой малыш перерос домашние условия. И мама с папой решили отдать его в садик. Мы с Едигешей обошли все поликлиники и получили паспорт здоровья. Чуть - чуть недорос, немного недовешивает, в два с половиной года не объясняется человеческим языком. И ещё остались звериные инстинкты. Такой момент, когда человеческий детёныш, и в джунглях может приспособиться, и прекрасно чувствовать себя в человеческом обществе. Где не хватает языка, он прекрасно объясняется жестами. Но если его жесты вы не понимаете, он начинает нервничать и кричать, мама его также объяснялась. И поэтому на всё это я смотрю с пониманием. Хотя не всегда хватает терпения.

У ребёнка двойная травма: мама уехала в Америку и надо адаптироваться в садике.

Первый день был очень удачный, если удачей можно назвать, что мы пришли в сад с опозданием на пол-часа. Едиге ничего не успел сообразить, мы с Азаматом всучили его няне и убежали. Я немного постояла за дверью, тишина, минут через десять пошла домой. За ним пришла в двенадцать, Едиге довольный прибежал ко мне в гардеробную. В этот день он хорошо играл с детками и даже пообедал. Для него всё было в новинку. Размышлять было некогда. Всё было интересно. Видимо ничего не понял. На обратном пути мы заехали в парк и ещё поиграли с детками. Мой внук сам водит свой трёхколёсный велосипед и сам рулит.

На второй день, когда забирала его няня, Едиге начал плакать. Я спряталась за дверью и стала слушать, он быстро замолк. Когда пришла в двенадцать часов, встретил меня, надув губки.

На третий день, Азамат не выспался после Радикиного дня рождения и нам велел ехать на велосипеде. Но Едиге даже и не думал, для него весь прикол был, чтобы поехать на машине. Дождлся таки, когда папа отвезёт. С машины не хотел слезить, начал рыдать и всё это в духе второго дня и при возвращении домой то же самое.

На четвёртый день Едеша начал плакать в лифте, Азамат взял его на руки и донес до паркинга в Жастар. Как бы он не любил ездить на машине, сегодня конкретно не хотел садиться в машину. Я его еле заталкала на заднее сидение, хоть ещё и маленький, а сил упираться хватает. Как только заехали во двор, узнав свой садик, он начал реветь. Теперь мой внучок не хотел выходить из машины. Что делать? В сад ходить надо! Да

и мне уже давно пора ходить на лечение в Орду. После поездки по святым местам легче пойдёт лечение.

На пятый день в предчувствии сада, Едиге не хотел вставать с постели. Сгребла в охапку и понесла в ванную комнату. С тех пор, как я научилась принимать дарет, Едиге по утрам и вечерам умываю по-мусульмански. Обязательно делаю массаж подошвы ног, и мокрую бороздочку по макушке до затылка. Ох, как он злится при последней процедуре. И долго вытирает волосы полотенцем. Очень забавный в этот момент. Сладкий у меня малыш.

Сели мы завтракать, Азамат узрел сопельки у Едёши. Как-то резко он начал сопливать.

Азамат сказал: « Едиге сегодня в сад не пойдёшь». Для Едиге это был большой подарок.

У него даже настроение поднялось. А папа опять ему: « Едиге не радуйся сильно, в понедельник пойдёшь в сад» Но малышу по барабану, когда этот понедельник. Сегодня он получил, то что хотел, благодаря своим соплям.

Дни идут ребёнок уже на полный день посещает сад. Но привычки свои до садиковские не оставляет. Спим ещё в обед с памперсом, и бутылочку с молочком берем с собой.

Однажды воспитательница рассказывала, побежал за бутылочкой в свой ящик, но она не дала ему, строго сказала ему « Сначала покушаешь, потом молочко!» Дак он швырнул тарелку с гречкой и всё рассыпал. Попил компот, и пошёл спать со своей “анюшкой” Вот такой у нас характер.

Наконец приехала мама с Америки, то есть уже с Испании на обратном пути. Радости было полные штаны, он целый день не отходил от неё. И играл с ней, и спал, и на руках носила его мама. Хотелось компенсировать за день все время её отсутствия. Подарок правда ему не понравился, купальные трусики, он их сразу выкинул. Но вечером почему-то захотел спать со мной. Не могу с ним долго спать, выпьет молочко и продолжает со свистом сосать пустую бутылку. Как-то надо отучать. Ни у кого из взрослых не хватает терпения заняться его воспитанием.

Нептун

Едиге было 4 года, когда первый раз повели в бассейн «Дети моря». Он не очень любил посещать бассейн, и почему-то всегда знал день, с утра искал причину, чтобы не пойти. Начиналось со слов «Я сегодня болею. Я кашляю» Мама с папой отвечали: «Едиге, прекрати симулировать» Тем не менее признаки заболевания были на лицо. В такие дни пропускал тренировки, к взаимной радости его и аже.

Аже было тяжело водить Едиге в бассейн. После обеда наскоро закончив приготовления ужина, собирала плавательное снаряжение: шапочка, очки, сменная чистая одежда, сланцы ребёнку, сланцы себе, и конечно большое банное полотенце. Едёша не любил маленькие полотенца, ему надо было, чтобы оно укрывало с головы до пят. Большую сумку фирмы Nike, аже несла две остановки до садика, а потом ловили дешёвое такси до бизнес центра «Каратал».

Поднимаясь на третий этаж, переобувались в гардеробной, потом Едиге купался под душем и грелся в сауне. Малыш долго хныкал и не хотел заходить в бассейн.

Хотя правила, были строгие: родителям не разрешалось заходить на территорию бассейна, но с Едиге был случай особый. Аже заводила его, долго уговаривала, даже пыталась делать зарядку вместе с детьми. Потом тренер брал его на руки, чтобы как однажды не упал на пол и не дрыгал ногами от отчаяния. И когда Едиге видел спину свою аже, успевал вслед пару раз прокричать.

Как только заходил в бассейн, начинались позывы. Мальчик опрометью нёсся в туалет. Его хорошо проносило, аже приводила его в порядок и снова отправляла в бассейн. Только после этого находил какой-то кайф от плавания. Болтал, как колокольчик, и тренера удивлялись его взрослым рассуждениям.

После бассейна просто цвёл, очень довольный собой, что всё-таки справился со страхом, долго грелся в сауне и одеваясь просил себе награду. «Аже, ты купишь мне сок?» «Конечно куплю, заслужил. Ведь ты у меня такой смелый! Плаваешь, как дельфин!» Спускаясь в фойе, иногда заходили в буфет в ожидании мамы, с аппетитом уплетал мороженый пирог.

Случались дни, когда мама не могла забрать. И вот в ожидании такси у Едиге почему – то опять начинались позывы. Еле сдерживал себя, до заветного горшочка. И только тогда у него и у аже наступало облегчение.

С чувством выполненного долга, как будто покорили Эверест, довольные собой, включали телевизор и смотрели мультики.

Летом, когда Едиге с родителями поехал в Таиланд, он не смог показать свои успехи в плавании и практически не купался. Родители были очень раздосадованы. В бассейн ещё как-то заходил, а в море нет. Бескрайняя морская гладь просто пугала его.

По возвращении домой за дело взялся отец. Он записал Едиге в самый большой бассейн г. Алматы. Сам водил на тренировки, так что Едиге, уже забыл слово болеть, понимал, со строгим отцом этот номер не пройдёт. Как ни странно и в правду не болел. Немного сопливил. Но у какого мальчишки не бывает соплей?

Ежэн Ангелина

Размышление в день прощения

Жизнь полна искушений, трудно без них прожить. Но именно достойно пройдя каждое, мы растем. Не достойно - падаем. Мы грешим и каемся. Суть в том, что жизнь не должна превращаться в колесо постоянных, одних и тех же ошибок, из которых мы не хотим вылезать как из полюбившейся нам лужи. Знаю, свинья, а как приятна эта освежающая грязь. Надо поставить цель для своей жизни: исправление любой ценой, несмотря ни на какие препятствия, идти надо к лучшему, к перемене ума. Дать себе установку на исправление, иначе все покаяния бесполезны. Ты так и будешь возвращаться к своим грехам, как пес, на свою блевотину .

Предрождество

Пасмурный холодный день. Зима в своей силе. Ночью был сильный ветер и на дорогах намело молочно - кофейной снежной пороши. Все как - то серо, пасмурно, нечисто. Солнце нехотя пробивается через свинцовые облака. Машины замороженно движутся вереницей. Как будто все устало от скачки, езды, беготни, суеты. А праздник еще впереди. Сколько сил надо на него. Суета постепенно, монотонно и незаметно вводит человека в какую - то все поглощающую бездну. Полностью обессиливает его, лишает воли, интереса, смысла жизни. И ничего ведь не происходит вообще в окружающей действительности. Все в норме, в порядке кажется. А уходит радость с души. Радость познания жизни. Дара лишается человек, дара, принадлежащего и данного каждому его Создателем. И появляется у человека защитное равнодушие. Еще хуже озлобление. И все это - уныние.

Но опять выручит труд, нужный для тебя, для ближнего твоего, для общества. Лучше творческий, где можешь проявить любовь, разнообразие, индивидуальность, неповторимую никем другим. Только тебе данную.

Даже самое маленькое дело, как - то украшение праздничной елки, можно превратить в неиссякаемый источник вдохновения.

Все это только прелюдия основного праздника осиротевшего человечества - Рождение Спасителя. С наступающим вас Рождеством.

Действует непреложно

МЧС предупредило на два дня прогноз погоды -45°С с ветром. Как, при открытии форточки, в теплое помещение заползает холодный воздух и стелется сначала по полу, а потом постепенно заполняет всю вашу комнату, так и страх. Сначала появляется где - то маленьким, еле ощутимым приложением в мыслях, потом так же, незаметно начинает шириться и уже заполняет всю вашу душу, обрастая своими уже вымышленными и напридуманными фантазиями, руками и ногами. И ты уже не можешь отличить, что пришло из вне, а что твое. Но то , что от этого страха холод распространяется по всей твоей душе, это ты осознаешь точно. Это реальность. Душа содрогается от кратких и ужасающих по своему разнообразию мыслей: А вдруг?.. А если?.. Что делать тогда?..

И уже намного прочнее поселяется в душе тревога... Без видимых внешних деструктивных обстоятельств эта явная и,уже ясно ощутимая нами, тревога начинает постепенно есть наше сердце. Недалеко и до отчаяния... Что делать? Где выход?

Верующий знает. Все страхи, тревоги гасятся и уничтожаются полностью Верой. Упованием на Его Промысел. Не попустит Господь худа мне. Любящий меня защитит в любых напастях.

Что делать сомневающемуся? А вдруг? Надеяться на себя? Людей, связи, начальства, князи? Глупо. На деньги - бесполезно. Стихия все сметает мгновенно. Не успеешь из кармана кошелек вынуть. Кругом - полная бездна и безысходность.

Благие мои! В ненадежности жизни сей, прошу Вас, уповайте на Господа, надейтесь на Него. Пусть сначала - слепо, наощупь. По Вере вашей будет Вам. Если Вера ваша будет хоть с горчичное зерно, а оно из всех зернышек самое малое, уже Вы великое дело сможете сделать. Для себя , конечно. А что может быть важнее и выше , чем дело спасения Вашей бесценной и бессмертной души? Уж, поверьте! Знаю точно... Из опыта... Действует непреложно...

Поездка на дачу

Сегодня неожиданно и спонтанно случилась поездка за город на природу. Зима в самом зените. Кругом снега. Во весь небосвод полоса светло - свинцового ватного , растянувшегося на полнеба облака. Но несмотря на это , посреди всей этой картины светит солнце торжествующе, непреложно и как - то победоносно. Не могу понять,

откуда что - то новое, наступающее радостное чувство какой - то новой надежды, новой жизни, чего то свежего, настоящего. Понимаю: может это уже весна? Ее веяния? Но я точно знаю весенний ветер, который называется "Мария", ветер, который пахнет свежеиспеченным хлебом, и после которого точно уже определенно наступает весна. Этот ветер я наблюдаю с самой юности, он приходит гораздо позднее. Современное состояние совсем другое. Оно схоже с состоянием человека, который очень долго болел, а сегодня впервые поднялся с постели и спустил с нее ноги на пол. У него еще кружится голова, он не знает как пойдет, но его уже окутывает чувство неизведанной им ранее радости. Его уже тревожат новые ощущения и неведомые ему раньше чувства какого - то трепета и предвкушения.

Лучи солнца медленно лижут снега, скользят по дороге. Снег шапками лежит на дачных домиках, столбиках, разнообразных постройках и бесхитросных, напридуманных человеком сооружениях, все необыкновенно приукрашивая и сглаживая, ласково прикрывая кой - какую бесхозяйственность владельцев. Среди небольших, скромных и порой убогих лачуг липисто и как - то громоздко и вычурно смотрятся дома и коттеджи некоторых хозяев.

Как - то мучительно хочется созерцать простую красоту и взор автоматически переключается на рассматривание двух кедров. Они пышны, зелены и очень игриво подрагивают шелковистыми, колючими, равномерно разросшимися по сторонам ветками. Как будто в каком - то зачарованном танце, поддаваясь малейшему движению ветерка, живут, дышат, вздрагивают, приветствуют и необыкновенно радуют и оживотворяют заснеженную картину пустующих дач. Будто говорят: Мыждемся вас, непременнождемся. Весна не за горами. Смотрите, мы уже скинули снег, мы уже начали обновлять хвою, мы проснулись! Просыпайтесь и вы от зимней спячки, скоро будем весну встречать!

Удивительно, но на обратном пути я задумалась и получила ответ, что день уже прибавился на целых 43 минуты! И мне показалось странным, почему этот вопрос не возник для меня раньше.

Спасибо вам, кедрюшки, что разбудили меня. Спасибо тебе, Солнышко, что обогрело мое сердечко и пробудило от охлаждающих мою душу энергий. Ведь несмотря ни на что наступает новый день, несмотря ни на что приходит снова весна и несмотря на годы, снова приходит Любовь. Но каждый раз все по - новому, более утонченно, более ощутимо и наверняка более ценно...

Крещенский сочельник

Крещенский сочельник. Навечерие. Где крещенские морозы? На улице тепло -8°C, но по ощущению -16°C и (очень интересно!) заносит. Очень необычное добавление метеослужбы. Иду на улицу. Хорошо, свежо, но скоро замечаю: действительно что-то куда-то заносит. То ли ветер клонит из стороны в сторону, то ли меня саму шатает, но заносит точно. Прикладываю всю волю физическую и духовную, чтобы не повернуть домой и отложить намеченный поход в магазин на другой день.

Рассматриваю небосвод, он чудесен. Меркнувший светло - голубой закат плавно переходит в серый и далее тончайший, рассыпанный по всему горизонту нежно - розовый. Сияние розового торжествующе подсвечено лучами уже скрывшегося за горизонт солнца, но справа как-то удивительно сказочно подвешен диск Луны. Она немного объедена с левой своей щеки, но свет её уже правит всем подлежащим ей пространством. Он радуется, утверждает, дает силы земные и как-то заигрывает предпразднично со всем и вся.

Делаю спокойно и как-то немного более ответственно необходимые покупки.

На обратном пути картина совершенно иная. Небосвод ровно окрашен в темный лазурит, сияющий и одухотворенный. Луна ярким светло - пшеничным блином освещает все пространство. Все вокруг торжественно и сказочно спокойно. Человек сам творит свое внутреннее пространство. Очищением своего мышления. Природа и все Сущее только способствует этому. Но только прозрей и услышь. Выбор за тобой, Человек!

Аккуратный старичок

Чем ближе праздник, тем короче поводок. Мочи много, а силы - нет. Мощь от тела, сила - от духа. Солнце ярко и мощно, ослепляюще.

Лижет землю лучом - Мечом. А тепла - нет. Мороз -30°C. С парком от дыхания и дымком от гудящих повсюду машин. Город работает, живет, кружится в своей карусели. Ветер клонит дым от трубы книзу. К потеплению. К напряженному празднику очень нужно послабление. Вот и старичок худой, тащит за спиной рюкзак большой. Рюкзак разинул рот, открылся замок. Старик не ведает. Надо помочь. Мужик устал, да и неудобно ему. Помогла. Глаза - извиняющиеся и виноватые какие-то. Говорит, что замки ныне плохие. " Нет, у вас - крепкий и прочный"-

отвечаю. Он в недоумении. Много мяса купил на базаре. Поясняет мне. Понятное дело. Скоро - Новый Год. Мы вместе молча продолжаем путь. И оба заняты вопросом. Почему был открыт замок? Дома старуха ждет, опять начнет свариться, указывать, что мол не такое мясо дед купил, да дорого... Но это уже мои мысли. И они при мне. А старичок - хороший, остановился перед своим подъездом, поднялся на крыльцо и стал со тщанием стучать одну ножку в валенке об другую, только потом несмело нажал на кнопку домофона. Аккуратненький такой. Теперь порядок. Праздник на носу.

Лазурное озеро

Утренняя прогулка с собакой. Выбираем новый путь, и от этого решения становится светлее на душе. Человеку надо искать новый путь каждый день, ведь ничего нет в природе повторяющегося. Да, каждый день начинается снова, снова встает солнышко, снова повторяются времена года. И снова у нас так долго длится зима. И снова мороз -30°С . Но что и удивительно, каждый день не похож на другой. Каждый год не похож на другой. И каждый миг нашей жизни несет новые веяния, новые мысли, новую радость, новые непредвиденные и неожиданные, можно сказать, неосязаемые нами ранее энергии. И чем тоньше душа, тем она чувствительнее, тем восприимчивее как к положительным энергиям, греющим душу, так и к отрицательным, её остужающим. Но во всем необходимо преодоление. Устоять надо от ветерка, стужающего лицо и обжигающего щеки, надо аккуратно поставить стопу на снежной тропе, чтоб не преткнуться, надо, наконец, постоянно преодолевать натяжение ременного поводка моей собаки, которая по младости лет полна поразительной резвости и зашкаливающего дружелюбия ко всем без разбора прохожим. Во всем нужна четкость и продуманная аккуратность.

Холодно. Птицы поднялись очень высоко и кружат большими стаями, постоянно меняя траекторию своего полета, то группируясь в центр, то рассыпаясь по сторонам. На морозе держатся стаями. Легче выжить и согреться. В стае действует разум коллективный. В природе он идеален. У нас по-другому. Чтобы выжить порой гораздо необходимее побыть одному, отойти в сторонку и остыть от нахлынувших и будоражащих сознание мыслей.

Мороз. Дым густым белым, клубящимся облаком поднимается над трубой котельной. Светлые дымы оставляют проходящие машины, чаден выхлопной дым от проехавшего мимо самосвала. На крыльцо

парикмахерской вышла девушка, накинув на плечи дубленку. Задымила, прикурив сигарету. У неё перерыв.

Небосвод удивительно чистого светло - голубого цвета. Ни облачка. Над крышами домов поднялся диск солнца, оно сегодня необычайно в своем милосердном, каком - то приглушенном свечении. Диск Светила как будто лежит в лазурном ослепительном озере и мягко распространяет свои всепроникающие лучи по всей Земле. Это -

Моя Любовь, берите её все! Да будем живы!

Найти клад!

Поземка след замечает. След собачий, заблудший людской. Все снова покрывается белым снегом. Все чисто, и будто не было никаких неровностей, рытвин и углублений. Пёс тщательно роет носом снег, скребет его лапами, словно хочет найти клад. Ориентируется инстинктом, обонянием. И снова метёт пурга. Мгновенно становится ровное и чуть шершавое белое полотно. Так чистятся покаянием наши грехи, стираются надписи корявые на белой простыне судьбы. Чем больше покаяния, тем чище полотно. Но каждый день несёт свои иероглифы тёмные, черные, тёмно - серые; свои надписи, точки, маковые зёрнышки, зазубрины, пятна, кляксы. И так до самого конца. Такова жизнь. Из ошибок и исправлений. Из попыток исправиться и поисков каких - то кладов тайных и немислимых другими.

Но самое главное - не следует унывать. Ангел - Хранитель всегда на правом плече и показывает боль, осторожность, препятствия. Будьте внимательны и чутки к себе. Наблюдайте за всеми внутренними движениями духа своего. Уходите вглубь себя и задавайте вопрос на непонятное. Ответ незамедлит. При всей внешней суетной паутинности бытия выход только один - вглубь себя. Для того, чтобы найти свое "Я", своё назначение, призвание, сохранить себя и выжить в раздавливающей всё и вся на своём пути мощнейшей технократической реальности - это насущная необходимость. Сохраните свою гармоническую, прекраснейшую, Богом задуманную ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. И ваш след незаметёт позёмка серых и однообразных будней. Хотя она метёт не прекращая своего сглаживающего, подавляющего и парализующего действия. Несмотря ни на что: любите!

С Новолетием!

Предпразднично все. На улице довольно тепло для нашей зимы. - 17°C. Ясно. Солнце ласково освещает все вокруг. Легкая пороша ночью покрыла белоснежным батистовым довольно прочным одеяльцем всю землю. Недавно темнеющие вмятины, следы на снегу превратились в сверкающие снежные фигурки, мячики, ямочки, каких - то хомячков, полевых мышек. Снежное поле полно чудных ватных игрушек, которые находятся в неведомом, феерическом движении, осуществляемом главным распорядителем новогоднего бала Лучезарным Светилом - источником жизни и вдохновения. Окружающая действительность остается вся по - прежнему, но пространство наполнено какой - то сохраняющей и сберегающей силой. Все пронизано мыслью: не поддавайтесь разнообразным ухищрениям зла, бесшабашному разгулу , веселию. Все это только иллюзия и жалкая пародия перед тем счастьем, которое Я могу дать верным и чутким душам. С Новолетием вас и с Новой Пасхой!

Небесная река

Вопреки прогнозу МЧС, мороз ослабел до -30°C. Это уже чувствительно теплее. Да и ветерок сегодня поспокойнее. Солнце ярится в своем зените. Полдень.

Небосвод чистый, светло - голубой, а на севере прекрасная гармонизирующая картина: бурная, пенящаяся темно - синяя река, переходящая к востоку в ровное свое течение. Мигом представился горный поток, журчащий и освежающий. Солнце подсвечивает картину и животворит ее.

Душа неприметно набирается неизреченной благодати. Созерцание гармонии и красоты окружающей природы, непостижимой нашему сознанию и одновременно настолько естественной и привычной, неведомым нам образом успокаивает душу и дает ей силы переносить тяготы жизни.

Благословенно имя Господне!

Ночь

Ночь. На черно - синем небе дым клубится. Ложится на дома густой и белой ватой. Каждую минуту новый создавая узор.

На дворе ярко сине красно мигают отдыхающие после трудового дня машины, иногда сигнально посвистывая.

Все спит. Лишь изредка осветится окно, очередной бессонник поднялся со своего ложа. Или мать к ребенку. Сердце женское чутко. Редкие окна сияют люминесцентными елочными гирляндами.

Празднично. Снуют такси. Соседки приехали домой. Весело переговариваясь, как птички, вернулись в свое гнездышко. Глухо стукнула в тишине входная дверь.

Город живет, дышит, спит. А на улице -40°C. м/в 0:09.

Ким Барссерг

Образ

Я не люблю писать — не люблю все эти откровения. Да, нет желания кому-то понравиться, и дело даже не в том, чтобы просто нравиться кому-то, или, чтобы тебя читали. Нет, скорее всего, это некая потребность души размышлять с самим собой наедине и, чтобы всё это никуда не исчезло, записать, а потом перечитывать и, каждый раз удивляться:

— Неужели я так когда-то мыслил? — А удивление, в дальнейшем, перерастёт в корректуру, сначала орфографическую, затем стилистическую и морфологическую, если это не затянется на долгие месяцы, конечно.

Я размышлял бы и чаще, записывая всё это, но природная лень не могла меня подвигнуть на героизм написать что-либо и вся эта подготовка к писательству всегда меня сильно удручала. Может быть, даже не философская мыслительная сюжетная фантазия или отображение реальности в своих размышлениях, нет, скорее чисто механическая суетность: заставить себя сесть за стол, взять, чистый лист, найти карандаш, заточить его и, уже не хочется ни писать, ни размышлять. Не знаю, может быть когда-нибудь прогресс и наступит. Прилег на диванчик, закрыл глаза, вспомнил что-то и вот, все мысли, образы и воспоминания облекаются в слова, фразы и предложения, а ты лежишь такой счастливый с закрытыми глазами, и все твои мыслительные выжимки превращаются в рассказы и романы, романы в книги, книги в тиражи, тиражи в накопления. И ты уже великий писатель — повелитель умов, сердец и душ соплеменников. Да, но это пока только фантазии, реальность совсем другая — мне не хватает отшельничества, отрешённости, чтобы можно было преобразовывать свои мысли в слова без житейской суеты. Это постоянное движение, какие-то встречи: то ты кому-то нужен, то кто-то нужен тебе, даже простое желание кушать начинает преобладать над желанием поработать. Хотя понятно, надо работать, чтобы была возможность кушать, но это затягивается, и надолго отодвигает творческий процесс. А что на работе? Коллектив хороший, конфликты сведены до минимума, привязанности к кому-либо нет. Хотя, я, наверное, себя обманываю, надо подумать, разобраться. Женщин, конечно много, и все они разные: хищницы в ласковом обличье, жертвы с заносчивым характером. А, вот одна, — надо к ней приглядеться. Мне кажется, я для неё какой-то более возвышенный, чем остальные, и она

меня реально почитает или почитывает? Может быть, я даже бы за ней приударил, но возраст определяет моё сознание, а она, конечно не юная дева, но моложе меня будет. Я, хоть и в душе чувствую себя мальчиком не целованным, но, глядя в зеркало, отчётливо понимаю, что на протяжении жизни не молодею, и это красным маркером перечеркивает моё стремление сблизить наши отношения. Я не боюсь ухаживать за ней, тем более, это у меня лихо получается при моём неугомонно-язвительном характере. Любой женщине приятны комплименты, но я боюсь ошибиться. Даже, скорее всего, не ошибиться, я боюсь, что она неправильно меня поймёт, а я неправильно себя поведу, и моё желание физической близости с этой женщиной ею будет расцениваться как некое насилие над личностью. Я боюсь, что она перестанет мне доверять, почитать и её обожание перейдёт в ненависть:

— Я думала, он не такой, а оказалось, как все — похотливое животное!

— Да, похотливое, да, эгоист, эгоцентрист и хочу обладать красивой женщиной!

Я не хочу быть утешителем чёрных вдов и не хочу быть благодетелем несчастных особей женского пола. Я желаю, близости с той женщиной, в которой почувствую что-то особенное, то, что меня притягивает к ней, что с ударом молнии входит в моё сознание, потому что, это пронзительно и прекрасно. Есть ощущения, ради которых мы, наверное, живём и они изначально бесценны. Они настолько удивительны и настолько захватывают душу человека, что не думаешь о последствиях, а последствия — это всегда похмелье. Это всегда потеря, это всегда дикая душевная боль, с которой не расстанешься уже никогда, которая всепожирающим огнём проходит от сердца к мозгу и превращается в злосчастье. И уже не хочется жить, и уже не знаешь, как спасти свою брэнность от этого огня. Тогда начинаешь принимать «дары Вакха», заглядывать в рюмку просто потому, чтоб не попасть в «Блажницу», а если попасть, то, хотя бы по другой причине. В тоже время, усиленно ищешь ей замену, ищешь долго и тщательно, но не находишь — постоянные сравнения с ней терзают душу. И всё больше и больше боишься других отношений: «А, обжёгшись на молоке, дуешь и на воду». После этого, в душевных муках начинаешь писать, рвать листки, ломать карандаши, пытаюсь написать что-то чувственное, что-то глубокое, что-то из самых потаённых уголков души, но ничего не получается. Получается какая-то «нелепость», вечная пустота, никому ненужная и никому неинтересная, называемая мною «философские бредни». А потом начинаешь понимать, что любовь — это страшная болезнь человека и нет

от неё иммунитета, а он должен быть. Наш Творец где-то просчитался. В первую очередь он научил нас, есть, пить, говорить, ходить, и должен был позаботиться о нашем душевном равновесии. Нет, конечно, он не должен был сделать из нас каких-то роботов безучастных, нет, сопереживание человеку свойственно всегда. Да, но вот предохранителя от внештатных ситуаций нет. А если есть, то он такой слабенький, что сразу перегорает от сильных волнений, от сильных эмоций душевных высокоамплитудных колебаний. Хотя, в прошествии лет, все эти мученические душевные кризисы превращаются в пищу для ума, в воспоминания, а эти воспоминания, раз за разом, насилая память, проигрываются в мозговых извилинах в виде различных сценариев:

— Ах, если было бы вот так, или как-то по-другому? А почему она так поступила, почему изменила своему мужу со мной? Ведь, когда я её узнал, она не была девушка лёгкого поведения. Значит, что-то она нашла во мне! Нашла то, чего ей в этой жизни не хватало?

Может быть, она ошибалась, выдавая желаемое за действительное, и, когда встречалась со мной, она спасала себя в тот момент, А может быть не только себя — свою семейную жизнь! Я для неё был просто отдушиной, и ничего серьёзного она со мной не планировала? Это для меня всё было серьёзно, а для неё — нет! Для неё это было просто спасение. Но, и в общении со мною, она произвольно тоже менялась, и её супруг, наверняка, это чувствовал — их отношения тоже менялись. Женщина сознательно идёт на измену тогда, когда хочет сохранить семью или, может быть наоборот, выскакивает из горящего поезда. Да, чтобы самой остаться в живых, а поезд, Бог с ним, пусть летит в тартарары. Трудно понять, и никто этого не скажет, даже, она сама себе:

— Мне некогда, думай, как хочешь!

— Я думаю, думаю!

Всё-таки, она была удивительная женщина. Сейчас, наверное, уже постарела, располнела и стала некрасивой, а тогда была просто «красотка» — такой она осталась в моей памяти, и я не хочу разрушить тот далёкий прекрасный образ. И, если бы сейчас мне бы сказали:

— Хочешь снова встретиться с ней?

Я бы ответил:

— Нет, ни в коем случае, не забирайте у меня из памяти моё прекрасное одиночество, мои прекрасные воспоминания, не надо!

Ведь она тоже старела и, может быть, как раз этот наш разрыв был предохранителем между мной и ей? Потом происходит у меня вторая встреча с девушкой, очень похожей на неё, только моложе. То есть,

получается, в памяти, да, именно так, в каждой женщине я искал её образ, первоначальный, знакомые мне до беспамятства черты.

— Татьяна, не подумайте превратно...

Именно Татьяна думала, что играет мной, манипулирует. Это было какое-то соревнование, какая-то непримиримая месть с её стороны ко всем мужчинам. Мне это было понятно, но с другой стороны, я получал от наших взаимоотношений груз нерешённых проблем. Бесшабашное прожигание жизни — это реалия другой стороны «любовно́й праны». Тихое семейное счастье было перечеркнуто безудержным любовным весельем, сопровождаемым ароматом бордоского сотерна, амурными утехами, «как в последний раз», а там, дальше, будь что будет. Я балансировал на грани пропасти, как эквилибрист на тонком канате, протянутым через пропасть, давясь до тошноты этим безудержным разгулом. Неуёмный путь к конечной точке наслаждения, как детонатор гранаты, взорвал меня изнутри, и я покатился вниз, в пропасть, понимая, что апогеем наших взаимоотношений будет старость и житейская невзгода. Но я ничего не мог с собой поделаться, абсолютно ничего — это всё происходило помимо моей воли. Я был вовлечен в страшную любовную игру, а она, глядя на то, как я принимаю условия игры, в глубине души посмеивалась:

— Вот, ещё одного сведу с ума и растопчу!

Она видела, как я желал её, добивался её любви и был бессознательно в неё влюблён — это было видно по мне, по моим поступкам, по моим откровениям. В какой-то момент беспрестанного раскручивания этого любовного маховика, я вдруг внял, что мне надо остановиться, мне нужно перестать её любить, заставить себя, её ненавидеть. Это было очень трудно, но это было необходимо. Я сначала думал, что она та самая бабочка, которая летит на огонь и сгорает в нём. Но правила игры со временем менялись, и получалось, что не она бабочка, а я тот самый махаон, обжёгший свои крылья в огне всепоглощающей любви. Правила незаметно для меня поменялись не в мою пользу, и надо было быть глубоким психологом, чтоб вовремя понять это. Во мне, в какой-то момент, щелкнула натянутая пружина, пружина самосохранения, и я, вдруг отчетливо понял — себя надо спасать. Внешне я остался тем же самым, но внутри сознания я заставил себя, её не любить. Я начал выискивать в ней недостатки. Это было очень трудно, но, потихоньку, я собрал несколько её главных недостатков и привел к общему знаменателю. И самым главным недостатком для меня, стало её прелюбодейство, даже не оно само, а то, с какой готовностью и легкостью она пошла на интимную связь со мною. Я сначала думал, что

это черта моего характера — настойчивость в любви, в желании обладания этой женщиной. В глубине души я всё-таки надеялся, что её желание быть со мною происходило от того, что в какой-то момент она полюбила меня. И я обнадеживал себя:

— Она просто потеряла голову, — так бывает в первые минуты.

Так бывает, когда человек ощущает другого человека своим сердцем, это потом, уже, разум включается и начинается анализ, и любви становится немножко меньше. Но, ведь, уже всё произошло, уже сформировалось желание, которое со временем переходит в привычку и вплетается в органику взаимоотношений. Если рвать, то рвать приходится по живому.

Когда, в какой момент столкнулись эти бильярдные шары, ударившиеся друг об друга и, отскочив, приведшие в движение множество других шаров в этой непростой бильярдной игре, под названием жизнь? И там, где мы думали, что был точный расчёт, оказалась просто череда каких-то случайностей.

Самое страшное другое — «скриншот» прошлого постоянно напоминает о себе в дальнейшей жизни, преследует и ностальгически мучает, мучает невыносимо, душевно, без надежды обрести покой, оставляя глубокий порез на сердце и в душе. Рана саднит и остаётся внутри человека на протяжении всей его жизни, до самой кончины, в виде драгоценного сердцу образа.

Контактная информация авторов

Тверитинов Алексей	atveritinow@mail.ru
Анна Логинова Трушкова	truann13406@mail.ru
Пучков Андрей	srok68@mail.ru
Тарасова Наталья	nataliawolf666@yandex.ru
Виктор Астанин	astanin1948@mail.ru
Яковлева Татьяна «Ежэн Ангелина»	animeshniknedodelanniy@yandex.ru
Светлана Назарова	svetlanapoeem@mail.ru
Суженова Светлана «Нагима Садулова»	nagima2357@mail.ru
Сергей Васильев	oficer00@list.ru
Саникидзе Анна	gs151160@mail.ru
Барсуков Сергей «Ким Барссерг»	autocad.rus@bk.ru

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 18

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф